

ВАЦЛАВ ЧТВРТЕК

ТРОЕ НАС И ПЕС ИЗ ПЕТИПАС

ДЕТГИЗ • 1962

ВАЦЛАВ ЧТВРТЕК

ТРОЕ НАС

И ПЕС ИЗ ПЕТИПАС

ПЕРЕВОД ~~С ЧЕШСКОГО И. КОЛОДОВОЙ~~

~~Р И З В У И К И Г. О. В. А. В. И. З. А.~~

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва • 1962

Редактор М. Кушнерович

Как и все ребята на свете, чешские школьники с нетерпением ждут летних каникул. И, конечно, каждый в мечтах выбирает себе место, где он проведет лето, подальше от дома — на каком-нибудь полюсе, на каких-нибудь островах, словом, где-нибудь на краю географической карты.

Удивительное летнее путешествие совершили герои этой веселой книжки — ученики 6-го класса пражской школы Тонда Гбудек и Рўда Дрăбек.

Они попали в Петипасы (62° северной широты, 17° западной долготы и в 25 минутах езды от Праги).

И представьте, ни малейшего разочарования!

Наверняка и вы, ребята, не разочаруетесь, прочитав этот рассказ о необычайных приключениях в Петипасах, написанный одним из героев книги.

Ваши отзывы об этой книге направляйте по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для среднего школьного возраста

Ответственный редактор *Л. Е. Касюга*. Художественный редактор *Н. Г. Холодовская*. Технический редактор *З. М. Кузьмина*. Корректора *В. П. Кучерова* и *В. К. Мирингоф*.

Сдано в набор 4/VIII 1961 г. Подписано к печати 22/XI 1961 г. Формат 60×90₁₆ — 11 печ. л. (8,32 уч. изд. л.). Тираж 65 000 экз. Цена 35 коп. Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49.
Заказ № 1248.

1

— А теперь — всем смотреть на доску! — приказал Генерал. Генералом мы называем нашего учителя чешского языка.

Потом он взял мел и написал на доске:

Куда я поеду летом на каникулы.

Доска дрожала, мел крошился и сыпался Генералу на пиджак, а когда он поставил точку, раздался такой грохот, словно доска выстрелила.

— Это ваше последнее сочинение в году. Каждому работать самостоятельно! — Бросив кусок мела в коробочку, он повернулся к партам и спросил: — Все ясно?

— Да! — грянули мы в один голос, как солдаты, хотя в нашем классе больше половины девчонок.

Генерал отряхнул пиджак и решительным шагом двинулся по проходу между партами.

— Перед тем как писать, всё хорошенько продумать — не то осрамимся в конце учебного года.

И вот я начал думать. Думал я очень старательно. Руда Дрăбек, мой сосед по парте, тоже думал, а когда он думает, то обязательно кусает ручку. Меня это страшно раздражает. Наконец я не выдержал и шепнул ему:

— Может, начнешь писать?

Руда еще разок куснул ручку и повернулся ко мне:

— Половина будет, тогда и начну. Времени хватит. Такое сочинение я накатаю за десять минут. — И он снова усердно принялся за ручку. — Знаешь, о чем я сейчас думаю? Как это Генерал умудряется попадать мелом в коробочку? Ведь она от доски метрах в двух, не меньше?

Всегда этот Руда делал не то, что надо, и думал всегда не о том, о чем думали все.

Через минуту он снова зашептал мне на ухо:

— Давно он работает в школе?

— Кто?

— Ну, Генерал! Если он учит уже лет десять, тогда мне все ясно!

— Что?

— Ясно, почему он такой меткий. Повторенье — мать уменья.

Я хорошо слышал, как у Индры Гóшека тикают в парте часы. Кругом скрипели перья, каждый что-то писал. Только я сидел над чистой страницей и как дурак слушал Руду. Было уже двадцать минут десятого. И тогда мне тоже все стало ясно. Ясно, что ученик шестого класса Антонійн Гóудек — это и есть я — получит за последнее сочинение в году двойку. Под двойкой, конечно, распишется сам Генерал.

— Оставь меня в покое хоть на минутку! — взмолился я.

Но Руда только рукой махнул, повернулся к задним партам и тихо спросил Индру Гошека:

— Время?

— Девять часов двадцать две минуты тридцать одна секунда, — заводным голосом, как Центральная часовая станция, отозвался Индра. У него были самые точные часы во всем классе, и он страшно важничал.

— Времени полным-полно! До конца урока можно всю тетрадь исписать! — фыркнул Руда. Он провел пером по ногтю, чтобы на кончике пера выступили чернила, но писать так и не начал. — Как думаешь, был Генерал на войне?

— С чего ты взял?

— Да он заправский снайпер.

Я прямо вспотел, даже ручка стала от моих пальцев какой-то скользкой, а Руда все не отставал:

— Так был или нет?

— Был. Служил в артиллеристах! — огрызнулся я, совсем измученный.

Руда сердито посмотрел на меня:

— Ври больше! Ты только что это придумал! До двенадцати ноль-ноль я с тобой не разговариваю!

Он отодвинулся от меня и как начал строчить! Он писал и писал, а я только смотрел на возникающие строчки и завидовал.

Настроение у меня было прескверное. Ох, и зол же я был. И на Руду и на весь мир!

До конца урока оставалось семнадцать минут, а в моей тетради по-прежнему чернело одно лишь заглавие.

Беда никогда не приходит одна, про это я знал еще с тех пор, как мы проходили пословицы. И вот действительно: послышался скрип паркета, потом слегка запахло табаком, и на нашу парту упала знакомая тень.

— Генерал! — шепнул Руда и стал выводить еще усерднее.

Я боялся взглянуть назад даже краешком глаза. Генерал стоял у меня за спиной, смотрел через мое плечо в пустую тетрадь и, как всегда, сердито хмурил брови. В это время Руда как раз переворачивал страницу.

— Страница вторая, — прошептал Руда.

Это нарочно, чтобы Генерал знал, как прилежно сегодня работает Руда Драбек.

— Ну, а мы что? — спросил Генерал. (Мы — это значит я.) — У нас сегодня дело не идет?

Я слегка опустил голову и услышал, как Генерал тихонько вздохнул. Он так всегда делал, когда хотел говорить построже. Вот сейчас он откашляется и начнет... Генерал никогда не кричит, у него и так оглушительный голос.

Я сосчитал до трех.

И вдруг что-то мягкое погладило меня по лицу. Это был Генералов галстук. Генерал наклонился к парте и буркнул мне прямо в ухо:

— Ну-ка, подвинься! — и сел рядом. Сам Генерал сел рядом со мной!

Потом он шепнул потихоньку, чтобы никто, кроме меня, его не услышал.

— Эх, Тóнда, Тонда! Ну что с тобой делать, писака?

И честное слово, голос у него был точь-в-точь такой же, как у моего дедушки из Лóуновиц, только, конечно, помоложе. Потом Генерал снова заговорил со мной, но теперь голос его стал совершенно другим, чем обычно.

— Так куда же ты поедешь на каникулы, Тонда?

— На мельницу.

— Это не ответ, а только неполное предложение.

— Подлежащее подразумевается, сказуемое тоже, — выпалил я, собираясь и дальше продолжать разбор предложения.

Но Генерал сразу осадил меня:

— Тонда!

Я так боялся, что он снова начнет говорить своим строгим, учительским голосом, что у меня как-то сразу все прояснилось в голове.

— Я поеду на каникулы к пану Кóрбику на Лазецкую мельницу. Я каждый год туда езжу. Мельница стоит около Лужницы. Говорят, когда-то на ней жил водяной. Но все это сказки... А сейчас там живет пан Корбик со своей женой и сыном. Сына зовут Ирка. Я каждый день хожу с ним ловить рыбу. В прошлом году я поймал у плотины на вишню большущего голавля. А в этом году мы уже будем с паном Корбиком ловить сомов. Вот будет неохота потом возвращаться в Прагу!

Генерал молча слушал. Когда я кончил, он взял у меня влажную ручку, вытер ее промокашкой и отдал мне обратно:

— Ну вот. А теперь напиши обо всем этом.

Мне никогда не приходилось писать сочинение с такой быстротой, как сегодня, семнадцатого июня, когда рядом со мной сидел Генерал. Я припоминал всё новые и новые события, одно интереснее другого. Когда я переворачивал последнюю страницу, то объявил погромче, нарочно для Руды:

— Третья!

Затем я поставил точку, и тут зазвенел звонок.

— Ну, вот и дело с концом, — тихо сказал Генерал все еще каким-то не своим голосом.

Потом он вынул из кармана красный карандаш и вывел на странице жирную пятерку. И тут я подумал, что Генерал вовсе не такой уж строгий. Иначе он не поставил бы мне пятерку за ту работу, которую сделал почти что сам.

Пока Генерал был рядом со мной, Руда сидел тихо, как мышь. Но вот он ушел, и к нашей парте направилась Квѣта Пáнкова, которая собирала тетради. Как только она подошла, Руда дернул ее за платье и сообщил так громко, что его слышали по крайней мере на трех соседних партах:

— А знаешь, Квета, у нашего Генерала появился писарь.

Тут я, конечно, не выдержал и крикнул:

— Неправда! Я сам придумал свое сочинение, сам!

Но Руда в ответ не сказал ни слова, только сунул мне под нос листок бумаги, на котором было написано: «До 12.00 я с тобой не разговариваю».

Это меня разозлило еще больше. Оказывается, я даже не могу поругаться с ним как следует! Вообще-то мы с Рудой только и делаем, что ругаемся. Но, странное дело, чем больше мы ссоримся, тем лучше живется нам за одной партией.

Между тем Генерал положил наши тетрадки в портфель и твердым шагом вышел из класса.

Вот тут уж перемена началась по-настоящему. Захлопали крышки парт, все вскочили и бросились в тот конец класса, где была карта. Это место называлось у нас «парламент» — мы всегда собирались там, когда хотели обсудить что-нибудь важное.

Как раз когда я туда подошел, Лёйза Раков показывал на карте, куда он поедет на каникулы. Сегодня все только и говорили, что о каникулах. И говорили так, словно они начинаются прямо завтра. Одним словом, настроение в «парламенте» было веселое. Только Мирек Дүрих все ходил от одного к другому и каждого спрашивал:

— Знаешь, я забыл в последнем предложении поставить запятую перед «чтобы». Это грубая ошибка или нет?

Мы выставили Мирека за дверь, чтобы он поговорил об этом с Генералом, а сами опять завели разговор о каникулах. Перемена уже подходила к концу, и, наверное, поэтому мы разгладелись пуще прежнего.

Руда Драбек в «парламент» не пришел. Он стоял у доски, отламывал кусочки мела и бросал их в коробку, как Генерал. Но попасть ему удавалось

не больше одного раза из пяти, и вскоре мы услышали его сердитый голос:

— Что-то не везет мне сегодня!

Потом он отошел к окну и сделал вид, что внимательно смотрит на улицу. Но я прекрасно видел, что никуда он не смотрит, а только прислушивается к нашему разговору. Уж я-то знал, как охота ему поговорить о каникулах! Но подойти сам он, конечно, не мог. Он, как всегда, ждал, чтобы его позвали.

Наконец Кáрел Клоц не выдержал и крикнул ему:

— А ты куда поедешь, Руда?

Руда лениво повернулся к нам:

— А вы угадайте!

Потом не спеша обошел меня, стал на самом видном месте и, похлопывая себя по ноге, спросил:

— Знаете, где находится Жили́на? Вот это я понимаю — расстояннице!

Не успел он договорить, как его перебила Света Влкова:

— А Фра́нта Туре́к поедет еще дальше — до самого Прéшова.

Тут наш Руда как-то странно заморгал и, по-моему, даже слегка покраснел. Но сбить его было не так-то просто. Он немного покачался на носках и подошел поближе к карте.

— А кто тебе сказал, что я поеду до Жилины? Там я был в прошлом году. А в этом... — И он ткнул пальцем в то место, которое мы даже не проходили на уроках географии.

— Гуменное, — прочитала через Рудино плечо Квета.

И весь «парламент» единогласно признал, что Руда занял первое место.

— Там живет один из братьев моего отца, — начал рассказывать Руда, стараясь изо всех сил, чтобы его рассказ звучал правдоподобно. — У него там свой дом, такой старый дом в глухом лесу. В прошлом го-

ду, как раз во время каникул, медведь разворотил в этом доме оконную раму. Мой дядя выстрелил в него, но задел только заднюю лапу. Медведь забрался по-дальше в глушь и там отлежался. С тех пор он страшно ненавидит нас. — Руда вытянул руку, прищурил один глаз, точно целился в кого-то из ружья, и добавил: — Каникулы будут что надо! Я уж это знаю заранее!

В «парламенте» наступила мертвая тишина. Было слышно, как этажом ниже школьная нянечка подкладывает в печку дрова. Все стояли разинув рот и глядели на Руду. Кто-то из девочек тихонько вздохнул. Наконец Свѣта Кóуделек пропищал своим тоненьким голоском:

— Вот это да! А ты не врешь, Руда?

Руда сразу сделал обиженное лицо и повернулся ко мне.

Наверное, он забыл, что решил не разговаривать со мной до 12.00.

— Ну-ка, Тонда, скажи, есть у меня дядя в Словакии или нет?

А у него и вправду где-то в Словакии был какой-то дядя. Поэтому я сказал Свате:

— Нет, Руда не врет.

Тут прозвучал звонок и мы бросились к своим партам.

Больше ничего интересного до конца уроков не произошло.

Выйдя из школы, я расстался с ребятами и со всех ног пустился домой. Сегодня на обед у нас были кнедлики.

Когда я уже поворачивал на нашу улицу, на встречу мне попался почтальон. Он остановил меня, вынул из своей сумки письмо, вслух прочитал адрес и спросил:

— Пионер Антонин Гоудек, не так ли?

Это было так неожиданно, точно гром с ясного неба. Я растерялся:

— Моего отца тоже зовут Антонин Гоудек. Правда, он не пионер.

Но почтальон даже не улыбнулся. Он подал мне письмо. Вот так и началась самая грустная пора в моей жизни.

2

Я лежал в комнате на тахте. Животом на подушке с вышитыми оленями. И эта подушка страшно колола мне живот. Ну и ладно, пусть колет.

А рядом на кухне мама готовила кнедлики. Запах доносился даже в комнату. Ну и ладно, пусть доносится!

Вскоре послышался стук тарелок и ложек. Мама позвала меня:

— Тоник, иди мой руки! Пора обедать!

Ну и пусть пора! Все равно не буду есть.

Я еще крепче налег на подушку — пусть колет сильнее — и продолжал думать о своей несчастной судьбе. А тут еще это дурацкое солнце! Светит в окно как ни в чем не бывало! Отвлекает от грустных мыслей!

Мама открыла двери, вытерла руки полотенцем, сняла фартук.

— Все готово. Иди, Тоник, умойся и перестань дурить! Скоро придет отец.

Я крикнул про себя: «Ну и пусть придет!» — а вслух пробормотал:

— Мама, не хочу я сегодня есть!

Мама под села ко мне на тахту и внимательно посмотрела на меня:

— Эх, дружок! Хорошо бы эта беда была самой большой в твоей жизни.

Неужели бывают беды еще больше? Но что могло бы быть для меня еще большей бедой? Ведь я получил письмо, в котором ясно сказано: на Лазецкую мельницу этим летом ехать нельзя — Ирка Корбик заболел скарлатиной.

Лишь только я начинал думать об этом, так чуть не ревел от злости. И даже немного жалел, что я не третьеклассник какой-нибудь, которому иногда разрешается пореветь. А вот у нас уже не поплачешь: как-никак, шестой класс!

В кухне на плите что-то зашипело. Мама скорее побежала туда. А я решил уснуть. Может, хоть во сне меня перестанут мучить грустные мысли. Я крепко зажмурил глаза и принялся считать: раз, два, три... Дойдя до семи, я сбился — вспомнил, что прошлым

летом у Иркиной собаки Алины родилось семь щенят. Счет пришлось начинать сначала. И так повторялось четыре раза.

Девятнадцать... Тут у меня перед глазами возникла лесная поляна за мельницей, где прошлым летом я нашел девятнадцать белых грибов.

Двадцать три... Мне вспомнилось, как однажды около мельницы остановился служащий из Народного Совета и спросил пана Корбика:

«Скажите, папаша, какой номер дома у вашей мельницы?»

«Двадцать три», — ответил пан Корбик.

Девяносто семь... Раздался звонок в передней. Это пришел с работы отец. В коридоре застучали его тяжелые ботинки. Потом его голос донесся из ванной. Он просил маму дать ему полотенце, справлялся, что сегодня на обед. Потом прошел на кухню.

— А где же наш третий?

Мама, наверное, показала на дверь моей комнаты.

— А что он там, собственно, делает?

Мама, должно быть, только пожала плечами, потому что я ничего не услышал.

— Очевидно, этот Тонда лишил тебя дара речи, — сказал отец уже около моей двери.

Ручка слегка дернулась.

Тогда мама что-то тихо сказала:

— Ирка Корбик?! — удивленно воскликнул отец. — Вот не повезло парню!

Я ждал, что отец теперь и мне посочувствует. Но он продолжал расспрашивать об Ирке.

Ручка двери вернулась в прежнее положение, на кухне скрипнул стул, застучали ложки. Вскоре я услышал, как отец попросил еще кнедликов, потом осведомился у мамы, нашлась ли наконец квитанция из химчистки. Обо мне ни слова! Этого я не мог больше выдержать. Схватил письмо и с криком ворвался на кухню:

— Мне некуда ехать на каникулы!

Отец спокойно отложил ложку:

— Ты меня, Тонда, чуть не испугал.

Я подошел к нему ближе и еще громче крикнул:

— И никому до этого нет дела!

— Ну, хватит, Тонда, — сказал отец и показал мне на стул.

Скрепя сердце я уселся.

— Только есть я все равно не буду.

Отец посмотрел на плиту:

— Остались там еще кнедлики? Сколько тебе положить?

Настроение у меня все еще было неважное, но я ответил, что съел бы, пожалуй, штук девять. И начал есть. Отец тем временем прочитал письмо от Корбиков, отложил его в сторону, покачал головой и вернулся к своим блинчикам.

— Вот видишь, как мне не повезло, — пожаловался я.

— Ешь и молчи! — строго приказала мама.

Я завидовал своим родителям — не знают они никаких забот и совершенно спокойно уничтожают свои блинчики. Но как они могут оставаться спокойными, когда у меня такое несчастье!

Еще раз три заводил я разговор о каникулах, но мама всякий раз меня останавливала:

— Да ешь ты спокойно! Все будет хорошо!

После обеда отец надел ботинки и куда-то отправился. Вернулся он скоро. Сел у печки на табуретку и, расшнуровывая ботинки, спокойно сказал:

— Поедешь, Тонда, на каникулы в Петипáсы.

А мама вытирала тарелки и даже не обернулась. Только спросила:

— С кем ты говорил, с Людви́ком?

— Подай-ка, мать, ножницы. Опять у меня шнурок не развязывается, — вздохнул отец. И только потом уже ответил: — С Людви́ком. Ярка Людвик как раз уезжает на практику. Тонда сможет пожить в его комнате.

Я не верил своим ушам. В тот же миг я бросился к отцу:

— Папа, о ком ты говоришь? Обо мне?

— А кто еще у нас в доме Тонда? — буркнул отец, не поднимая головы от шнурка, который никак не хотел развязываться.

— Значит, я поеду на каникулы! — закричал я во все горло. И тут же недоверчиво спросил: — Но, папа, когда же ты успел договориться?

— По телефону. И, пожалуйста, оставь меня в покое — я никак не развяжу шнурок.

Только теперь я почувствовал настоящую радость.

— А у них там есть река?

— Да, Бербунка, — сказал отец.

— А мельница?

— Турбинная.

— И лес?

Отец поднял глаза:

— Не болтай, Тонда, лучше помоги мне.

Но пальцы у меня дрожали. Пришлось позвать на помощь маму.

— А ребят там много?

Наконец шнурок был развязан. Отец снял ботинок и проворчал:

— Знаешь, Тонда, я возьму тебя завтра с собой на работу, и старый Людвик сам тебе все расскажет.

— Тот Людвик, что стоит в караульной?

— Тот, тот! — И больше отец не сказал ни слова.

Он вообще не любит много говорить. И смеется редко. Но, когда со мной приключается что-нибудь неприятное, он всегда меня выручает.

Я ушел в комнату и лег на тахту. Под голову я положил самую мягкую подушку, с вышитыми павлинами. И начал думать о Петипасах. Может, там будет совсем и не хуже, чем на Лазецкой мельнице.

Время от времени я поглядывал в зеркало, которое стояло на маминном туалетном столике, и показывал себе язык. Мне хотелось подразнить себя за то, что я столько времени куролесил понапрасну.

В комнате стоял приятный холодок, в открытое окно струился запах акаций, цветущих на нашей улице. Я решил, что до половины третьего буду лежать на тахте и радоваться.

Но уже в четверть третьего мне пришла в голову новая мысль. Я вспомнил о своей удочке. Я очень ее люблю. Бывает, сидишь с удочкой на берегу и даже разговариваешь с ней. Упрекаешь ее: мол, долго ли еще сидеть — рука-то затекла; и не скажет ли она рыбам, чтобы они, наконец, появились.

Я вскочил с тахты, заглянул за шкаф. Удочка на месте. Она была разобрана и связана шнурком. Так и стояла в углу с прошлого года.

— Ну, иди ко мне, бедняга! — сказал я и стряхнул с нее пыль. — Целую вечность не виделись!

Я знал, чего сейчас хочется моей верной подружке. Я развязал удочку и соединил все три ее части. В комнате было мало места, поэтому конец удочки я высунул в окно. Удочка так и блестела на солнце, и мне нестерпимо захотелось сейчас же отправиться на рыбалку.

— Мы еще своего дождемся, — сказал я удочке. — Скоро нас узнают все рыбы в Бeroунке.

Удочка дрогнула, словно удивилась.

«В Бeroунке, говоришь?»

— Ну да, Лужница нам уже надоела, правда? К тому же у Ирки скарлатина. Но в Бeroунке тоже будет неплохо, — объяснял я удочке.

В эту минуту кто-то закричал на улице:

— Тонда, клюет!

Я тут же втащил удочку в комнату и, спрятавшись за шторой, осторожно выглянул из окна.

На другой стороне улицы стоял Руда. Он смотрел на наше окно и смеялся.

— Ну как, много угрей поймал?

Тут я окончательно понял, что Руда совсем не разбирается в рыбной ловле. Какой же рыболов станет ловить угрей в три часа дня!

— Ладно, ладно, не прячься! Все равно я тебя вижу! — кричал Руда на всю улицу.

Я высунулся из окна:

— Ты к нам?

— Заглянешь в портфель, и все узнаешь. — И с этими загадочными словами Руда побежал к двери нашего дома.

Через минуту в передней раздался звонок. Я пошел открывать. Когда я проходил через кухню, отец спросил меня:

— Кто это? Что еще за гости?

— Это не гости. Это Руда Драбек.

— Опять этот противный парень! И что он все время тобой командует?

Отец не очень-то любит Руду, и Руда это прекрасно знает. Поэтому он очень вежливо поздоровался с ним и, прежде чем войти в кухню, долго шаркал ногами, словно вытирал ботинки о коврик, хотя никакого коврика там не было. Как только за нами закрылись двери моей комнаты, мы облегченно вздохнули.

Руда сразу кинулся к письменному столу.

— Давай мне ее по-быстрому, и я помчусь. В другой раз гляди, что съешь в портфель.

Мой портфель был уже у него в руках. Он высыпал из него книги и пожал плечами.

— Здесь ее нет. Значит, она где-то в другом месте. Уже полдня я ее разыскиваю... Что ты на меня уставился? Я ищу свою хрестоматию. Думал, что ты сунул ее в свой портфель.

Говоря все это, Руда вертелся по комнате, оставляя на паркете грязные следы. Маме это обычно не очень нравилось.

— Сядь-ка ты лучше, — сказал я Руде.

Он опасливо покосился на дверь:

— Да я только на минутку.

Честно говоря, я был рад его приходу. Ведь не приди он к нам, мне все равно пришлось бы отправиться к нему. Надо же было рассказать, куда я поеду на каникулы. Но сейчас мне как-то не хотелось сразу начинать этот разговор — еще подумает, что я хвастаюсь.

Руда тем временем сел на стул около тахты и стал разглядывать удочку. Вид у него был как у завязтого рыболова. Он потряс удочку в руке, прищелкнул языком и сказал:

— Ничего штучка. А что ты сейчас с ней делаешь?

— Да так, немного тренировался.

— Тренировка — дело полезное, — кивнул Руда.

Вот тут-то и настал подходящий момент, чтобы пенароком ввернуть словечко о Петипасах.

— Особенно когда придется ловить в незнакомой реке. На этой Бероунке викогда не знаешь, чего ожидать. Об этом скажет любой рыболов.

Но Руда играл с катушкой и не заметил, что я говорю о Петипасах. Тогда я сказал уже громче:

— Ты что-нибудь слышал о Петипасах?

Едва я успел договорить, как произошло что-то непонятное. Удочка выскочила у Руды из рук, задела люстру, Руда стремительно повернулся и схватил меня за плечи. Читал я как-то в книге, что у кого-то там глаза полезли на лоб, и никак не мог себе этого представить. Но в эту минуту глаза у Руды были и вправду на лбу. Он потрянул меня за плечи и крикнул:

— Что ты сказал, повтори-ка!

Я не успел ответить, открылась дверь, и в комнату вошел отец. Руда отскочил от меня, поклонился отцу и громко проговорил:

— Добрый день!

— А мы с тобой уже, кажется, виделись, — усмехнулся отец.

Он взял из шкафа галстук и вышел из комнаты. Все произошло в один момент, но за это время с моим Рудой случилась удивительная перемена. Засунув руки в карманы брюк, наморщив лоб, он бегал назад и вперед по краю ковра.

— Да, здорово тебе не повезло, Тонда!

Я не понял его.

— Такого счастья я не пожелал бы даже... — Руда немного помолчал. — Словом, никому!

Тут уж я совсем растерялся. Вдруг он остановился, обхватил меня за плечи, усадил на тахту и сам присел рядом.

— Так, значит, куда ты едешь на каникулы?

— В Петипасы.

— Бедняга, он даже не знает, что его ждет! — печальным голосом сказал Руда.

Меня ужасно злило, что этот Руда говорит так таинственно и каждый раз при слове «Петипасы» презрительно морщится. Поэтому я громко сказал:

— А я вот заранее рад!

Руда поднял глаза к потолку:

— Бедняга! Он даже не знает, что говорит! — Потом посмотрел на меня с важным видом и усмехнулся: — Да знаешь ли ты вообще, что такое Петипасы?

— Деревня или город где-то на Бероунке. — Я решил, что не дам себя обмануть.

Руда прыснул от смеха.

— Где-то на Бероунке! — Он сунул руку в карман, вынул несколько монет и потряс их на ладони. — Вот тебе шестьдесят галеров, садись на пятьдесят девятый автобус и поезжай до конечной остановки. Оттуда ты спокойно дойдешь до Петипас пешком! Хорошее расстояние, не так ли?

— Ну и пусть! Все равно там здорово, и река есть!

Хотя, по правде сказать, мне было вовсе не все равно, что эти Петипасы так близко от Праги.

— Река! А ты в ней купался когда-нибудь?

— Пока нет, но обязательно буду.

— А вот и не будешь. Такой ужасной реки ты еще в жизни не видел. Только влезешь в нее — и сразу ногой о камень. А где нет камней, там водовороты. А где нет водоворотов — сплошная тина.

— Вот и хорошо! Именно в этой тине я и буду ловить рыбу!

— Все равно не будешь. Там всюду затонувшие деревья и коряги. Рыбаки говорят, что лет через тысячу на этом месте будут настоящие железные рудники — столько там крючков пооставляли!

Я уже и сам не верил, что Петипасы приличное

место, но не хотел в этом признаться и потому продолжал спорить.

— Ну и пусть! Ну и пусть! Ну и не буду ловить рыбу. Подумаешь, рыба! Зато там много хороших ребят.

— А ты знаешь, что в Петипасах самые противные ребята в мире? Ходят только своей компанией, чужих не признают. Но в основном они сидят дома, а все почему? У них там в Петипасах такой учитель, который устраивает экзамены даже во время капшкул. Идешь ты, предположим, спокойно по улице, и вдруг он тебя останавливает ни с того ни с сего: «Гуляешь, значит? Так... так... А не забыл ли ты геометрию?» И не отпустит до тех пор, пока ты ему не нарисуешь веткой хотя бы трапецию. А иной раз спросит и по чешскому: «Ну-ка, приятель, образуй прилагательное от имени собственного «Петипасы»!» И ты гадай, как правильно сказать: петипасский, петипасовый или петипасовский! Эти ребята из Петипас никогда не знают, идет ли еще учебный год или уже наступили каникулы. — Руда даже запыхался от усердия. — Тонда, прошу тебя, не ездь в Петипасы! — Тут он кончил и протянул мне руку. — Обещай, что ты туда не поедешь!

Я задумался.

— Руда, а ты не врешь?

— Значит, ты не веришь мне?

Я кивнул. Руда отодвинулся от меня с оскорбленным видом.

— А Стáнде Кáлибу ты бы поверил?

Этого Станду, перешедшего от нас в другую школу, мы называли Честнягой. Он никогда не говорил ни одного слова неправды.

— Да, Станде я бы поверил.

— Ну, вот видишь, — солидным голосом сказал Руда. — Как раз Станда Калиб и рассказывал мне все это о Петипасах. Он был там в позапрошлом году на каникулах.

Руда встал с тахты, еще раз осмотрел мой портфель и побежал домой искать свою хрестоматию.

Я медленно сложил удочку.

— Да, дружище, — говорил я ей, — на этот раз мы с тобой много не наловим. В каждой заводи там полно коряг. Да и вообще... Ребята там сидят все время дома. А учитель спрашивает даже во время каникул.

Со злости я изо всей силы затянул веревку на удочке. Но злость моя от этого не стала меньше.

Я снова поставил удочку за шкаф. Потом принялся ходить из угла в угол. Наконец я принял решение: вечером попрошу отца оставить меня на каникулы в Праге.

Ужин я уплетал за обе щеки — надо же было набраться сил, чтобы сказать родителям о своем решении. Но как раз в тот момент, когда мама уже убирала тарелки, отец положил руку на стол и спросил:

— Угадайте, что у меня под рукой? — и слегка отодвинул руку. Под ней лежало сто крон. — Людвик взял за Тонду всего шесть сотен. Седьмую, мать, я отдаю тебе обратно.

Так за шестьсот крон продали меня в Петипасы.

3

Поезд миновал последнюю стрелку за Смйховским вокзалом. Я смотрел в окошко, все время оглядываясь назад, на Прагу, и вспоминал папу, который остался на вокзале. Прощаясь со мной, папа сказал:

— Запомни одно, Тонда! Когда приедешь в Петипасы, найди себе хорошего товарища, и тогда тебе сразу все там понравится.

Легко сказать «найди товарища»! Но как это сделать? Перед глазами у меня стояли ребята из нашего класса. Вдруг все они исчезли, и остался только один Руда Драбек. Я вижу, как он идет от доски с табелем в руках. Ребята тихо спрашивают его со своих парт:

«Ну, как отметки?»

А Руда гордо цедит сквозь зубы:

«Одни пятерки».

У меня табель был похуже. Я получил две четверки: по географии и по русскому, и тройку по черчению.

В вагон вошел проводник. Открыл дверь и улыбнулся мне:

— На каникулы?

Мне было стыдно сказать, что я еду всего лишь в Петипасы. Проводник взял у меня билет и пробил.

— Петипасы... Тебе, пожалуй, пора понемногу собираться.

Я покраснел, а поезд в это время подъехал уже к Хулям.

Через минуту мы двинулись дальше. И снова мне вспомнился Руда. Через четыре дня он тоже отправится в путь. Ему предстоит дальняя дорога в Гуменное. Да, у Руды не будет билета, который стоит всего-навсего две кроны двадцать галеров! Свой билет он предъявит не меньше трех раз, и контролер наверняка удивится:

«Ого, парень, далековато едешь!»

А мой поезд был уже в Радотине.

Я решил до самых Петипас смотреть в окно — по крайней мере, хотя бы буду знать, что у меня за дорога.

Но тут в купе, где я сидел, вошла женщина с двумя чемоданами. Моя мама сама бы управилась с такими чемоданами, но эта пани была маленького роста и на вид очень слабая. Я помог ей поднять чемоданы на багажную полку.

А поезд был уже в Черношицах.

В окошко я больше не глядел — боялся, как бы не проехать Петипасы. В одну руку я взял чемодан, в другую — удочку и вышел из купе. У дверей вагона я остановился, посмотрел, какую ручку надо нажать, чтобы выйти из вагона.

И тут поезд остановился в Петипасах.

Пассажиров здесь сошло совсем немного. Какой-то пан с собакой, пани с большой сумкой, еще один пан — у этого в руках ничего не было — и девочка в голубом платье. Я посмотрел на часы, чтобы знать, сколько времени занимает дорога до Петипас. Оказалось, что я ехал всего двадцать семь минут, да еще поезд на две минуты опоздал.

Затем я поднял свой чемодан и двинулся по тропке, идущей вдоль железной дороги.

Справа виднелось обыкновенное шоссе, вдоль которого росли самые обыкновенные запыленные деревья. За шоссе стояли обыкновенные одноэтажные домики. Слева вдоль железнодорожного полотна шла проселочная дорога. Деревьев там не было, только трава и чертополох. Немного дальше я увидел сачки и деревянные домики. Домики были разноцветные — красные, голубые, зеленые и просто неокрашенные. Каждый домик чем-то отличался от другого, но мне все равно они не понравились.

Выше я ничего не увидел, кроме неба. Правда, слева тянулся какой-то скалистый склон, поросший лесом. Но к чему этот лес, если ходить туда придется по таким камням и обрывам!

Может быть, эти Петипасы вблизи выглядят лучше? Но меня снова ждало разочарование. Впереди росло несколько больших лип, а за ними — ничего интересного. Руда был прав: Петипасы оказались совсем неподходящим местом для каникул.

Немного погодя я добрался до переезда. Там стоял сторож в синей форме, он собирался опустить шлагбаум.

— Поспеши, парень, — сказал он, — скоро пойдет поезд.

Но куда мне было спешить? Ведь я даже не знал, где находится дом этих самых Людвигов, у которых мне придется поселиться. Перебежав полотно железной дороги, я спросил сторожа:

— Простите, вы не знаете, как пройти к Людвикам?

Сторож повертел палку и задумался:

— Людвиков у нас целых пять семей.

— Мне нужен тот Людвик, который ездит на работу в Прагу.

— Туда от нас ездят три Людвика. Впрочем, попробуй посмотри вон там.

Сторож показал на домик за железной дорогой и немного приподнял шлагбаум. Я перебежал обратно через линию, но, прежде чем шлагбаум опустился, для большей уверенности спросил еще:

— А есть у этих Людвиков Ярка?

— Так бы сразу и сказал, — покачал головой сторож. — Эти Людвики живут вон там. — Он показал за шоссе и снова приподнял шлагбаум.

Я опять перебежал через путь. В ту же минуту в саду возле дома сторожа кто-то засмеялся. Это была девчонка, приехавшая с тем же поездом, что и я. Я узнал ее по голубому платью. Разумеется, я сделал вид, что ничего не слышу, и заторопился по шоссе к липам. Меня душила злость. Не успел я прехать в Петипасы, как уже надо мной смеются!

Вправо от лип шла улица, по ней важно расхаживали гуси. Перед каждым домиком был сад. У второго дома с краю перед железной калиткой стояла пожилая женщина в платке. Она еще издали закричала мне:

— Сюда, парень, сюда! А я уж думала, что ты не приедешь.

Это была пани Людвикова. Она взяла у меня из рук чемодан и повела через сад, весело болтая по дороге.

— Жить ты будешь в комнате Ярки. Постель я тебе приготовила, комнату проветрила. Есть будешь с нами, а товарищей тебе здесь найдется немало. Вон там у забора — колонка, туда ты будешь ходить за водой. Цветы на клумбе не рви, пан Людвик этого

не любит. Хотя, на что тебе цветы — ты ведь не девочка... Ну, вот мы и пришли!

Мы стояли перед верандой, которая вся была из дерева и стекла. Пани Людвикова открыла дверь и повернулась ко мне:

— А я вижу, ты не очень-то разговорчив. Впрочем, и наш Ярка такой же.

Мы прошли через веранду в комнату Ярки.

— Ну, вот ты и дома!

Я стал оглядывать комнату.

Тем временем пани Людвикова открыла чемодан и все, что в нем было, развесила в шкафу и разложила на стуле.

— Удочку поставь за шкаф. Немного оглядишься, приходи к нам.

— Ладно.

— А ты и вправду молчалив, — повторила пани Людвикова и вышла.

Я уселся на стул. «Ну, вот ты и дома!» Вот уж этого я совсем не чувствовал! Дома я спал на тахте, а здесь у меня кровать с периной в синюю полоску. Дома у нас умывальник находится в вапной, здесь он стоит на железных ножках в углу около печки. Дома у нас паркет, а на нем ковер, у Людвигов дощатый пол, покрашенный коричневой краской. И фотографии здесь были совсем другие. На самой большой фотографии — бородатый солдат с кривой саблей. Я смотрел и удивлялся, до чего же странно выглядели солдаты раньше.

Наконец я встал со стула, решил посмотреть на книги. Книги стояли на полке в три ряда, но ни одна из них не подходила мне для чтения. Все они были о цветах, о деревьях, одна даже о самой обыкновенной траве. Ярка, наверное, учился в школе садоводов.

Я снова сел на стул. Ох, и жарко же мне будет спать ночью под такой толстой периной!

Да, Руда оказался прав: в Петипасах было очень скверно.

В комнате стояла такая тишина, что у меня шумело в ушах. Тогда я немного покашлял — и то стало как-то веселей. К окну подлетела бабочка-капустница, старавшаяся попасть в комнату. Я проворчал:

— Радуйся, глупая, что ты на улице, а не здесь, в комнате!

Бабочка скрылась среди деревьев, и я решил, что неплохо бы осмотреть сад. Быстро переоделся, надел тапочки, красные трусики и белую майку.

В эту минуту кто-то постучал в дверь веранды. Сначала я хотел было позвать пани Людвигу, но передумал и открыл сам.

За дверями стоял пожилой человек в полотняных брюках и зеленой рубашке.

На голове у него была старая соломенная шляпа. Из кармана торчал конец веревки. Аккуратно вытирая ноги о подстилку, глядя вниз, он спросил меня заботливым голосом:

— Ну, что поделывает наша майовка?

Я понятия не имел, что это такое — курица, кошка или щенок.

— Я не знаю, я здесь только первый день.

Человек в соломенной шляпе быстро поднял глаза:

— А Ярки нет дома? Кто ты такой?

— Гоудек из Праги.

— Отвечай распространенным предложением, — строго заметил человек в соломенной шляпе.

И мне сразу стало ясно, кто это. Ну конечно, это же учитель, о котором говорил Руда. Наверное, он узнал, что я приехал в Петипасы, и пришел устроить мне экзамен! Я торопливо отступил за дверь.

— Пани Людвикова, к вам пришли гости!

— Иду, иду! — раздался голос пани Людвиковой откуда-то со двора.

Я не знал, что делать дальше. Тогда я поклонился и пролепетал распространенное предложение:

— Пани Людвикова сейчас придет, — и тут же кинулся в комнату к умывальнику.

Я начал старательно мыть уши, чтобы ничего не слышать, если учитель задаст мне еще какой-нибудь вопрос.

Когда я кончил мыться, пани Людвикова с гостем была уже в комнате. Она отряхивала свой фартук от гусиных перьев и все повторяла:

— Да покажись ты, Тоник! Никто тебя не съест!

Учитель делал вид, что я вообще его не интересую. Он без конца говорил о майовке — его беспокоило, позаботился ли о ней Ярка, когда уезжал. Потом я узнал, что это всего-навсего вишня, растущая у самого забора. У нее недавно треснул ствол.

Но я-то хорошо знал, что учитель пришел неспроста, не ради какой-то там вишни. Все понятно: он явился меня экзаменовать! И я начал повторять про себя все теоремы по геометрии.

А в это время пани Людвикова и учитель о чем-то говорили. Но у меня не было времени их слушать. Я, как назло, не мог вспомнить одну важную вещь. Бывает же такое! Принялся высчитывать площадь треугольника и вдруг начисто забыл, как ее вычислять. В голове у меня все перемешалось. Я чувствовал, как у меня даже ноги вспотели.

Но вот пани Людвикова стала говорить все громче и громче, как делают люди, когда заканчивают разговор. И вдруг мне словно послышался голос нашего школьного математика:

«Площадь треугольника равна половине произведения основания на высоту».

И как-то машинально я повторил это вслух. Петипасский учитель перестал говорить и внима-

тельно посмотрел на меня. Но пани Людвикова ничего не заметила. Досказав что-то о своем Ярке, она взяла меня за плечо и выставила вперед:

— Вот-вот... Такой же молчун, как и наш Ярка! Да ты хоть поздоровался с паном учителем?

Я покачал головой. Учитель положил свои руки мне на плечи и весело сказал:

— Мы еще не успели, правда, Тоник? Мы столкнулись в дверях согласно закону сопротивления неуругих тел!

Я быстро перебил его:

— Мы еще физику не проходили!

Учитель потрепал меня по плечу:

— Значит, ты кончил шестой? Ну ничего, после каникул обязательно начнете ее изучать. А теперь тебе нечего ломать над ней голову!

Мне не верилось: неужели он заговорил о фпзике только для того, чтобы узнать, в каком классе я учусь? Я с беспокойством ждал, что будет дальше.

Учитель вытащил из кармана брюк часы, взглянул на них и притворился, что уходит. Взяв со стола соломенную шляпу, он подал руку пани Людвиковой и направился к дверям. Но вдруг остановился и спросил меня:

— А про Кáзин ты слышал?

Да, Руда все-таки был прав! Сейчас он примется меня экзаменовать. Сердце у меня забилося.

Пани Людвикова попыталась меня спасти:

— Он, пан учитель, в наших местах впервые.

Учитель вытянул из кармана веревку и зачем-то начал делать на ней узелки.

— Но Казин, Тоник, ты все равно должен знать. Ты же проезжал мимо него на поезде.

— А я не смотрел в окно.

На лбу у учителя появилась морщинка. Он сделал шаг к столу, взял стул и сел на него верхом.

Ну, началось! Наверняка сейчас устроит экзамен!

— И все же ты должен знать Казин. Кто такая Кази?

В горле у меня сразу пересохло. Значит, напрасно я повторял про себя геометрию — отвечать приходится по истории. Правда, точно так же Кази с Казиним могли относиться и к географии, и к чешскому.

На лбу у учителя пролегла вторая морщинка.

— Что у тебя было по языку и литературе, дружище?

— Пятерка.

В голове у меня все перемешалось.

— Пятерка? — недоверчиво переспросил учитель.

Тут уже пани Людвикова не выдержала. Наклонившись ко мне, она прошептала:

— Ну скажи что-нибудь, Тоник!

Я молчал как убитый.

Учитель все еще недоверчиво качал головой. Потом вдруг уставился в потолок и громким голосом, как на уроке, произнес:

— Кази знала всякие травы и коренья, чудодейственную их силу. Ими она лечила разные недуги. Рассказывали, что и просто словом умела она изгонять болезнь, заклинала ее именами могучих богов и духов. После смерти отца она чаще всего жила в замке, что стоял у горы Осек возле реки Мже. С тех пор он стал называться «Казин замок». — Учитель кончил. На лбу у него появилось уже три морщины. — Разве ты не знаешь об этом?

— Это из «Старинных чешских сказаний».

— Ну, слава богу! — вздохнула пани Людвикова.

А нетипасский учитель недовольно проворчал:

— Хоть что-то знаешь!

Он поднялся со стула, взял меня за подбородок и заглянул мне прямо в глаза.

— А как ты думаешь, почему я спросил тебя о Кази?

«Ясно, почему!.. Потому что вы любите устраивать экзамены даже в каникулы!» — так и вертелось у меня на языке. Но я ничего не сказал, а то, пожалуй, он еще больше рассердится.

— Казинотом мы называем скалу над Бороункой. Она недалеко отсюда. Все ребята любят на нее лазить. Смотри, Тонда, когда полезешь туда, не свались с Казина в нашу Мже!

Учитель добродушно рассмеялся, но я-то знал, что он просто-напросто притворяется. Вот сейчас придет домой и запишет мне в своем дневнике единицу за ответ о Казине — потому и радуется!

Наконец он распрощался с пани Людвиковой. На веранде он еще раз обернулся и сказал:

— Ну, мы еще увидимся с тобой!

Пани Людвикова снова пошла ощипывать гусей.

Я остался один. Через окно мне было видно, как на дороге за нашим забором учитель разговаривает с каким-то мальчишкой. Экзаменует, конечно! Во дворе кричали гуси, которых ощипывала пани Людвикова. А я опять разозлился и на себя, и на Петипасы. Я вспомнил, как однажды Генерал даже похвалил меня за то, что я знаю на память большой отрывок из «Старинных чешских сказаний».

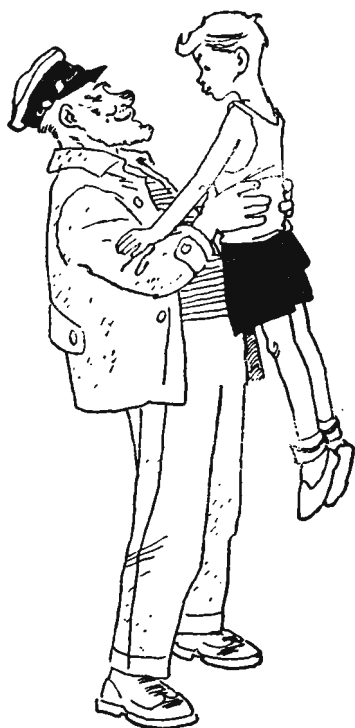
Во всем виноваты Петипасы. Руда был прав: это самое отвратительное место в мире! Тут над тобой смеется девчонка в голубом платье, а потом тебе устраивает экзамен незнакомый учитель.

4

Стремясь хоть как-то разогнать мрачные мысли, я выбежал во двор к пани Людвиковой. Она ощипывала гусей, а я красил им зеленой краской хохолки, чтобы они не потерялись. Наконец мы ощипали последнего гуся, и пани Людвикова сказала:

— Теперь, Тоник, иди погуляй и возвращайся к обеду.

Я побрел к садовой калитке. Там я встретил пана Людвика. Он только что возвратился из Праги, и от него еще пахло заводом, как от нашего папы.

Пан Людвик выглядел постарше пани Людвиковой. У него были совершенно белые волосы и такая же белая борода. На голове красовалась фуражка с золотым якорем и лакированным козырьком, на ногах — огромные ботинки. Шел он вразвалку. Едва увидев его, я сразу подумал: видно, бывший моряк!

Он наклонился ко мне, ухватил меня под бока, приподнял над землей:

— Глаза как у отца, настоящий Гоудек! — И давай вертеть меня в разные стороны и разглядывать. — И нос такой же... Ну прямо вылитый отец!

Наконец он поставил меня и спросил:

— Что ж ты не пришел к нам на завод? Ведь ты же, кажется, собирался?

Но разве я мог признаться ему, что все уже узнал о Петипасах от Руды Драбека? Еще обидится!

— Ну ладно, главное, что ты уже здесь, — сказал пан Людвик.

Голос у него был низкий и слегка хриплый, как у заправского моряка. Потом он добавил уже чуть тише:

— Я слышал, ты рыбак. Это похвально! Только

смотри, будешь вечером копать червей — осторожнее с цветами на клумбах. Рвать их тоже не надо, пани Людвикова этого не любит. Хотя на что тебе цветы — ты ведь не девочка.

Из открытого окна кухни выглянула пани Людвикова. Она шутливо погрозила пану Людвiku горшком, который держала в руке.

— Из-за твоей болтовни парню и погулять не придется.

— А ведь верно, мать, не придется. — Пан Людвик прищурил глаза и посмотрел на небо: — Не успеем мы поесть, как начнется дождь.

Теперь уж я не сомневался, что пан Людвик бывший моряк.

Я успел выпить полкружки молока и доесть первый рогалик, как вдруг в кухне потемнело. Когда я допил молоко, деревья в саду зашумели, в воздухе запахло сыростью, и через открытое окно на пол кухни упали первые капли дождя. А когда я доедал второй рогалик, за окном уже всюду лил дождь.

Пан Людвик, отдыхавший на кушетке, посмотрел на меня, прищурив один глаз. Словно подмигивал мне:

«Ну как? Старые моряки немножко разбираются в погоде, а?»

Пани Людвикова вымыла посуду и убрала ее в буфет. Я уселся на скамейке около печки — оттуда было удобнее смотреть на папа Людвика. Когда он закрыл глаза и задремал, я принялся его разглядывать, — ведь надо же мне будет после каникул рассказать ребятам, что представляет собой настоящий моряк.

Пани Людвикова гладила белье. Я смотрел, как она водит утюгом по гладильной доске, и вдыхал пар, поднимающийся от белья.

Внезапно круглые часы на стене пробили восемь. Я, наверное, уснул в своем углу около печки.

Дождь за окном стал тише. Пан Людвик сидел у

накрытого стола, резал ножом хлеб и спрашивал меня:

— Ну, как спалось? На тройку или на пятерку?

Есть мне совсем не хотелось, но от пани Людвиковой было не просто отделаться.

— Этак, братец, ты у меня не очень-то поправишься! Неужели ты и дома ешь, как воробей?

— Дома я ем, но...

— но, — не дал мне договорить пан Людвик, — у нас ты будешь есть так, чтоб за ушами трещало! Посмотри-ка сюда!

Он взял горбушку хлеба и вырезал у нее середку.

— Построили корабль...

Он отрезал ножом кусок масла и намазал оставшуюся часть.

— Корабль хорошенько просмолили...

Затем прилепил середку и сверху положил большой кусок сыра.

— На мостик поднялся толстый капитан, и пустился корабль в плавание.

Он подал мне кусок и приказал:

— А сейчас наш корабль должен войти в бухту да поживее.

Я откусил хлеб и твердо решил, что теперь на больших переменах буду есть только такие горбушки.

— А сколько хлеба съел наш Ярка под эту присказку! — сказал с довольным видом пан Людвик, принимаясь за газеты.

Пани Людвикова вышла во двор запереть гусей и кроликов.

Вернувшись, она отвела меня в комнату, постелила постель, налила воду в умывальник и пожелала спокойной ночи.

И вот я остался один. Двери были приоткрыты, и я видел, как постепенно темнеют прозрачные стены веранды. Спать мне совсем не хотелось. Я уже выспался на скамейке у печки.

Стало почему-то грустно. Я сел к столу, и мне вдруг вспомнились папа с мамой. На Лазецкой мельнице я спал в одной комнате с Иркой Корбиком, и мы долго разговаривали перед сном, пока глаза не закрывались сами собой.

В кухне зажегся свет. Под дверями появилась светлая полоска. Потом на секунду исчезла — это мимо дверей прошел пан Людвик или пани Людвика. Интересно, были на корабле, где служил пан Людвик, светлые полосы под дверями? Едва ли. На корабле двери должны быть плотно пригнаны.

А может, судно пана Людвика когда-нибудь терпело кораблекрушение? И я начал сочинять историю о том, как произошло кораблекрушение и как пан Людвик остался на судне совсем один. Все остальные моряки давно уже сели в шлюпки и отвалили от борта, а пан Людвик кричал им в темноте с тонущего корабля:

«Ребята, главное, помните, где Полярная звезда! Не то собьетесь с пути!»

А сам в это время шагал по палубе и смотрел на гневно ревущее море.

Дойдя до этого места, я решил проверить, не смогу ли уснуть, и закрыл глаза. Но через минуту они снова открылись как ни в чем не бывало. Пану Людвику, который стоял среди обломков на палубе корабля, тоже было не до сна. Корабль то поднимало на гребень волны, то вновь бросало на утесы. А пан Людвик упорно вглядывался в небо и все повторял:

«Только бы увидеть Полярную звезду! Руль, кажется, еще в порядке. Возможно, и удастся дотянуть до Берега Слоновой Кости».

Но небо было сплошь затянуто свинцовыми тучами, среди которых сверкали огненные зигзаги молний.

В комнате стояла густая тьма. Я встал, отошел от стола и зажег свет. Затем уселся на край кровати, разулся, но спать мне все равно не хотелось. Босые

ноги коченели на холодном полу. Вот так же, наверное, коченел от студеной воды и пан Людвик, когда стоял на палубе тонущего корабля и смотрел в грозную темноту.

«Нужно исполнить последний долг», — сказал пан Людвик. Он оставил руль и направился к люку. Вода пенилась у его ног. Палуба выступала над волнами лишь сантиметров на десять.

Внизу, в капитанской каюте, пан Людвик взял судовой журнал, морские карты и засунул их в бутылку, в большую бутылку с широким горлышком. Потом он прочно запечатал бутылку, осторожно погасил фонарь и подошел к иллюминатору.

Впрочем, сначала он должен был написать последнее распоряжение. Он снова зажег фонарь, распечатал бутылку, вынул журнал и на последней его странице приписал:

«Судно «Южный крест» сегодня в 2.00 потерпело бедствие у незнакомых берегов. Нашедший эту бутылку должен немедленно передать ее в нераспечатанном виде в ближайший порт. Последнее приветствие всем. Капитан Людвик».

Затем он вновь запечатал бутылку, снова погасил фонарь и снова подошел к иллюминатору. Еще секунда — и бутылка полетит в море.

Но тут что-то царапнуло снаружи стекло иллюминатора. Или это мне действительно послышалось?

Дальше сочинять я не мог. История о капитане Людвике становилась слишком напряженной. Я чувствовал: еще немного — и мне станет по-настоящему страшно.

Надо скорее лечь и уснуть. Я достал из шкафа пижаму и хотел было переодеться.

И вдруг меня словно кто-то толкнул:

«Взгляни на веранду!»

Я взглянул и замер на месте. Через стекло веранды на меня тоже что-то смотрело! Я быстро зажмурил глаза, потер их кулаком и снова открыл.

На меня по-прежнему что-то смотрело. Но теперь это «что-то» слегка пригнулось и сделалось еще больше!

У меня задрожали ноги, и я три раза сказал себе — Никаких привидений на свете не бывает!

Это меня немного ободрило. Но не очень. Мысли в моей голове сразу начали перескакивать с одного на другое:

«Может, это кошка?.. Но на чем она сидит?.. Тогда, собака?.. Нет, не собака!.. Почему?.. Просто видно, что это не собака!.. Так что же это?»

Я рассердился на себя, быстро бросился на веранду и распахнул дверь.

В саду было темно, капли дождя падали с деревьев с таинственным шорохом. Тропинка около веранды была пустой.

Где-то в Петипасах на столбе горела электрическая лампочка. От нее падал слабый свет на тропинку как раз в том месте, где она поворачивала к садовой калитке. И тут я снова увидел «это»! «Оно» тихонько завернуло за угол и исчезло.

Я бросился вслед за «ним». Перед самым углом дома я остановился и выломал прут. Затем осторожно завернул за угол. Там ничего не было.

И вдруг я увидел «это» в третий раз. «Оно» только что нырнуло в черную густую тьму под куст бузины, растущий у садовой калитки. Я обежал куст с другой стороны и наткнулся на железную ограду. Тут я увидел такое, что страшно сказать.

Сразу за нашим забором проходила широкая дорога в Петипасы. На дороге было, конечно, светлее, чем в саду под деревьями. И вот я увидел — по дороге бежало «это», а головы у него не было.

В это время залаяла собака в домике через дорогу; к ней присоединилась вторая, затем третья, и через минуту все собаки в Петипасах разразились громким лаем.

Не знаю, как я попал обратно, но попал я туда

довольно быстро. Не помыв даже ног, забыв совсем про пижаму, я пулей влетел в комнату, нырнул в постель и натянул на себя перину.

Страх мало-помалу проходил. Вскоре я даже мог сосчитать в уме, сколько будет пятнадцать умножить на семнадцать. Но встать и погасить свет я все же не отважился.

Немного погодя открылась дверь из кухни, и пани Людвигова тихо окликнула меня:

— Ты еще не спишь?

Я быстро закрыл глаза, чтобы пани Людвигова не спросила, вымыл ли я ноги.

Она вошла в комнату, закрыла дверь на веранду и погасила свет. Затем вернулась на кухню, оставив дверь за собой полуоткрытой, чему, честно говоря, я был даже рад. Я повернул голову на подушке так, чтобы видеть свет в кухне, и стал размышлять, что же это я видел за забором. Неужели все-таки привидение? Не может быть!

Но, если это не привидение, тогда что же это? Так и не найдя ответа, я решил, что рано утром напишу обо всем Руде Драбеку. После этого я поправил подушку под головой и начал придумывать письмо Руде. Начать я решил как можно спокойнее, а то он подумает, что я совсем струсил.

«Милый Руда, ты, наверное, очень удивишься, получив от меня письмо. Прежде всего должен тебе сказать, что ты оказался прав. Петипасы мне совсем не нравятся. Сюда и вправду можно добраться простым поездом, который останавливается даже в Хухлях. Каких-то двадцать пять минут — и ты уже на месте. Домá здесь самые обыкновенные, а деревья очень пыльные, как ты и говорил. В саду у шлагбаума вечно торчит девчонка в голубом платье и смеется над каждым мальчишкой, выходящим из поезда. На реке я еще не был. Но зато мне уже устроил экзамен петипасский учитель. Он задал мне страшно трудный вопрос о Кази.

Единственная радость — это пан Людвик.

Приходилось ли тебе когда-нибудь жить у настоящего моряка? Так вот, пан Людвик, у которого я теперь живу, бывший моряк. По-моему, он даже был капитаном корабля, некогда потерпевшего крушение. Когда я вернусь в Прагу, я расскажу тебе захватывающую историю о корабле «Южный крест». История эта длинная. В письме о ней не расскажешь.

Да, Руда, ты случайно не забыл рассказать мне тогда про такую вещь: что бегает по ночам в Петипасах без головы? Станда Калиб наверняка рассказал тебе об этом. Прежде чем ты уедешь в свое Гуменное, зайди к Станде и выпроси его хорошенько. Обязательно!»

О чем бы еще написать Руде? Но, как я ни старался, так ничего и не придумал. Оставалось только наклеить на конверт марку в шестьдесят галеров, чтобы Руда мог мне ответить. Затем я повернулся на другой бок и уснул.

5

Проснулся я очень рано. Солнце только что взошло, и петухи еще горланили вовсю. Оглядев комнату, я страшно удивился: как это я сюда попал? Наконец понял, что я в Петипасах у Людвиков.

И тут же мне вспомнилось привидение. Когда мы в классе проходили пословицы, мы узнали, что утро вечера мудренее. Но здесь, в Петипасах, эта пословица не имела никакой силы. Чем больше я думал о привидении, тем больше мне казалось, будто я решаю какую-то сверхтрудную задачу. И каждый раз, когда решение уже вертелось где-то близко, у меня в голове вдруг становилось пусто.

Солнце поднялось выше и заглянуло ко мне в окошко. Стоявший на окошке пузырек с чернилами засветился синим цветом. Это напомнило мне

о письме Руде Драбеку. Я немедленно принялся за письмо, чтобы поскорее получить ответ. То место, где я просил Руду разузнать у Станды Калиба о петипасском привидении, я подчеркнул двойной жирной чертой.

Кончив писать, я посмотрел на часы. Было только четверть шестого. На кухне стояла мертвая тишина. Людвики еще спали. А я стал думать, чем мне заняться сегодня. Пожалуй, лучше всего отправиться на рыбалку. Я вынул из шкафа коробку с крючками, грузилами, дробью и поплавками и стал искать в ней ржавый крючок, который нашел в прошлом году на Лужнице, а заодно грузило с маленькой дыркой и сломанный поплавок. На дне Бороунки сплошные камни и коряги. Возьму крючки, грузило и поплавок похуже, — по крайней мере, не будет жалко, если они останутся на дне.

В шесть часов я умылся и отправился на кухню спросить пани Людвикову, не пора ли вставать. Открыв дверь, я увидел, что пани Людвикова и пан Людвик уже осторожно ходят по кухне, боясь меня разбудить.

Пан Людвик сегодня не собирался на работу, потому что работал в прошлое воскресенье. За завтраком он мне сказал, что сначала займется садом, а потом покажет мне, как идти к речке. Я был очень доволен. Не так уж часто показывает ребятам дорогу к реке настоящий моряк.

Но и пани Людвикова мне понравилась не меньше. Поэтому я не пошел с паном Людвиком в сад, а попросил полотенце и стал вместе с ней вытирать посуду. Кроме того, мне хотелось расспросить ее о петипасском привидении.

Начал я разговор очень осторожно:

— А знаете, пани Людвикова, о чем я вспоминал?..

Она отвернулась от таза с посудой и подала мне вымытую тарелку.

— Ну что ж, выкладывай! Мы с Яркой всегда любили поговорить.

Я сделал вид, что тщательно вытираю тарелку, а сам одним глазом посматривал на пани Людвикову.

— А говорят, что у нас в Праге, на Увозе, — заметил я безразличным голосом, — ходит рыцарь без головы.

«Подумаешь! У нас в Петипасах тоже есть привидение и тоже без головы», — вот такого ответа ждал я от пани Людвиковой. Но ничего подобного она не сказала. Наверное, не хотела меня пугать. Однако я хорошо заметил, что пани Людвикова склонилась над лоханкой еще ниже, а главное, как-то уж очень громко загрохотала тарелками.

Я обошел стол, чтобы получше видеть лицо пани Людвиковой.

— Что бы вы, пани Людвикова, сделали, если бы однажды ночью шли по Увозу и вдруг вам попался бы навстречу рыцарь без головы?..

Пани Людвикова должна была бы ответить на это:

«Пожалуй, Тоник, я бы не очень перепугалась. Ведь такое я могу встретить каждую минуту. Хотя бы у нас в саду».

Но она и этого не сказала. Спокойно налила в лохань теплой воды и заметила, покачивая головой:

— Что за странные вопросы ты задаешь, Тоник?

Из этого мне стало ясно, что она прекрасно знает о петипасском привидении, но просто не хочет о нем говорить. Тогда я заложил руки за спину — так всегда делает наш папа, когда разговор заходит о важных делах, — и сказал пани Людвиковой:

— А моя мама говорит со мной обо всем. Даже о привидениях. — И добавил погромче: — Будь у нас в Праге сад и разгуливай там привидение, мы бы обязательно поговорили о нем с мамой.

Теперь пани Людвикова должна была бы сказать:

«Ну, Тоник, я вижу, ты знаешь тайну нашего сада. Сядь-ка вон там на стул, и я все расскажу тебе о петишасском привидении».

Поэтому я подошел к окну и уселся на стул. Но пани Людвикова продолжала спокойно мыть посуду и только улыбалась.

— И откуда это ребята набираются такой чепухи?

Тут уж я рассердился. Не люблю, когда взрослые всячески избегают разговаривать с нами о важных вещах! Я встал со стула и сказал серьезным голосом:

— Пани Людвикова, вчера вечером я видел в вашем саду привидение. Объясните мне, что это было.

Пани Людвикова откинула со лба влажные от пара волосы и весело рассмеялась:

— Насос, Тоник! Конечно, насос! Наш Ярка, когда был поменьше, тоже как-то раз спутал его с привидением.

Я понял, что пани Людвикова не хочет сказать правду, и гневно закричал:

— Но ведь насос не может бегать по дороге!

— Конечно, не может, — согласилась пани Людвикова и тут же спросила меня, часто ли я болтаю подобные глупости.

Я промолчал в ответ, но пани Людвикова стала почему-то нравиться мне гораздо меньше.

Она сухо вытерла таз и убрала его. Потом отрезала кусок хлеба, намазала его маслом, положила сверху помидор и протянула мне. Но я ни за что не стану брать хлеб у человека, на которого так сердит.

— Спасибо, не хочу, — отказался я, хотя очень люблю помидоры.

Если бы я ответил так маме, она положила бы хлеб на стол и сказала: «Ну что ж, съешь, когда захочется». Но пани Людвикова сказала:

— Как хочешь! — и принялась за хлеб сама.

Я разозлился еще больше и отправился в сад.

И в самом деле, у меня в Петипасах одна только радость — моряк пан Людвик.

Вот вернутся все наши ребята в Прагу, соберутся в своем «парламенте» у карты и как начнут рассказывать о всяких приключениях, которые произошли с ними во время каникул! Франта Турек наверняка начнет так:

«Знаете, ребята, какая буря застала нас в Татрах? Такой вы еще никогда не видели! Гром там грохочет раза в три сильнее, чем у нас!»

Руда Драбек покачается на носках, прищурит глаза и фыркнет под нос:

«А хоть и в семь раз! Вот у нас в Гуменном была такая буря, что я даже не слышал выстрела, когда папин брат стрелял в медведя, который разворотил оконную раму в его доме. А ведь я стоял рядом! Ясно? Вот это буря так буря!»

Потом настанет моя очередь. Сначала я спрошу ребят:

«А знаете ли вы капитана Людвика?»

Они, разумеется, не будут его знать, и тогда я сделаю удивленный вид:

«Как, вы не знаете этого капитана, грозу морей, который звал меня Тоником и ходил со мной на реку? Вот кто рассказал бы вам о настоящих бурях!»

И все ребята сразу забудут и о Татрах и о медведе и станут, открыв рты, слушать меня. И Руда тоже будет слушать, а под конец скажет мне:

«В будущем году я поеду на каникулы только в Петипасы. Дело решенное!»

Я вспоминал о ребятах из нашего класса, пока не дошел до клумбы — здесь росли цветы, которые нельзя было рвать. За клумбой зеленела трава, а дальше до самого забора тянулись грядки с овощами. От них шел запах лука и петрушки. Пан Людвик стоял у первой грядки и рыхлил землю мотыгой. Мотыга так и сверкала в его руках. Я зажмурил глаза,

и мне показалось, что пан Людвик с острой саблей в руках дерется с пиратами.

— Ну как солнышко, Тоник? Неплохо припекает, правда? — сказав это, пан Людвик посмотрел на солнце. — Прогреет воду, и карпы твои сразу проголодаются. Ты умеешь ловить карпов?

Я не хотел показаться ему хвастуном, поэтому спокойно ответил, что карпов я ловлю на картошку, на кнедлик, на тесто и на дождевых червей.

— Ну, ты, кажется, свое дело знаешь, — кивнул головой пан Людвик. — Вот покончу с этой грядкой, и мы отправимся с тобой на речку. — Он нагнулся, сунул руку под большой лист и достал консервную банку. — Вот полюбуйся, что я тебе приготовил. Змеи!

Я заглянул в банку. В ней лежала трава, под травой — немного глины, а в глине копошились червяки. Они и вправду были длинные, как змеи.

— Смотри, Тонда, я накопал их под капустой, — сказал пан Людвик. — Но ты их лучше собирай вечером в траве, а то испортишь мне грядки.

Я осторожно прикрыл червяков травой и с гордым видом посмотрел на банку. Не так уж много ребят ловят рыбу на червяков, которых накопал настоящий морской капитан!

Затем я уселся между грядками и впервые за все свое пребывание в Петипасах почувствовал радость.

Светило солнце, пахли цветы, на деревьях приятно зеленели маленькие яблоки и груши, в воздухе весело гонялись друг за другом бабочки. Через доски забора в сад пробрались два цыпленка и ходили, как привязанные, за паном Людвиком, ковыряя в земле.

Пан Людвик сказал им:

— Смотрите не съешьте у Тоника червяков в банке!

Он сказал это таким добродушным голосом, что его не испугался бы даже самый маленький цыпленок.

Закончив грядку, пан Людвик выпрямился и очистил мотыгу о кусок дерева.

— Теперь, Тоник, мы немного отдохнем, а потом покажем петипасским карпам!

И мы расположились на траве под самой большой яблоней в саду. От нее падала густая тень, лишь иногда мелькали сквозь ветки светлые пятна. Это ветер играл с листвой яблони. Пан Людвик сорвал несколько листков щавеля, неторопливо пожевал их, дал и мне попробовать. Никогда я не ел такого вкусного щавеля! Я чувствовал себя прямо на седьмом небе.

Но потом мне стало еще лучше: мы начали говорить о море, о кораблях и о моряхах. Как раз в это время по синему небу — оно просвечивало сквозь листву яблони — проплыло большое-пребольшое облако, очень похожее на корабль. Я показал на него пальцем:

— Пан Людвик, какой это корабль — двухмачтовый или трехмачтовый?

Пан Людвик прожевал листик щавеля, надвинул фуражку с якорем на самые глаза и только тогда ответил:

— Нет, брат, это что-то побольше. Я бы сказал, что это трехмачтовый, да еще под полными парусами.

Белое трехмачтовое облако плыло прямо над нашей головой, и мы любовались им.

— Скажите, пан Людвик, а море бывает таким же синим, как небо?

— Бывает, братец. Море похоже на огромное зеркало. Сверху в него как раз и глядится небо.

Тем временем наш корабль-облако проплывал меж двух больших темных туч. Но для него это были не тучи, а настоящие огромные материки.

Я опять спросил пана Людвика:

— А нелегко, наверное, проплыть кораблю меж двух материков?

Пан Людвик пожал плечами:

— Это зависит от того, какой корабль и как далеко друг от друга эти материки.

И тут я ловко перевел разговор на другую тему — пусть капитан Людвик расскажет о себе!

— Но от капитана это, наверное, тоже зависит?

— Конечно, братец! Однако посмотри на небо. Теперь нашему капитану придется попотеть!

Наш корабль-облако плыл через пролив. Вдруг, откуда ни возмись, перед ним появились три островка с извилистыми берегами. Корабль-облако все ближе и ближе подплывал к скалистому побережью. Я посмотрел на капитана Людвика. Взгляд его стал тревожным и мрачным.

— Как бы нам, братец, не потерпеть крушение. Ну и капитан же на нашем корабле! Какая-то размазня!

Я зажмурил глаза. Когда я открыл их снова, корабля как не бывало. Он врезался в остров, мачты закачались, паруса разорвались, и обрывки их уже куда-то уносил ветер.

— Пан Людвик, мы потерпели кораблекрушение!

— Вижу, Тоник. И это очень обидно.

— Но ведь с вами было гораздо хуже?

Пан Людвик пропустил эти слова мимо ушей. Сунув руку в карман, он вытащил оттуда платок и вытер капли пота со лба.

— Ты что-то сказал, Тоник?

Весь мой хитроумный план сразу развалился. Я замолчал. Мне не хотелось возвращать капитана Людвика к тяжелым воспоминаниям. Но пан Людвик уже почуял неладное. Приподнявшись на локтях, он повернулся ко мне:

— А ты что покраснел?

Я смутился:

— Вам же было еще хуже, ведь вы потерпели кораблекрушение ночью!

— Что за ерунду ты болтаешь, Тоник?

А может, он и вправду забыл бурную ночь у незнакомых скал? Я решил ему напомнить. Подвинулся к нему поближе и прошептал почти в самое ухо:

— Берег Слоновой Кости!

— Что такое? — еще больше удивился пан Людвик.

— «Южный крест»! — не отступал я.

Пан Людвик посмотрел на меня какими-то странными глазами.

— Мне все известно! Вы были когда-то капитаном и потерпели кораблекрушение у Берега Слоновой Кости.

— Да? А скажи мне, пожалуйста, Тоник, где ты набрался такой чепухи?

Теперь настала моя очередь удивляться.

— Ты что, придумал все это сам?

Я не выдержал:

— А почему же вы носите эту фуражку с якорем?

Пан Людвик снял свою фуражку и внимательно посмотрел на нее.

— Да, действительно якорь, — сказал он тихо. — А я и внимания не обращал, так и ношу ее вот уже два года.

— А борода, а корабль из хлебной горбушки?

Как мне хотелось, чтобы пан Людвик был настоящим моряком! Вы даже представить себе не можете.

— У вас и походка, как у заправского моряка!

Но пан Людвик только пощелкивал языком, недовольно покачивал головой и все время повторял: «Тоник, Тоник, ты все перепутал, все...» Потом поднялся с травы и сказал:

— Давно уж мне не было так обидно! — и снова подсел ко мне. — Ведь я, Тоник, даже моря ни разу не видел. И как это тебя угораздило выдумать такое?

Потом он объяснил мне, что бороду носит просто так, что морской присказке о горбушке хлеба его научил петипасский перевозчик, а морская походка...

— Знаешь, Тоник, мне еще отец говорил: «Гонзик, ходи как следует, а то качаешься на ходу, как моряк».

Значит, пан Людвик не был моряком!!

Пропала моя последняя радость в Петипасах! Я вскочил с травы и кинулся к дому, чтобы не зареветь прямо на глазах у пана Людвика.

— А как же карпы? — крикнул он мне вслед.

Но я даже не оглянулся. Он как-то сразу перестал мне правиться. И виноват в этом был он сам — какое право он имел походить на моряка, если ни разу не видел моря?

Пробегая мимо клумбы, я нарочно сорвал какой-то цветок, хотя цветы рвать не разрешалось. Но я прямо не помнил себя от злости.

Оглянулся я лишь у самого дома. Пан Людвик стоял под яблоней с фуражкой в руках и пристально рассматривал на ней якорь. И вдруг поднял руку с фуражкой и размахнулся. Может, он и бросил фуражку на землю — не знаю, не видел, — но было ясно, что он и вправду здорово расстроился.

Я пробежал через веранду и влетел к себе в комнату. На столе лежало письмо, которое я хотел отослать Руде Драбеку. Я взял ручку, жирной чертой перечеркнул все, что было написано о пане Людвике, а внизу приписал:

«В этих Петипасах живут ужасные люди. Никогда не поговорят с тобой о важных вещах, даже если ничего не делают, просто моют посуду. Или еще лучше — похожи на моряков, а сами даже моря ни разу не видели».

Я не был уверен, поймет ли что-нибудь Руда из моего письма, но решил, что все объясню ему после каникул, и быстро заклеил письмо.

Затем побежал в кухню, чтобы выйти из дома через другие двери — мне совсем не хотелось столкнуться в саду с паном Людвигом. На улице я спросил какого-то мальчишку, где тут почтовый ящик. Он показал. Я подошел к синему ящику, бросил в него письмо да еще пристукнул ладонью, чтобы оно провалилось на дно. И в этот же миг кто-то стукнул по ящику с другой стороны. Я привстал на цыпочки, заглянул поверх крышки ящика — и от удивления громко завопил:

— Руда! Откуда ты взялся?

6

Но тут же я усомнился — неужели мальчишка, что стоит сейчас по другую сторону ящика, и вправду Руда. Ведь пан Людвик тоже похож на моряка, а сам даже моря ни разу не видел.

Я нагнулся и посмотрел на правую штанину мальчишки. На ней красовалась заплата в виде звездочки. Такая заплата могла быть только на штанах Руды Драбека!

Я обежал ящик и схватил Руду за плечи:

— Ты как очутился здесь?!

Минуту Руда растерянно глотал воздух и наконец, заикаясь, сказал:

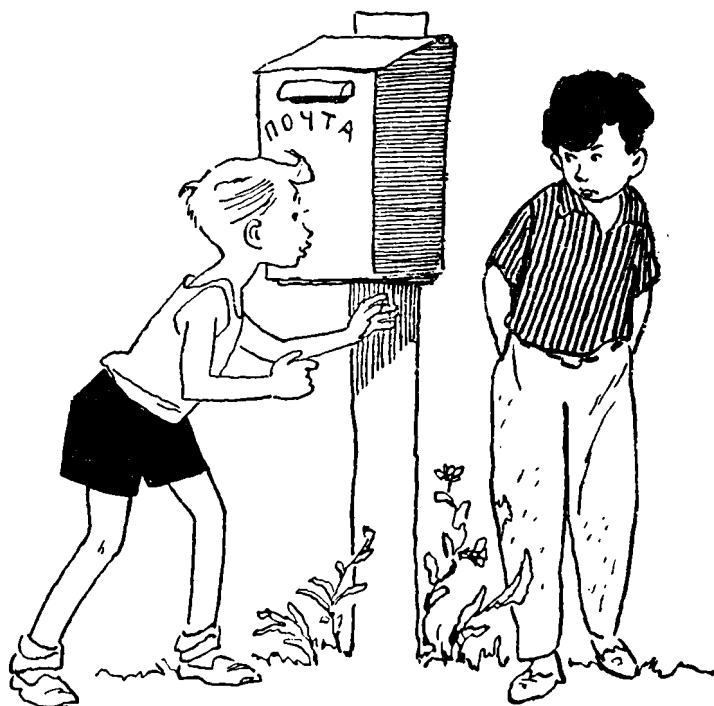
— Я опускал туда письмо...—и показал пальцем на ящик.

Только услышав его голос, я окончательно понял: да, передо мной действительно Руда, и где — в Петипасах! Но как он сюда попал? Что тут делает? И почему не написал мне, что приедет?

Вел себя Руда как-то странно. Сначала мне даже показалось, что он хотел повернуться и удрать. Но все же он остался, только плечами повел. Потом поддал носком тапочки камешек и крикнул:

— Ну, и что такого?

Но растерянность Руды быстро прошла. Вскоре

он прищурился, оглядел улицу и сказал уже своим обычным тоном:

— Здесь все на нас глазют. Отойдем-ка лучше в сторонку.

Он схватил меня за руку и потащил через канаву к садовой ограде. Мы уселись на ограду, сорвали по ромашке — надо же чем-то себя занять на время разговора — и начали объясняться.

Руда начал первый:

— Удивляешься, да?

Я кивнул и оторвал у ромашки первый лепесток.

— Я тоже удивился, когда в среду получил письмо из Гуменного! — тяжело вздохнул Руда. — Представляешь, у папиного брата отобрали ружье!

Я подумал, что о ружье можно поговорить

и потом. Сейчас мне не терпелось узнать, как Руда очутился в Петипасах. Поэтому я перебил его:

— А почему ты вдруг прикатил в Петипасы?

— Тебе все надо повторять по два раза! — разозлился Руда. — Да как раз из-за этого ружья.

Я удивился еще больше:

— А как же, интересно знать, как это дядино ружье попало из Гуменного в Петипасы?

Руда возвел глаза к небу:

— Ох, боже ты мой!

После чего назвал меня растяпой, наклонился ко мне и, отчетливо произнося каждое слово, принялся втолковывать:

— В прошлую среду медведь опять прогуливался вокруг дядино дома. Во всяком случае, так показалось дяде. В чаще леса за домом все время кто-то бродил и шумел, ломая ветки. Дядя взял ружье, зарядил его и стал подстерегать у окошка. Понятно?

Я кивнул Руде, и он продолжал:

— Вдруг среди ветвей мелькнуло что-то коричневое. Дядя прицелился и выстрелил, в чаще что-то с шумом свалилось. Дядя выбежал из дома, а в перелеске его уже ждал лесничий. Он стоял над убитым оленем. «Хорошенькое дело, пан Драбек, стрелять оленей в июле. Разве вы не знаете, что это запрещается?» Взял да и отобрал у дяди ружье.

Руда немного подождал, пока пройдет мое удивление, потом соскочил с ограды, стал напротив меня и медленно произнес:

— Теперь скажи, что бы ты сделал, если бы тебе пришлось жить в доме, возле которого разгуливает медведь, а у тебя даже ружья нет!

— Я бы сразу уехал.

— Ясное дело, — похвалил меня Руда. — Вот и дядя рассудил так же. Уехал куда-то в город и написал мне письмо: «Руда, тебе ужасно не повезло! В эти каникулы ты не сможешь жить у меня». Постой-ка, в этом письме было еще кое-что...

Руда задумался, словно что-то вспоминая, а потом тихо стал пересказывать мне дядино письмо.

— Вспомнил! Это было написано на третьей странице внизу! «В городке, куда я переехал, воздух почти такой же, как в Праге. Руда, меня очень огорчает, что мы не увидимся в этом году на каникулах». А дальше уже шла дядина подпись.

Руда грустным голосом закончил рассказ и снова уселся на ограду.

— Представляешь, что я начал вытворять с горя? Но что поделаешь? А позавчера отец сказал: «Я больше не в силах смотреть на этого парня. Пусть он уезжает к другому дяде, в Петипасы, и конец!»

Руда кончил свой рассказ, разом выдернул все лепестки у своей ромашки и с мрачным видом стал разглядывать Петипасы.

Я не знал, что мне делать — жалеть его или радоваться: ведь теперь в Петипасах я не один. Руда и вправду был грустный. Я решил утешить его:

— Может, здесь не так уж плохо.

Руда бросил ощипанную ромашку.

— В этих-то Петипасах! А ты сам-то веришь тому, что говоришь?

Он был прав. Когда я вспомнил обо всем пережитом, мне сразу захотелось обратно в Прагу.

Мы немного посидели молча. По другой стороне улицы брел какой-то пес. Остановился. Уставился на нас с Рудой. Я хотел бросить псу камень, чтобы ему было с чем поиграть, и тут увидел пана Людвика. Он шел по тропке вдоль шоссе, направляясь прямо к нам. Мне совсем не хотелось с ним встречаться. Я потянул Руду за локоть и сказал:

— Знаешь что, пойдем на разведку по Петипасам!

— А ты их еще не облазил? — спросил Руда, отряхивая свои штаны, испачканные грязью.

Я покачал головой и свернул за угол, потому что пан Людвик уже приближался к нам.

— И я тоже, — пожал плечами Руда. — Ведь я здесь только со вчерашнего дня.

Улица, на которую мы вышли, ничем не отличалась от той, где мы сидели на ограде. Пожалуй, пыли побольше, и только. Высохшая канава. В канаве крапива. Словом, я никогда не видел такой скучной, обыкновенной улицы.

— Да, здесь не очень-то разгуляешься, — решил Руда.

Мы перестали глядеть по сторонам и теперь шли просто так. Я признался Руде: все, что он сообщил мне о Петипасах, — суцая правда. Рассказал и о письме, которое только что послал. Мы вместе пожалели, что я понапрасну истратил на марку одну крону двадцать галеров. Руда даже хотел вернуться к почтовому ящику и посмотреть, нельзя ли достать письмо обратно. Но я уже как-то пробовал проделать такую операцию в Праге — ничего не получилось.

Так мы добрались до какого-то куста. Каждый выломал себе по хорошему пруту, и мы принялись отсекать верхушки у крапивы, что росла в канавах. Так, незаметно, шаг за шагом проходила дорога. Я говорил, Руда слушал. Я рассказал ему о девчонке, которая высмеяла меня, едва я сошел с поезда, о своей комнате в доме Людвигов, о бородатом солдате на фотографии, о Яркиной библиотеке — книги в ней только о деревьях и травах. Упомянул о пане Людвики. Но много о нем распространяться не стал, лишь предостерег Руду:

— Если встретишь этого пана Людовика, не спутай его с моряком!

О привидении я не стал рассказывать. Днем это как-то не производит впечатления. Ну кто поверит в привидения, когда так светит солнце! И Руда стал бы просто надо мной смеяться. Лучше рассказать ему о привидениях вечером, когда стемнеет.

И после каждой фразы я повторял:

— Ты был прав, Руда. Петипасы ужасное место!

— Понятное дело, — соглашался Руда.

А я припоминал, что бы еще ему рассказать. Да! Об учителе!

— Представь себе, Руда, а ведь учитель-то меня уже экзаменовал. Задал мне труднейший вопрос о Кази.

Руда перестал воевать с крапивой:

— Какой учитель?

— Ну тот, что спрашивает даже во время каникул!

— Что ты болтаешь! Не сочиняй! — Но вдруг покраснел и сразу поправился: — А-а, вспомнил!

Он ловко повернулся на каблуке и крикнул:

— Смотри-ка, семь голов одним ударом! — и снова принялся сражаться с крапивой.

Мне показалось странным, что Руда не сразу вспомнил об учителе, — ведь сам же меня предостерегал. Но немного погодя я заметил еще более странную вещь.

На этой улице за каждым забором были видны собаки. Одни стояли за калитками и молча смотрели на нас, другие бегали вдоль заборов, просовывая носы через доски. И — странное дело! — если к забору подходил я, собаки начинали ворчать, скалить зубы и вовсю лаять, но, едва к забору приближался Руда, все собаки принимались вилять перед ним хвостами.

По биологии мы проходили такое правило: любой опыт требует многократного повторения, только тогда можно верить его результатам. Я повторил опыт с собаками у четырех заборов и двух калиток. Пять псов из шести лаiali на меня и виляли хвостами перед Рудой. И лишь один не делал ни того, ни другого. Он был просто стар. У него уже росла белая борода.

Я поделился с Рудой своим «опытом» и спросил, почему собаки на него не лают.

Руда тут же отскочил от забора, выбежал на середину шоссе и закричал, окончательно разозлившись на меня:

— Тебе что, мало опытов в школе, так ты решил заняться ими во время каникул? Просто собаки любят коричневый цвет, а у меня коричневые штаны.

— Допустим! А почему они лают на меня?

— Так у тебя же красные трусы, понятно? А собаки терпеть не могут красный цвет.

Затем Руда прибавил шаг, чтобы побыстрее покинуть улицу, где было так много собак.

Наш папа как-то говорил мне, что собаки цвета не различают. Значит, Руда просто врал! Пес Лесан на Лазецкой мельнице никогда не обращал внимания, в каких я хожу штанах — красных или коричне-

вых, — он все равно меня любил. А кого обычно любят собаки? Конечно, того, кого они хорошо знают.

Я кинулся вслед за Рудой и догнал его на перекрестке, где росли три больших каштана.

— Высокие, правда? — спросил меня Руда как ни в чем не бывало. — Жаль только, что это не груши. Сейчас бы они уже спели.

Но я не поддался на эту удочку. Во-первых, я сказал, что настоящие груши поспевают лишь осенью; во-вторых, спросил:

— Послушай, Руда, знают тебя, что ли, все эти собаки? Недаром же они виляют перед тобой хвостами!

На это он ответил мне, что яблоки любит еще больше, чем груши. И вдруг бросил прут, сделал большие глаза и прошептал:

— Тише! Кажется, я слышу речку!

Едва я услышал слово «речка», как сразу забыл обо всех собаках. И тоже наострил уши.

После книг я больше всего на свете люблю реку. У реки мне всегда хорошо, без конца могу смотреть на нее, слушать ее шум. Я знаю всех рыб, живущих в реке, всех птиц, которые обычно летают над ней.

Я затаил дыхание. И правда, где-то совсем близко слышалось журчание воды. Порой казалось, что шумит плотина. Я огляделся вокруг. Справа от дороги виднелся высокий холм, обложенный внизу большими камнями. На холме росло несколько деревьев. Среди деревьев стоял желтый дом. За домом шумела река.

Река оказалась не очень широкой, но приятной на вид. Вверху пенилась вода у плотины. Пониже виднелись песчаные островки, на них рос вербовый кустарник. Река текла между островками, разбиваясь на семь рукавов. Потом рукава сливались, и река катилась дальше спокойно. Она протекала под деревянными мостками, по которым могли ходить люди. Возле мостков была широкая пристань для парома.

Затем река сворачивала влево и терялась за поворотом. У поворота поднимались высокие скалы, поросшие лесом.

Я еще не успел как следует разглядеть Бероунку, но сразу понял, что буду любить ее не меньше, чем Лужнице.

Из-за реки я чуть не забыл о Руде. Он стоял, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, и непрерывно подгонял меня:

— Ну что, двинемся дальше?

В то же время Руда не отрываясь смотрел на пристань, где на якоре стоял паром. Там, возле парома, на мелководе играли какие-то мальчишки и девчонки. Одни из них раскачивали паром, другие просто бродили по воде у берега. Только один мальчишка стоял неподвижно с удочкой в руках — он ловил рыбу. Удочка у него несколько раз дергалась, но рыба все время уходила. Он не умел ее как следует подсечь.

Когда-то я тоже не умел подсекать рыбу. И мне, конечно, захотелось научить этого мальчишку.

Но, едва я сделал шаг к парому, как Руда схватил меня сзади за трусики.

— Тонда, прошу тебя, не ходи туда!

Сегодня Руда мне вообще казался каким-то странным: теперь же я и вовсе ничего не понимал.

Продолжая держать меня за трусики, он просил, уговаривал:

— Пойдем-ка лучше домой! Там одни чужие мальчишки. Они изобьют тебя, и ты все каникулы будешь сгорать от стыда.

Если мальчишки собираются драться, это всегда видно по их лицам. Но эти, у парома, только с любопытством посматривали на меня. И еще я знаю: когда ребята готовятся к драке, то обычно шушукуются меж собой, а эти разговаривали во весь голос.

Я вырвался из рук Руды и побежал к парому. Руда кинулся было за мной, но, пробежав несколько шагов, остановился.

Мальчишки и девчонки перестали играть и уставились на меня. Я не знал, как надо здороваться с петипасскими ребятами, и поэтому крикнул:

— Добрый день!

И все мне ответили хором:

— Привет!

Из этого я сделал вывод, что ребята в Петипасах ничем не отличаются от пражских. Теперь я знал, что надо делать дальше. Поднял плоский камень и пустил его по воде, сделав пять «лягушек». Тогда самый рослый мальчишка тоже поднял камень и сделал семь «лягушек». После этого я заговорил с ним:

— Да, приятель, это у тебя получается, а вот брат у тебя сплоховал — кто же так ловит рыбу?

— А это вовсе и не брат. Это Лóйза Сáлих. Просто у нас одинаковые трусики, — объяснил мне рослый мальчишка. — Меня зовут Грúдек, мой отец работает на мельнице.

— А ты знаешь этого Лойзу Салиха? — спросил я мальчишку.

Он вытаращил на меня глаза и громко рассмеялся. Засмеялись и все остальные. Не смеялся только Руда, который вслед за мной подошел к парому. Он даже не улыбнулся.

— А если ты знаешь Лойзу, то скажи ему, чтобы одолжил мне удочку, — попросил я. — Я ему покажу, как нужно ловить рыбу.

Лойза Салих, наверное, услышал наш разговор. Он оторвал взгляд от поплавка и писклявым голосом произнес:

— Грудек, скажи ему, пусть сначала научится сам! — Потом посмотрел на меня, прищулив глаза, и сказал: — Такого карпа, какого я поймал в позапрошлом году в заводи у мельницы, тебе не поймать до самой смерти! Руда Драбек может это подтвердить!

Я, конечно, разозлился не на шутку.

— Молчи лучше, врун несчастный! Ты, наверное, в позапрошлом году поймал старый ботинок!

И при чем тут Руда Драбек, если он вообще здесь впервые?

Раздался такой хохот, что рыбак, сидевший на лодке посредине реки, погрозил нам кулаком. Но ребята, несмотря на это, хором закричали:

— Ну и загнул! Да твой Руда ездит сюда каждые каникулы!

А Грудек, сын мельника, кивнул головой в мою сторону и сказал Руде:

— Так вот кого ты вчера вечером пугал!

Не успел Грудек договорить, как Лойза Салих вытащил из груды одежды, лежавшей на берегу, свои штаны, натянул их на голову и побежал по берегу. То же самое сделали еще шесть ребят. И теперь вокруг меня бегало семь петипасских привидений без голов.

— Вы не имели права меня выдавать! — закричал Руда ребятам.

7

И тут я все понял. Понял, почему Руда так уговаривал меня не ездить в Петипасы. Он просто-напросто боялся, что я его там встречу и после каникул расскажу обо всем ребятам из нашего класса. А когда я все-таки приехал, он решил напугать меня, чтобы я вернулся домой. В общем, Руда оказался плохим товарищем!

Между тем «привидения» стащили с головы штаны и окружили меня плотным кольцом. Они ждали, что я скажу, но мне было не до разговоров. Грудек, уже надевший брюки, подмигнул мне и усмехнулся. Я сразу нахмурился — пусть видит, что я не хочу с ним связываться. Мальчишку, который стоял рядом с Грудеком, звали Индра Клоц. Штаны у него были намного выше колен, а рубашка едва доставала до пояса. Видно, он здорово рос. За ним Лойза Салих, тощий, как жердь, с писклявым голоском. Четвертого

звали Мйла Тка́чек. Его имя было написано чернилами на шапке, которую он держал в руке. Этот был еще малышом. Он сидел и копался в песке. Остальных я не мог разглядеть, они стояли у меня за спиной, а мне не хотелось оборачиваться.

Петипасские ребята увидели, что я не желаю с ними разговаривать, и стали болтать между собой. Лойза Салих наподдал голыш и сказал:

— Этот Руда и ему подстроил пакость.

Индра махнул рукой в ту сторону, куда скрылся Руда, и добавил:

— Он известный...

Грудек строго посмотрел на Лойзу, который уже примеривался к другому голышу.

— А сегодня Руда хвастал, что вчера этот парень даже упал со страху, так он напугал его.

Я хотел было крикнуть:

«Неправда! Я просто полз по-пластунски!»

Но опять не сказал ни слова. Если бы я заговорил, то, наверное, не удержался бы и разревелся. Так мне обидно было, что Руда меня предал.

Ребята замолчали, еще немножко поглазели на меня, потом Лойза Салих воткнул удочку в песок и спросил:

— Этот Драбек твой приятель?

Я уже так не считал, но умышленно сказал:

— Да!

— Ну, тогда он тебе еще покажет! — обнадежил меня Грудек.

И все ребята с сочувствием закивали головами. Лойза Салих посадил на крючок свежего червя и протянул мне удочку:

— Вот, держи! Пусть хоть это тебя порадует!

Я оттолкнул удочку.

— Ну, как хочешь, — сказал мне Грудек и позвал остальных: — Пойдем, что ли, ребята!

И все кинулись к пристани — туда как раз подплывал паром.

Только одна девчонка осталась. Мне и смотреть на нее не хотелось, но она сама вдруг сказала:

— Меня зовут Анча, и я тебя знаю.

Мне знакомы три Анчи: Анча Стегликова и Анча Котова из нашего класса и еще Анча Котова из нашего дома. И все эти Анчи стриженные.

— Никакой Анчи с косами я не знаю! — буркнул я сердито, чтобы эта четвертая Анча от меня отвязалась.

Но тут она засмеялась — и я сразу узнал ее. Это была та самая девчонка в голубом платье, которая смеялась надо мной на станции. Сегодня на ней была красная юбка и желтая майка.

Но я не хотел слишком долго ее разглядывать и поскорее отвел глаза.

Анча спросила меня:

— Ты что здесь, на каникулах?

— Как видишь!

— И будешь здесь все каникулы?

— А тебе какое дело?

Ну, теперь-то она наверняка обидится и уйдет. Но Анча спокойно нагнулась, набрала в руку немного песка и стала пересыпать его с ладошки на ладошку.

— А я знаю, почему ты со мной так разговариваешь! Потому что я девчонка?

— Все мальчишки так разговаривают с девчонками!

— И ты, значит, тоже?

Я разозлился не на шутку — эта противная девчонка видит меня всего второй раз и при этом так задается.

— Конечно, тоже!

— Смотри какой!

Она схватила камень, прицелилась и как швырнет! Я проводил его глазами. Вот он пролетел половину реки, вот уже три четверти и, наконец, шлепнулся на другом берегу! Раздался легкий стук. Анча с довольным видом вытерла руку о юбку.

Я подал ей ленту, упавшую из косы. Она бросала камни, как настоящий мальчишка; мне даже захотелось сказать ей что-нибудь, только я никак не мог начать. Но она вдруг перебросила косу за спину и сама спросила:

— Что тебе сделал этот противный Драбек?

— Да вот...

Она села прямо на песок и показала мне место рядом с собой. Но я остался стоять.

— Ты на него очень злишься?

Я кивнул.

— Так вздуй его хорошенько.

Но ведь не мог же я сказать ей, что немного побаиваюсь Руды. Поэтому я попытался перевести разговор на другую тему:

— А ты сама-то из Петипас?

— Да. А этого противного Драбека давно уже пора поколотить. Идем скорее!

И она приготовилась встать. Тогда я быстро опустился рядом с ней. Она слегка отодвинулась и недовольно посмотрела на меня:

— Ты что, боишься этого Руду?

Ни одному мальчишке в Праге и ни одной девчонке в мире я не признался бы в этом. Но Анче я вдруг сказал:

— Ну и что, если боюсь?

Она сердито посмотрела на меня:

— Значит, ты трус!

— Ну и что, если трус?

Анча махнула рукой:

— Не болтай глупостей! Лучше скажи, что сделал тебе этот Драбек?

Почему я рассказал ей все? Если бы кто-нибудь спросил меня об этом, я не смог бы ответить. Но только я и вправду рассказал ей все. Во время моего рассказа она все время что-нибудь делала: счищала грязь со своих сандалий, разглаживала юбку, поправляла волосы, которые разлохматил ветер. Да,

все-таки она была девчонкой. Но я на это уже как-то не обращал внимания.

Когда я кончил свой рассказ, она схватила меня за руку и сказала:

— И ты все это так оставишь?

Я даже не помню, как очутился на ногах. Я решил сию же минуту идти и драться с Рудой. Я двинулся решительным, тяжелым шагом, так что песок скрипел под ногами. Я даже покраснел от злости. Анча крепко держала меня

за руку. Я напрягал все мускулы, чтобы казаться более сильным. Анча сказала мне:

— Я буду все время смотреть на тебя, чтоб ты был смелее.

Она вела меня к холму, где среди деревьев виднелся желтый дом. Там жил перевозчик, у которого Руда проводил каникулы. На дощечке, прибитой к крайнему дереву, стояла фамилия перевозчика: «Ярослав Роучек». Значит, Руда и тут соврал мне: он сказал, что живет в Петипасах у брата отца. Злость моя разгоралась все больше и больше.

У третьего дерева я остановился. Вынул из кармана платок, деньги — три кроны двадцать галеров, — карандаш, записную книжку, отдал все это Анче и сказал:

— Держи, чтоб я не потерял.

Она обещала мне сохранить все это в целости.

Я стал обдумывать предстоящий бой. Перед глазами у меня все время вертелась одна картинка из исторической книжки: рыцарь верхом на коне уезжает на битву, а какая-то дама в высокой шляпе машет ему платком на прощание. В данном случае дамой была Анча, рыцарем — я сам.

Я сказал об этом Анче. Но она лишь удивленно посмотрела на меня. Наконец мы подошли к саду. В саду на траве лежал Руда и читал книгу.

Я открыл калитку и хотел было сказать Анче несколько прощальных слов, но она сразу же охладила меня:

— Тонда, не болтай. Никакой ты не рыцарь, ты самый обыкновенный мальчишка, и всего-навсего идешь драться.

Ну разве девчонка может что-нибудь понять!

И я бросился к Руде.

Он услышал шелест травы, перестал читать и стал смотреть, кто это к нему бежит. Узнав меня, он аккуратно заложил между страницами книжки гусиное перо и весело крикнул мне:

— Привет, Тонда!

Я мчался к нему, не останавливаясь. Руде это показалось странным.

— Куда это тебя несет?

Но тут он, видно, почувствовал опасность. Тогда он вскочил и сразу оказался на целых полголовы выше меня.

Я оглянулся. Анча стояла на том же месте и держала палец на счастье.

Еще шаг — и вот я уже перед Рудой. Он вызывающе раскачивался на носках:

— Что-то у тебя, приятель, сегодня злой вид...

— Ты несчастный врун! — крикнул я, сверкая глазами от гнева.

На миг в саду воцарилась тишина. Мы даже слышали, как чей-то голос говорит дома за три от нас:

— Дай-ка воды гусям.

И больше в саду ничего не было слышно. Только жужжание пчел и мух.

Руда все еще смотрел на меня с непонимающим видом, моргал глазами, даже рот приоткрыл от удивления.

— Что это вдруг на тебя нашло?

— И ты еще спрашиваешь? — Я замахнулся.

Руда продолжал спокойно стоять. А я не знал, что делать дальше. Не мог же я его ударить, когда у него руки в карманах. Я снова оглянулся на Анчу. Она продолжала держать палец на счастье. Руда тоже увидел Анчу. Он насмешливо помахал ей рукой и сказал мне:

— Выходит, ты просто выставляешься перед девчонкой?

И тут я как-то сразу перестал чувствовать себя сильным. Я представлял свой бой с Рудой иначе!

«Ты предатель и лжец!» — вот что должен был крикнуть я.

«Ты сейчас же ответишь мне за это оскорбление!» — так нужно было бы ответить Руде.

И снова я:

«Ты трижды предатель и лжец!»

А Руда мне:

«Ты смоешь свои слова лишь кровью!»

Тогда я:

«Для этого я сюда и пришел!»

На это Руда:

«Лишь один из нас уйдет отсюда живым!»

Я:

«Кому я могу передать твоё последнее желание?»

Руда:

«Чертям в аду, потому что через минуту ты будешь там!»

Я:

«Ну, это мы еще увидим!»

Вот так приблизительно все это должно было выглядеть. Вот это был бы настоящий рыцарский раз-

говор! Как в той исторической книге или, скажем, в театре, где я был перед самыми каникулами с мамой.

Но Руда продолжал спокойно стоять, засунув руки в карманы, и говорил мне самые обыкновенные слова. К тому же он был на целых полголовы выше меня.

Наконец он вынул одну руку из кармана, похлопал меня по груди и сказал:

— Послушай, Тонда, прежде чем я отлуплю тебя, мне хотелось бы знать одно — почему мы, собственно, должны драться.

Я и в Праге ссорился с Рудой. Однажды даже чуть не подрался с ним. Но каждый раз, когда мы уже были готовы сцепиться, я вдруг забывал, из-за чего вышла ссора. Странное дело! Я еще раз оглянулся на Анчу. Она уже не держала палец на счастье, а просто смотрела на меня через забор.

И тут я подумал, что ведь эта Анча всего-навсего незнакомая мне девчонка, еще позавчера я про нее и не знал, а с Рудой целых два года я сидел на одной парте. Даже пан Людвик, в сущности, был для меня чужим человеком. Если бы он действительно оказался моряком, тогда другое дело... Пани Людвикова, правда, показалась мне утром похожей на нашу маму, но потом и она мне разонравилась. Вообще, все в этих Петипасах было мне чужим. Хорошо я знал только Руду Драбека, а ведь каждому человеку охота иметь рядом родную душу, с которой можно обо всем потолковать.

Я еще разок оглянулся через забор. Анчи там уже не было. Тогда я сказал Руде:

— Ну что ж, давай мириться!

Мы сидели с Рудой на заборе и разговаривали о самых пустяковых вещах. Так мы всегда делаем, когда перед этим поссоримся.

И вдруг у нас за спиной стукнула калитка. «Анча!» — мелькнуло у меня в голове.

Но это был всего лишь перевозчик Роучек, у которого Руда жил. Он почернел от загара, рукава его рубашки были закатаны, а брюки подвернуты выше колен. Шагая к нам по дорожке, он наступил босой ногой на большущий осколок, но даже бровью не повел. Из этого я сделал вывод, что человек он закаленный, и тут же сообщил об этом Руде. Мои слова услышал и пан Роучек. Он весело улыбнулся мне и сказал:

— Ну как, Тонда, хотелось бы тебе быть таким же?

Я очень удивился: откуда он меня знает? Но было все-таки приятно, что обо мне уже прослышал и петипасский перевозчик. Ведь от нашего дома до перевоза не так уж близко. Я захотел похвастаться перед Рудой своей известностью и нарочно спросил пана Роучека:

— Откуда вы, пан Роучек, знаете, как меня зовут?

— Да я о тебе еще кое-что знаю, — опять засмеялся пан Роучек и с таинственным видом добавил: — Ведь это ты учился в шестом классе той самой школы, что на Гусовой улице. Не так ли?

— Это вам, наверное, рассказал пан Людвик?

— А сидел ты на четвертой парте у окна?

Нет, об этом не мог знать даже пан Людвик.

Перевозчик закрыл глаза и приставил ладонь к уху, как бы слушая чей-то таинственный голос:

— Что ты говоришь? Что Тонда Гоудек девятого сентября прошлого года купил себе новый красный ластик за восемьдесят галеров?

У меня прямо мурашки пробежали по коже. Этого не помнил даже я сам! Я подозрительно покосился на Руду. Он был удивлен не меньше, чем я.

— На будущее не теряй ничего из карманов, — сказал пан Роучек, хлопнув меня по спине. Затем он

сунул руку в карман своей куртки и подал мне записную книжку, карандаш и деньги — три кроны двадцать галеров. — Все это лежало на дорожке за калиткой, — добавил пан Роучек.

Он присел рядом с нами и принялся рассказывать Руде, как недавно перевозил через реку кобылу с жеребенком.

Я не слушал его, а разглядывал вещи, которые отдал Анче на хранение. На первой странице моей записной книжки было написано большими буквами:

«Ты жалкий трус и больше меня не увидишь. А.»

Как раз в это время пан Роучек рассказывал, что кобылу с жеребенком вел какой-то Хоура. И будь Руда у перевоза, Хоура взял бы его с собой.

А я сидел злой, потому что Анча никак не выходила у меня из головы. Напрасно я твердил себе, что

это просто незнакомая девчонка. Перед глазами у меня так и стояло ее лицо, когда она сидела рядом со мной на песте. А в ушах звучал ее голос, когда она ругала этого обманщика Руду и обещала держать за меня палец на счастье. Я начал даже подумывать, не подло ли я поступил с Анчей. Мне вдруг сразу показалось, что и солнце как-то потемнело, и сад уже не был таким красивым, таким зеленым и ярким. Все вокруг меня сделалось каким-то мрачным, и на душе у меня стало тяжело. Чтобы не думать об Анче, я решил прислушаться к разговору пана Роучека с Рудой.

Но пан Роучек уже заметил, что я сижу мрачный как туча.

— Послушай, Тонда, у тебя такой вид, словно куры съели всех твоих червей.

Не успел я ответить ему, как Руда сказал:

— Эти Петипасы, пан Роучек, отравляют нам всю жизнь. Как-никак, мы привыкли к Праге. А что такое Петипасы по сравнению с Прагой? Да и вообще, какое может быть сравнение? Словно мы в каком-нибудь Западакове. Факт!

Руда разошелся вволю. Он не оставил в покое даже петипасских куриц.

— Или взять, пан Роучек, хотя бы этих куриц. Бродят они тут, где им вздумается. В Праге они и часа бы не прожили. Знаете, сколько там машин!

Руда перевернулся на живот и стал ковырять стебельком в какой-то малюсенькой норке.

— Ох, был бы ты моим сыном! — покачал головой пан Роучек. Он приподнялся, сорвал с ближней ветки яблоко и откусил.

— И яблоки у вас плохие, — не унимался Руда. — Короче говоря, Петипасы — это Петипасы!

Пан Роучек отшвырнул огрызок и наклонился к Руде:

— Был бы ты моим сыном, уж я бы тебя проучил! — и, рассердившись, покинул сад.

Руда продолжал ковырять травинкой в земле.

— Вот видишь, Тонда, как тут с человеком обращаются — еще и побить грозятся!

После встречи с паном Роучеком настроение у меня испортилось еще больше. Мы лежали с Рудой в траве и молчали. Разговаривать нам совсем не хотелось. Наконец Руда спросил:

— Значит, и тебе все противно?

Я ничего не ответил, взял книжку, которую он перед этим читал, и принялся листать страницы.

— Ну вот, еще и ты дразнишь меня!

И снова молчание. От одиннадцатой до семнадцатой страницы. Потом Руда толкнул меня локтем:

— Что нам делать сегодня днем? Мне вовсе не хочется, чтоб в этих скверных Петипасах сын моего отца умер от скуки.

Он, видно, ждал, что я похвалю его за эту шутку, но я не похвалил. Настроение у меня становилось все хуже и хуже. Листая страницы, я случайно наткнулся на слово «предал». И тут же вспомнил об Анче.

Руда подсел ко мне поближе и заглянул через мое плечо в книжку. На пятьдесят шестой странице были нарисованы два негритянских мальчишки. Я немного посмотрел на них и хотел перевернуть страницу, но Руда задержал мою руку и показал пальцем на мальчишку побольше:

— Это Чака, а это его младший брат. Они тоже умирали от скуки. Хотя это и было все в Африке.

Я тихо ответил:

— Я не читал этой книжки.

— Вот я тебе о ней и рассказываю. Они жили там в одной скучной-прескучной деревне.

Я вздохнул:

— Наверное, это были какие-нибудь африканские Петипасы.

И снова взглянул на картинку. На ней была нарисована пустыня. Мелкий-мелкий песок и ни одно-

го камешка. Этим африканским мальчишкам даже нечем было пошвыряться. Не росли там и пальмы, — выходит, негде было и полазить.

И я сказал Руде:

— Да, им было, пожалуй, похуже, чем нам.

Потом я сорвал яблоко и стал грызть его. Оно было кислое, но какое-то приятно кислое. Я жевал его и уже более миролюбиво смотрел на пустыню и на двух грустных африканских мальчишек. Но тут Руда опять все испортил:

— Если ты думаешь, что им и вправду было хуже, чем нам, то ошибаешься. Как-то раз Чака поймал в пустыне львенка, тогда им сразу стало веселее.

Он перевернул страницу и показал на картинку, где Чака и его брат были нарисованы со львенком.

— Попробуй-ка поймай в Петипасах льва! Да что льва — хотя бы захудалую курицу!

Вдруг он всерьез о чем-то задумался, даже глаза при этом закрыл. Потом стукнул кулаком по земле:

— Есть, Тонда! Я все-таки придумал! Мы поймем какого-нибудь пса и будем его дрессировать!

9

Домой я вернулся уже в четверть второго. Видно, это очень не понравилось пани Людвиковой. Настроение у нее было явно чем-то испорчено. Она сердито переставляла кастрюли на плите и ворчала:

— Один приходит обедать поздно, а другой только сунет ложку в тарелку — и снова из дому. Да еще стучит ложкой по столу!

Я догадался, что речь идет о пане Людвике. А пани Людвикова в это время сердито вытирала тряпкой плиту, на которую пролила суп.

— Послушай, Тоник, ты не знаешь, почему пан Людвик с самого утра такой злой?

Я отлично знал, но не сказал об этом ни слова.

На плите снова что-то зашипело, и пани Людвика, обернув руку тряпкой, опять загромыхала кастрюлями.

— Целое утро он искал тебя с дождевыми червями по всем Петипасам. А недавно схватил удочки и отправился на речку... Сколько тебе супу?

Я попросил налить побольше, чтобы хоть как-то утешить пани Людвикову.

— Пойдешь за ним на речку?

Я покачал головой.

— Ну как, суп не очень соленый?

Я снова мотнул головой.

Пани Людвика поставила кастрюлю с супом обратно на плиту, села у окна на скамейку и стала смотреть во двор. Как раз когда я доедал последнюю ложку супу, пани Людвика спросила:

— Скажи, Тоник, тебе не нравится у нас в Петипасах?

Мне не хотелось врать, и, чтобы ни о чем не говорить, я усердно занялся кружочком моркови. Но пани Людвика больше ни о чем меня не спрашивала. Моя мама тоже делала так, если видела, что мне не до разговоров.

После супа появилось мясо. Настроение у меня сразу улучшилось — в мясе оказалась большая кость, и мне уже не надо было думать о приманке для собаки. Правда, предстояло еще незаметно вернуть эту кость в носовой платок и сунуть в карман. И мне удалось это сделать, когда пани Людвика вышла во двор снимать сухое белье.

С Рудой я должен был встретиться в три часа у трех лип. А пока что я пошел к себе в комнату и стал думать о предстоящей охоте на собак.

Собак в Петипасах много. Большая часть их, конечно, — за заборами, бегают по садам. Но есть и такие, которые свободно разгуливают по улицам. Еще утром я заметил каких-то бродячих собак — они носились по дороге и, уткнувшись носом в

землю, что-то вынюхивали. Эти собаки наверняка были бездомные. Они были косматые и без ошейников. Значит, и хозяев у них не было. Такого пса может поймать всякий, кто его не боится.

Руда говорит, что он ничего не боится. Пожалуй, я тоже не боюсь собак, если только они не очень большие.

Из окна комнаты был виден кусок дороги за нашим забором.

Я решил подсчитать, сколько собак пробежит за минуту мимо нашего дома. Подошел к окну и засек время. Стояла такая жара, что казалось, воздух дрожит от зноя. Собаки по дороге не бегали — они, наверное, спали где-нибудь в тени.

Я тоже прилег на постель, размышляя о том, сколько радости доставит нам с Рудой пес, который сейчас и не предполагает, что его ждет.

Ровно в три часа я ожидал Руду под тремя липами. Он опоздал на целых пять минут. Мы присели на каменную лесенку под деревьями. Кость я положил между нами.

— Что это такое? — спросил Руда.

Я сказал, что это приманка для собак. Оказывается, Руда после обеда тоже размышлял о предстоящей охоте. И теперь он заявил, что надо поймать пса не слишком большого, но веселого. А я считал наоборот — нужно поймать пса грустного, развеселить его, а потом уж пусть он веселит нас.

— Слишком много хлопот, — лениво протянул Руда. — Попробуй при такой жаре развесели собаку! Почему бы нам сразу не поймать веселого пса?

Я заметил ему, что у каждого веселого пса наверняка есть хозяин. А ловить чужих собак — это воровство, а возможно, и грабеж.

— Ну, как хочешь, — пожал плечами Руда. Вдруг он подскочил, сел прямо на кость и громко-громко сказал: — Впрочем, тигров лучше всего ловить в капканы. Я как раз вчера об этом читал.

Я вытаращил на него глаза, а он прошептал:

— Замри, Тонда, — и показал вниз на дорогу.

По дороге брел Лойза Салих и с ним несколько петипасских ребят. Я чуть не поперхнулся от радости. «Ну и ловкач мой Руда!»

Когда Лойза Салих приблизился к нам, мы с Рудой уже спокойно беседовали об охоте на тигров.

Лойза приближался к нам, но как-то боком. Так всегда делают мальчишки, когда еще плохо знакомы и не знают, с чего начать. Лойза спросил нас:

— О чем это вы тут советуетесь?

— А ты угадай, — ответил ему Руда.

— Подумаешь, воображают тут! — обиделся Лойза.

Вслед за ним насупились и все остальные. Они еще немного постояли, посмотрели на нас, а потом медленно побрели к станции. Они о чем-то совещались на ходу, все время оглядываясь на нас.

— Со здешними ребятами нужно уметь обращаться, — похвастался Руда.

И мы стали совещаться дальше. Мы решили не ловить собак на этой дороге: здесь ходит слишком много народу. Руда сказал, что знает одну улицу, которая почти всегда безлюдна. Мы взяли кость и отправились на эту улицу.

Улица и вправду была хороша. Дома по обеим ее сторонам утопали в садах. В садах пестрели цветы, распевали птицы. Народу здесь ходило так мало, что даже на дороге зеленела трава. На середине улицы у канавы рос огромный лопух. Мы спрятались за ним и еще разок посовещались. В конце концов мы пришли к такому решению: поймать красивого печального пса средней величины. Руда тут же придумал, как его поймать. Он вынул из кармана штанов веревку и привязал к ней кость. Затем положил кость на видном месте и протянул веревку посередине улицы прямо к нашему лопуху. Веревку он засыпал землей, чтобы пес ее не заметил.

— Как только пес появится на улице, — объяснил он мне, — он сразу учует кость и бросится к ней, а я потяну веревку. Пес сунется за костью, а я опять потяну веревку, пес подойдет еще ближе, и тогда ты его схватишь. Ясно?

Я сказал, что ясно, но, может, лучше ловить пса вместе?

— Хорошо, — согласился Руда. — Я за хвост, а ты за голову.

Мы спрятались за лопух и стали подстергать пса.

Сначала все вокруг было спокойно. Только солнце светило да вдали дорогу перешла курица. Но через минуту — я даже не знаю, как это получилось, — она выскочила около нас из канавы и стала клевать кость.

— Кыш, кыш! — махал на нее Руда.

Мы с трудом прогнали нахальную курицу.

Я взглянул на часы. Мы лежали за лопухом уже пятнадцать минут, но ни одна собака не появлялась. Меня это не очень беспокоило. Я привык сидеть у реки по многу часов и порой уходить ни с чем. Но Руда не умел быть терпеливым. Он вертелся с места на место, вытирал потные ладони о штаны и злился:

— С тобой вечно не везет!

Но едва он это сказал, вдали появился пес. Он выбежал на дорогу, остановился и стал нюхать землю вокруг себя.

— Далековато он от нас, — проворчал Руда. — Нашу кость он наверняка не чувствует.

Мы изо всех сил сжали кулаки, стали колдовать, чтобы пес подбежал поближе. И он послушался. Он пустился к нам по дороге, гордо задрал голову вверх. Вот он все ближе и ближе — и перед нами очутился огромный волкодав.

Я снова сжал кулаки и снова стал колдовать, чтобы он не пробежал мимо. Но сердце у меня как-то заныло.

Пес был огромный, с сильными лапами, во рту у него торчали крепкие зубы, из пасти высовывался красный язык. Он находился уже совсем рядом, и было видно, как горят у него глаза.

Я быстро взглянул на Руду, Руда на меня, и больше я ничего не успел увидеть — прижался к земле и замер. Когда немного погодя я поднял голову, Руда с довольным видом сообщил мне, что не растерялся и дернул веревку прежде, чем волкодав учуял кость. Тут я заметил, что на виске у Руды почему-то дергается жилка.

Наконец я решился выглянуть из-за лопуха. Волкодав был уже далеко, на другом конце улицы. Руда привстал на колени и махнул рукой в его сторону.

— Если бы я захотел, то поймал бы его в два счета.

И снова самым обычным голосом, будто ничего не произошло, сказал мне:

— Надеюсь, ты не думаешь, что я испугался его? Это же веселый песик, у него наверняка имеется хозяин.

Потом он вытер перемазанный землей нос, и мы снова растянули свою веревку с костью.

Прошло еще четверть часа. Отовсюду то и дело доносился собачий лай, но на нашей улице ни один пес не появлялся. От скуки я стал разглядывать, как ползают в траве под лопухом жуки.

Вдруг Руда быстро толкнул меня в бок:

— Бежит!

На углу улицы и вправду появился какой-то пес очень приличного вида. Но тут же за ним появилась женщина, ведущая его на веревке. Руда велел мне пойти и загородить кость. Присев на корточки около кости, я сделал вид, что ищу чего-то на земле. Так я сидел, пока этот пес не прошел мимо.

Не успел я вновь спрятаться за лопух, как показался еще один пес. Он шел без хозяйки. Это был необычайно деловитый пес. Он все время что-то

вынюхивал, вертел головой, бегал взад и вперед. Наконец он присел и, видимо, решил хорошенько отдохнуть.

— Ну, теперь его не дожидаться, — вздохнул Руда.

Вдруг он вспомнил, что умеет как-то по-особому свистеть, а против этого, как известно, не устоит ни один пес. Руда облизнул губы, но сначала попробовал свистнуть тихонько. Потом прищурился и свистнул по-настоящему. Пес подпрыгнул, насторожил уши и... скрылся за углом. Руда сердито пожал плечами и сказал, что собаки в Петипасах даже свиста настоящего не понимают.

И вот мы снова лежим за лопухом и подкарауливаем очередного пса. Я смотрел во все глаза. Видел, как над улицей проносятся птицы, заметил двух кошек, шмеля и бабочку-капустницу. Но ни одного пса я так и не обнаружил.

— Который час? — не выдержал, наконец, Руда.

Я взглянул на свои часы. Вот почему я с точностью до одной минуты запомнил, когда произошло это удивительное событие.

Было ровно шестнадцать часов три минуты, когда что-то холодное коснулось моей левой ноги.

— Вроде дождь начинается, — сказал я Руде.

Он раздвинул листья лопуха, посмотрел на небо и проворчал:

— Интересно бы знать, откуда!

Небо и вправду было чистое, без единой тучки. Но тут снова что-то холодное и мокрое коснулось моей ноги. Я обернулся. Сзади стоял пес и тихонько обнюхивал мою ногу.

Я растерялся. Кому понравится, когда незнакомый пес обнюхивает его ногу, а если еще этот пес не виляет хвостом, то уж тогда берегись!

У пса, который стоял возле моей ноги, хвост торчал прямо, как палка; он и не думал вилять им. Я попробовал потихоньку отодвинуть ногу. Пес немед-

ленно шагнул вперед, поднял лапу, по-хозяйски положил ее на мою ногу и снова стал обнюхивать. Тут я заметил, что из его пасти высовывается острый белый зуб.

Руда как ни в чем не бывало лежал рядом со мной, спокойно смотрел на дорогу и ворчал:

— Пожалуй, брат, сегодня нам пса уже не дожидаться.

Я слышал, как тикают часы на моей руке, словно кто-то стучал маленьким молоточком. Я подумал: «Что нужно делать человеку, если его укусит собака?» Но тут же постарался себя успокоить: «Этот пес наверняка здоровый. У него холодный нос». А третья мысль советовала мне: «Лежи спокойно! Пес подумает, что ты мертвый, и спокойно уйдет». В эту минуту Руда случайно оглянулся и, вскочив, заорал:

— Тонда, да ведь сзади сидит пес!

Не знаю, как это случилось, но я тоже моментально вскочил. Пес отбежал в сторону, остановился и уставился на нас. Теперь он показался мне намного меньше.

А Руда уже шептал мне на ухо:

— Ты хватай за голову, а я за хвост!

Но не успел он договорить, как пес подошел, уселся между нами и тихонько заскулил. Руда ласково спросил его:

— Дать косточку?

Я не хотел отстать от Руды и тоже предложил:

— А может, сахару?

Пес завилял кончиком хвоста, потом подпрыгнул и лизнул меня прямо в нос.

Наконец-то мы добились своего! Этот пес словно упал к нам с ясного неба. Он был средних размеров и вполне грустный. Шерсть у него была рыжая, а нос черный. Когда он открывал пасть, то были видны белые зубы и розовый язык. Большие уши висели у него до земли, хвост был длинный, а лапы короткие. Это была настоящая такса.

Глаза у пса были коричневые, круглые и печальные, а лоб покрыт морщинками — наверное, от больших забот.

Мы сразу же принялись его обучать. Только сначала поспорили, как его назвать. Руда хотел назвать его Дьяволом, Пиратом или, по крайней мере, Тигром. Я сказал ему, что все это не подходит. Дьяволом можно назвать пса, если он черный. Пиратом называют собак, которые нападают на ребятшек и отнимают у них хлеб, намазанный чем-нибудь вкусным. А Тигром называют тех собак, которые кусают всех, кто попадется под руку. Нашего пса надо назвать Жоликом, Муфиком или, по крайней мере, Уврчком. Но Руда никак не хотел соглашаться. Он доказывал, что так можно назвать пса только маленького и уже прирученного.

Наконец мы приняли такое решение: половину имени придумает Руда, половину — я.

Руда сказал:

— Са...

Я добавил:

— Жол...

Получилось — Сажол. Но мы вовсе не хотели, чтобы у нашего пса было такое имя.

Тогда Руда подумал и предложил перевернуть это имя наоборот. Вот так и получилось, что наш пес стал называться Жолса. Имя это было странное, необычное и очень нравилось нам.

Пока мы спорили, Жолса уснул у меня на руках. Мы разбудили его и давай веселить! Это был на редкость печальный пес. Мы строили ему смешные рожи, бросали ему камень. Но бедный Жолса только смотрел на нас и дрожал. А потом снова уснул.

Мы сидели и не знали, что делать дальше.

— Хорошенькое веселье, ничего не скажешь! — пробормотал Руда. — Вот если бы достать живую мышь! Мышь развеселит любого пса.

Едва Руда произнес слово «мышь», как произошло чудо. Уши у Жолсы задвигались, глаза открылись. Он прыгнул на землю, начал носиться вокруг лопуха и лаять в каждую дыру.

Мы кричали с Рудой, перебивая друг друга:

— Жолса, мышь!

Глаза у пса заблестели, со лба сопли морщинки, словно он позабыл обо всех заботах. Даже рот у него как-то заулыбался. И наконец он разразился веселым лаем.

Нам тоже стало весело. Мы бегали вместе с псом вокруг лопуха, а Жолса покусывал нас с радостным визгом.

В конце концов мы с Рудой запыхались и, усевшись на краю канавы, стали смотреть, как Жолса старательно роется в большой яме под лопухом.

— Пес-то наш хороший охотник, — с довольным видом заметил Руда. — Обучим его ловить кроликов.

Жолса перестал рыться, поднял нос, измазанный глиной, и посмотрел на нас, словно говоря:

«Что ж, и это я могу».

— Завтра же возьмем его в лес, — решил Руда.

Я тоже захотел что-нибудь придумать для Жолсы и сказал:

— А потом научим его всяким фокусам.

— Таким фокусам, что на него будут ходить смотреть все петипасские мальчишки! — добавил Руда.

Жолса перестал копаться под лопухом, вылез из ямы и снова весело посмотрел на нас. Затем отряхнул глину, прищурился на солнышко, свернулся клубком и уснул.

— Не беда, — сказал Руда. — Мы уже знаем такое слово, которое его сразу развеселит.

Жолса спал. А мы с Рудой сидели и радовались, что теперь у нас до самого конца каникул есть веселое занятие. По утрам мы будем ходить с Жолсой на охоту. Днем станем обучать его всяким фокусам — это тоже весело. Один день он будет жить у Руды, другой — у меня, так и будем чередоваться. Один день я отдам ему половину обеда и ужина, другой день — Руда. А сейчас, когда пойдем домой, полдороги поведет Жолсу Руда, полдороги я.

Мы с блаженным видом смотрели на спящего Жолсу и тихонько считали до трехсот, чтобы дать ему как следует выспаться. Потом мы его разбудили. Руда отвязал веревку от кости и накиннул ее Жолсе на шею. Мы торжественно шли посредине дороги, направляясь домой. За забором дачи номер семнадцать стояла женщина. Она внимательно посмотрела на Жолсу и крикнула кому-то в глубину сада:

— Смотри, какая милая такса!

Я подмигнул Руде, Руда — мне, и я прикрикнул на Жолсу:

— Иди, иди, не балуй!

Пусть все знают, что этот пес наш. Вдруг на углу

улицы нам повстречалась целая куча ребят, и кто-то из них крикнул:

— Эй, ребята, что вы делаете с нашим Пецкой? Куда вы его тащите?

Тут случилось такое, что вспомнить, и то страшно. Жолса вздрогнул, рванулся, веревка вырвалась у Руды из рук, а меня кто-то сзади схватил за плечо. Руда бросился вперед, словно хотел убежать, но его уже плотным кольцом окружили петипасские ребята. Я обернулся и увидел перед собой Анчу. Жолса сидел у ее ног и тихо рычал.

10

В эту минуту мне хотелось только одного: очутиться где-нибудь далеко-далеко за семью горами. Проживи я на свете хоть сто лет, и то не забуду, как смотрела на меня Анча. Я чувствовал себя самым несчастным человеком в мире. Хоть бы она сказала что-нибудь, и то было бы легче. Но она лишь молча смотрела на меня. А потом получилось еще обиднее. Анча обошла меня, словно я для нее не существовал, и присоединилась к мальчишкам, которые плотным кольцом окружили Руду. Среди них был и Лойза Салих. Он едва доставал Руде до плеча, но вид у него был бесстрашный. Грозя Руде кулаком, он кричал:

— Вы просто воришки! Вы украли у Анчи собаку!

А все остальные мальчишки, будто грозные судьи, смотрели на Руду и кивали в знак согласия головой.

Лойза пыжился от радости, как индюк. Он размахивал руками, бегал от одного к другому и всем объяснял:

— Я сейчас вам расскажу, как было дело! Они сидели под каштанами и о чем-то сговаривались. Я это сразу заметил. Тогда мы пошли за Грудеком, а

его не было дома. Тогда мы пошли за ними, а они тут ловили собак. Украла у Анчи ее Пецку. Тогда мы пошли за Анчей.

Все ребята слушали, хотя и без него прекрасно знали, как все произошло. Единственный, кто не слушал, был Руда. Он стоял в плотном кольце петипасских ребят, покачивался на носках и щурил глаза. Страх у него не было. Он видел, что все ребята намного меньше его. Лойза Салих еще разок крикнул:

— Эх вы, собачьи воры!

Но в ту же минуту он чуть не проглотил язык. Руда шагнул к нему и ухватил за плечо:

— Ты мне за это ответишь!

Лойза со страхом посмотрел на Руду. По правде говоря, Лойза был еще малышом. Он весь сжался и оглянулся на остальных. А те изо всех сил закричали:

— Драбек бьет Лойзу!

В этом-то и была их ошибка. Руда сразу понял, что они его боятся. Он отпустил Лойзу и сделал вид, что хочет кинуться на ребят. Но вместо этого еще сильнее прищурился и спросил тихим голосом:

— Это кто у вас ворует собак, а?

Кто-то стоявший сзади всех ответил:

— Ты!

— Кто это сказал? — грозным голосом переспросил Руда. — Повтори-ка!

Парнишка, на которого уставился Руда, произнес громким голосом:

— Это не я! — и тут же юркнул за угол улицы.

Руда громко засмеялся:

— Ладно! Вы мне все за это ответите!

Еще трое мальчишек скрылись за углом. Остались только двое — Лойза Салих и Мила Ткачек. Мила был еще совсем карапуз. Он вообще ничего не понимал и поэтому ничего не боялся. Руда нагнулся к нему, слегка шлепнул и сказал:

— А ну, беги домой, к маме! Ясно?

И Мила сразу послушался. Вслед за ним ушел и Лойза Салих. Он присматривал за Милой и не смел оставить его одного.

Руда подтянул штаны и с победоносным видом направился за угол посмотреть, не замышляют ли мальчишки еще чего-нибудь.

А я остался с Анчей один на один. Я наклонился, поднял свободный конец веревки, которая была обвязана вокруг шеи таксы, и подал Анче.

— Нá, бери своего пса. Только уходи, пока не вернулся Руда.

Анча демонстративно повернулась ко мне спиной.

Меня ничуть не радовало, что Руда так легко одолел петипасских ребят. И вовсе не хотелось видеть, как струсит перед ним Анча. Лучше скорее домой!

Но Руда уже возвращался, приглаживая рукой волосы, — это означало, что он очень доволен собой. Он остановился перед Анчей, дернул ее за косу и насмешливо сказал:

— В следующий раз можешь приводить хоть двадцать этих сопляков!

Я думал, что Анча разозлится и ударит Руду, но она лишь отошла на шаг и спокойно ответила:

— Неправда! Никого я не приводила. Ребята сами прибежали за мной.

Руда прищурился:

— Ты что, хочешь со мной поссориться?

Анча пожала плечами:

— Очень нужно!

Руда понимал, что ничего не сделает с Анчей, пока не разозлит ее. Минуту он раздумывал, потом показал пальцем на таксу:

— Так чей же это пес?

— Мой, — ответила Анча.

Тогда Руда быстро наклонился, схватил конец веревки и крикнул:

— А теперь он мой! Ясно?

— Это тебе только кажется, — усмехнулась Анча.

Солнце светило так ярко, что я поневоле зажмурил глаза. Но при этих словах глаза у меня сами собой широко раскрылись. Я увидел, что Анча и вправду смеется над Рудой.

Руда дернул за веревку:

— Жолса, встать!

Такса встала, виляя хвостом.

— Я забираю пса! Ясно?

Мне стало жалко Анчу. Я подошел к Руде и тихо сказал:

— Брось ты это! Ведь она его, наверное, любит.

И тут случилось что-то непонятное. Анча вдруг разозлилась, только не на Руду, а на меня. Даже не повернув головы в мою сторону, она крикнула:

— А ты не лезь не в свое дело!

Я чуть не сгорел от стыда. Даже в голове загудело. Между тем Руда намотал веревку на руку и уже напоследок спросил:

— Так, значит, ты не веришь, что я уведу твоего пса?

Анча ничего не ответила. Она быстро повернулась на одной пятке и скрылась за углом улицы. Такса глядела ей вслед и тихонько повизгивала.

— Терпеть не могу скулящих собак! — рассердился Руда и, потянув за веревку, скомандовал: — Жолса, за мной!

Такса уперлась всеми лапами в землю и схватила веревку зубами, словно хотела перегрызть ее.

— Сейчас ты у меня заработаешь! — крикнул Руда и потянул веревку сильнее — таксе поневоле пришлось побежать за ним.

Мы двинулись в обратный путь. Улица, где мы ловили собак, вела к реке. Руда захотел испытать, умеет ли Жолса плавать. Я молча шел рядом. Руде мое молчание не нравилось. Он то и дело искоса поглядывал на меня и наконец сказал:

— Неплохая драка была, а? Шестерых мальчишек и эту девчонку с косами я одолел одним махом!

Я знал, Руде ужасно хочется, чтобы его похвалили. Но я смолчал. Ведь все мальчишки были по сравнению с Рудой еще малышами, а девчонка сама уступила ему собаку. Разве их поймешь, этих девчонок! Я видел, что Анча ни капельки не боится Руды. Но почему же она отдала ему пса? Почему? Вот что было непонятно! Руда понял, что я не собираюсь его хвалить, и перестал со мной разговаривать. Так, молча, мы и шли по дороге: Руда, такса и я. В конце концов Руда не выдержал и стал разговаривать с псом:

— Шагай, шагай и не оглядывайся! Ты должен слушаться меня с одного слова, ясно?

Жолса бежал перед ним, слегка переваливаясь на ходу.

— Я из тебя сделаю настоящего пса,— пообещал ему Руда. — Не то что эта девчонка с косами. Она только и делала, что водила тебя на веревочке.

Жолса споткнулся о камень.

— Вот-вот! Даже ходить как следует она тебя не научила! — ехидничал Руда. — У меня все пойдет по-другому. Буду учить тебя с утра до вечера. Научу ловить мышей, ходить по следу, умирать.

Я не понял и спросил:

— Чему, чему ты его научишь?

— Ну, умирать, — пояснил мне Руда. — Чтобы был похож на мертвого. Ясно? Мой пес должен все уметь.

Тут уж я не выдержал:

— Откуда он твой? Он такой же твой, как и мой. Мы его вместе поймали!

— Подумаешь! — возразил Руда.

— А кому первому он стал обнюхивать ногу?

— А кто стоял, как дурак, когда петипасские ребята стали его отнимать?

Мы остановились, чтобы было удобнее ругаться. Жолса уселся посредине и уставился на нас.

Что бы я ни говорил, Руда на все ухитрился найти ответ. Наконец он разозлился и крикнул:

— Это мой пес! И точка!

В ту же секунду Жолса так дернул веревку, что Руда едва устоял на ногах. Раздался грозный окрик:

— Сидеть!

Но Жолса не слушал. Он вырывался, заливался лаем и так работал всеми лапами, что только камешки летели. Пес изо всех сил тянул Руду обратно, к тому месту, откуда мы повернули к реке.

Там стояла Анча. Я узнал ее по красной юбке и желтой майке. Она засунула два пальца в рот и свистнула.

Жолса на миг прислушался, завилял хвостом и снова начал рваться.

— Тонда, на помощь! — крикнул Руда.

Но тут Жолса яростно завыл и завертелся так, что я уже не мог помочь, если бы и захотел. Там, где стоял Жолса, теперь виден был лишь столб пыли и оттуда раздавался громкий лай, визг и летели во все стороны камни. Руда обеими руками ухватился за веревку и всеми силами старался удержать Жолсу.

Люди на соседних дачах подходили к окнам, что-то кричали нам, даже грозили.

Я посоветовал Руде:

— Отпусти пса! Ведь плохо будет!

Так оно и случилось. Калитка дачи номер семнадцать распахнулась, из нее выбежала пани — та самая пани, которая недавно похвалила Жолсу. Она подбежала к Руде и что-то крикнула. Губы у нее двигались, но ничего не было слышно, потому что эта маленькая собачонка визжала, как большой паровоз. Что произошло у них дальше, я хорошенько не разобрал, только мне показалось, что эта пани отвесила Руде подзатыльник.

В тот же миг Жолса выскочил из облака пыли

и помчался по дороге, волоча за собой веревку. Постепенно наш пес становился все меньше и меньше. На углу улицы он попал прямо в объятия к Анче.

Домой мы возвращались задами. Это из-за мальчишек. Ежеминутно в нескольких шагах от нас неожиданно появлялся какой-нибудь мальчишка и кричал Руде:

— Жолса, хочешь сахару?

Руда не отвечал, только что-то бормотал сквозь зубы и прибавлял шаг. Наконец мы добежали до моего дома. Тут Руда обернулся назад и сердито погрозил кулаком:

— Я вам всем еще покажу! И этой девчонке с косами! И тебе, Тонда, тоже! — И, сжав кулаки, он стал медленно приближаться ко мне. — Ты думаешь, я не видел, как ты шептался с этой девчонкой? А собака? Если бы ты мне помог...

За моей спиной стукнуло окно. Руда поглядел туда и сразу разжал кулак, которым размахивал передо мной.

— Добрый день, пани Людвикова, — услышал я его голос.

Через минуту он уже мчался по улице к дому перевозчика.

Я посмотрел ему вслед и задумался. В первый раз я увидел, как одурачили Руду. И кто же? Какая-то девчонка с косичками! Да, здесь было над чем задуматься! Но тут меня окликнула пани Людвикова:

— Тоник, где ты там шатаешься? Опять опоздал к полднику!

Я взял горшочек с молоком, рогалик и поплелся в закоулок сада, к колонке. На душе у меня было очень скверно. Только вот отчего? Я присел на бетонный выступ и стал припоминать все, что случилось со мной сегодня. Сначала на меня обозлилась Анча, а потом Руда. Теперь спрашивается, что мне больше не по душе. Честно говоря, я совсем не страдал из-за Руды. Злится? Ну и пусть себе злится. Но едва я по-

думал об Анче, как у меня сразу пропал аппетит. Неужели все дело в Анче? Вот уж не думал! Я решил проверить все это еще разок.

«Если бы у тебя была жевательная резинка, с кем бы ты поделился: с Рудой или с Анчей?» — спросил я сам себя.

И сам ответил:

«Конечно, с Анчей!»

Я облегченно вздохнул и допил остатки молока.

Вечером, перед сном, я снова вспомнил про Анчу и Руду. Теперь на душе у меня было весело. Я был страшно рад, что Руду так здорово одурачили и что одурачила его именно Анча. Так ему и надо! Слишком много он о себе воображает, этот Руда!

Только одна мысль все еще беспокоила меня: ведь Анча-то считает меня трусом.

11

Ночью в Петипасах царит тишина.

Ну и темень же здесь!.. В Праге куда светлее.

В эту ночь я просыпался раза три.

Когда я проснулся в первый раз, мне вспомнилось, что я еще не ходил на рыбалку, а ведь уже третий день каникул. Отправляюсь завтра же! И сразу в ушах у меня зашумела река, перед глазами закачались зеленые ветки ольхи, склоненные над водой, и я незаметно уснул.

Во второй раз я проснулся, когда уже чуть-чуть светало. В окно ко мне заглядывала какая-то звезда, и я подумал: «Интересно, видит ли ее Анча?.. А что, если позвать Анчу с собакой на рыбалку? Там я докажу ей, что ничего не боюсь. Могу взять в руки любого червя, пиявку, даже лошадиную! А поймаю сома — засуну ему в рот руку. Пусть Анча видит, что я вовсе не трус».

В третий раз я проснулся уже утром. Завтрак стоял на столе. Под горшком с молоком лежал

лист бумаги. На нем было написано: «Раз мы не увидимся (ты еще спишь, а мне пора на работу), то червяков для тебя я оставляю под окном».

Под окном и вправду стояла жестянка, полная свежих червей. Я ужасно обрадовался и немножко простил пану Людвику, что он не моряк.

Было лишь семь часов. Я решил, что погуляю четверть часика, а потом пойду к Анче и позову ее на рыбалку. Делать мне было пока нечего, и я не спеша умылся. Потом хотел причесаться, но никак не мог найти свою расческу. Я отправился на кухню попросить пани Людвикову, чтобы она одолжила мне свою. Однако на кухне никого не было. В соседней комнате тоже. Тогда я выглянул из окна во двор. Пани Людвигова стояла под навесом у забора, рядом с ней я увидел соседку. Обе хозяйки смотрели в корыто, поставленное на два стула. Наконец соседка произнесла:

— Ну, пани Людвигова, теперь вам целую неделю можно не думать об обеде!

В корыте что-то яростно плеснулось. Соседка отскочила и отряхнула брызги с передника.

— Да это и впрямь рыбина что надо!

А я уже мчался через двор к навесу. Разлетелся так, что едва не угодил в корыто.

— Осторожней, Тоник! Как бы вам не оказаться вместе, — остановила меня пани Людвигова.

В корыте был карп. Живой, огромный... Спина у него была черная и сильная.

— Откуда он у вас?

— Из реки, Тоник. Вчера вечером он целый час возил пана Людвика по воде вместе с лодкой.

— Так, значит, его поймал пан Людвик?

Мне все еще не верилось.

— А на какую приманку он его поймал?

— Говорил, что на обыкновенного червя.

— А какая леска у него была?

— Кажется, тридцатка.

Я уже не знал, чему удивляться: тому ли, что пан Людвик поймал такого здоровенного карпа на такую слабую леску, или тому, что пани Людвикова так хорошо разбирается в рыболовном деле.

— А где он его поймал?

— Под скалой, у самого Казина. А ну-ка, причепись!

Пани Людвикова достала из кармана передника гребенку и протянула мне.

— Он был совсем один?

— Один, один! Он все любит делать сам. Ему даже в воду пришлось лезть из-за этого карпа.

И пани Людвикова показала на веревку, протянутую от орешника к забору. На ней сушились брюки и рубашка.

— Только кепка утонула... А теперь беги обуйся!

Она наклонилась над корытом, ухватила карпа за жабры и понесла в кухню. Карп, наверное, был очень сильный. Он бил хвостом во все стороны. Но недаром пани Людвикова была настоящей женой рыбака. Не успел я обуться, как она уже чистила карпа.

Ох, и злился же я на себя! Ведь я же мог пойти на речку с паном Людвиком. И тогда бы мы вместе поймали этого карпа! А я в это время ловил с Рудой собак, да еще столько из-за этого перенес.

Чешуя разлеталась во все стороны. Несколько чешуек блестело в волосах у пани Людвиковой. Разрезав карпа, она обратилась ко мне:

— Ну, рыболов, не вынешь ли ты отсюда желчь? Я что-то плохо вижу.

Вынуть желчь из карпа не так-то просто. Если не умеешь это делать, лучше не берись — можешь испортить всю рыбу. И я, конечно, был доволен, что пани Людвикова оказала мне такое доверие. Я даже простил ей все, что было раньше.

Теперь мне и вовсе не сиделось дома. Я непременно должен поймать такого же карпа! Я вытащу

его из этой Бороунки и отдам Анче — пусть знает, с кем имеет дело!

Шагая к домику Анчи, я то и дело оглядывался по сторонам — мне не хотелось никому попадаться на глаза, а больше всего Руде. Но все обошлось благополучно. До самых лип, что стояли на развилке дороги, я не встретил ни души, а отсюда уже рукой подать до шлагбаума. Отец у Анчи был стрелочник, поэтому их дом стоял прямо у полотна. После я узнал, что матери у нее нет. Жила она с отцом и Пецкой.

Если б между нами ничего не произошло, я бы просто крикнул ей:

«Анча, в полвторого я иду на рыбалку. Идешь со мной?»

Тут она бы выглянула из окна и сказала:

«Хоть сейчас, Тоник!»

Но все это было только на словах. А на деле выходило совсем не так. Анча считала меня трусом. И вдобавок злилась на меня за всю эту проклятую историю с собакой. Не то что видеть, но и слышать, наверное, обо мне не хотела. Как только я об этом подумал, ноги у меня сами остановились. Да, пожалуй, мне лучше всего повернуть назад!

Но как сделать, чтобы Анча пришла после обеда на реку? Я долго ломал себе голову. Думал даже написать стихи, красивые стихи о рыбаке, который будет ждать сегодня Анчу на берегу реки. Но откуда Анча узнает про эти стихи?.. Так я ничего и не придумал.

Тогда я взглянул на небо. Там собирались небольшие тучки. «Скоро все равно пойдет дождь», — решил я и повернул домой. Всю дорогу я громко напевал, чтобы ни о чем не думать.

Но, дойдя до перекрестка, я остановился как вкопанный. А ведь я действительно трус! Рад придраться к любому пустяку, даже к дождю, лишь бы не встречаться с Анчей.

Вряд ли кому-нибудь приятно обнаружить, что он трус. Я осмотрелся вокруг. Недалеко от перекрестка боролись Лойза Салих и Мила Ткачек и страшно при этом орали — видно, боролись всерьез. Но все же унывать им нечего — они-то ведь не трусы.

А вокруг было так здорово!.. В придорожной канаве росли цветы — весь воздух был пропитан их ароматом. Деревья слегка покачивались от ветра, из листвы то и дело выпархивали птицы. В густых садах прятались домики. А когда солнечный луч падал на окна, казалось, что домики весело подмигивают своими «глазами». Да, всем в Петипасах хорошо, и людям и зверюшкам, только мне одному было плохо. И все потому, что я трус.

Я быстро повернулся и бросился назад к домику Анчи. У самого полотна я свернул с дороги, обошел шлагбаум и остановился в нерешительности: куда же теперь? На каждой стороне дома были двери. Около одной стояли маленькие резиновые калоши, и внутри каждой чернильным карандашом было написано «А». Я подошел к этой двери и постучал. Тишина! Потом вдруг залаял Пецка, и дверь отворилась. Передо мной появился отец Анчи. Он был в синей железнодорожной форме. Такого оборота, честно говоря, я не ожидал. Это нарушало все мои планы. Я растерялся и начал гладить Пецку.

— Мне нужна Анча. Ее нет?

— А в чем дело? — спросил отец.

Но не мог же я сказать ему: все дело в том, что я трус — об этом и пришел поговорить с вашей Анчей.

— Зачем она тебе? — снова спросил отец.

— Просто так.

Отец Анчи громко рассмеялся, гулкое эхо прокатилось по коридору.

— Станный гость. Ну что ж, пошли в дом!

Он провел меня в комнату и указал на стул. Потом взял из миски пирожок и подал мне:

— А ну-ка, попробуй! Это мы с Анчей испекли.

Я отведал кусок и немного отломил Пецке, который удобно пристроился у меня на коленях. Уплетая пирожок, я поминутно оглядывался на дверь.

— Не вертись, приятель! Анчи и вправду нет дома. Ты что, ее друг?

— Нет.

Отец Анчи неодобрительно покачал головой, но глаза его продолжали смеяться. Потом он взглянул на стену, где висели часы с большим маятником.

— Сейчас пройдет поезд? — спросил я.

— Какой там сейчас! — махнул он рукой. — Только через двенадцать минут.

Мне было почему-то страшно жарко. И вдобавок на коленях у меня разлегся Пецка.

Глаза отца Анчи смеялись все больше и больше.

— Возьми еще пирожок! И скажи мне все же, зачем тебе нужна наша Анча.

И тут мне в голову пришла чудесная мысль.

— Я должен поговорить с ней по поручению одного парня.

— Подумать только! — покачал головой отец. — А что за поручение у этого парня?

Я сделал вид, что считаю когти на лапе у Пецки, и сказал равнодушным голосом:

— Этому парню охота доказать вашей Анче, что он не трус. Прямо сегодня! Если Анча в два часа придет к Казину, он возьмет при ней голыми руками лошадиную пиявку.

— Подумать только! — задумчиво повторил Апчин отец.

Я решил, что этого мало.

— А еще этот парень сказал вот что: если он вдруг поймает сома, то сунет руку прямо ему в рот. Но только пусть ваша Анча снова водится с ним!

Отец наклонился ко мне — я даже увидел крупинки сажки в его волосах — и тихо спросил:

— А этот парень говорит правду? Он может доказать все это?

Я покраснел.

— Ну ладно, приятель, — похлопал меня по плечу Анчин отец. — Можно считать, что мы договорились.

В соседней комнате зазвенел будильник. Отец Анчи поднялся и стал разыскивать фуражку. Я спустил Пецку на пол и тоже собрался уходить. Но в дверях задержался и на всякий случай спросил:

— Так вы передадите это Анче? Не забудете?

Отец вытащил из кармана носовой платок.

— А ну-ка, посмотри! — И он завязал на платке большой узел.

Обратно мне шагалось веселее.

До самого обеда у меня было много работы. Я помогал пани Людвиковой жарить карпа: пропускал через мясорубку сухари, выгонял дым из кухни. Когда пани Людвикова поджарила первый кусок, она дала мне попробовать. Я остался доволен. И пани Людвикова прямо не могла нарадоваться на меня. Только повторяла:

— Знаешь, Тоник, мне все кажется, что около меня крутится наш Ярка — когда-то и он был таким же.

После обеда она положила несколько кусков рыбы в салфетку и понесла на пробу соседкам и пети-пасскому учителю. А я остался дома и начал собираться на рыбалку. Прежде всего выглянул в окно — какая погода? На всем небе я насчитал только шесть маленьких туч. Ветерок дул еле-еле — он не шевельнул бы даже самого легкого поплавка.

Словом, погодка была что надо! Как раз для рыбной ловли. Я вытащил из-за шкафа удочку, проверил катушку спиннинга. Затем попробовал на палец, все ли крючки хорошо наточены, и осмотрел червей в жестянке. Это были замечательные черви — бодрые, веселые. Мне тоже было весело. Только иногда меня тревожила одна мысль: что, если Анчин отец забыл передать ей мое поручение?

В полвторого я вышел из дому. Я хотел сперва зайти к перевозчику Роучеку — узнать у него дорогу к казинской скале. Но едва я вышел из ворот, как наткнулся на Лойзу Салиха.

Он сидел на корточках на краю тротуара и дергал цветы, что росли у нашего забора. Лойза притворился, что не замечает меня. Я шел и нарочно размахивал удочкой, чтобы она ярче блестела на солнце. Но Лойза не обратил внимания даже на мою удочку. На удочку, которая стоила целых сто двадцать крон!

На углу я остановился и оглянулся. Лойза перебежал на противоположную сторону и несколько раз позвонил у Клоцов. Индра Клоц подошел к железной калитке, и Лойза шепнул ему:

— Идет на рыбалку!

Но голос у него был страшно писклявый, и я прекрасно все расслышал.

Дальнейший мой путь лежал к трем каштанам. Там я снова остановился и оглянулся. Мальчишки плелись следом за мной по дороге. Они насвистывали и старались выглядеть как можно беспечнее, будто им до меня и дела нет.

Я окликнул их:

— Лучше подошли бы и сказали, где находится казинская скала.

Мальчишки молчали. Вид у обоих был сердитый, — видно, все еще злились на меня за вчерашнее. Ведь, как-никак, я помогал Руде во всех его проделках. Я двинулся дальше, продолжая следить за своими спутниками. И вдруг мне показалось, что мальчишки из Петипас что-то против меня затевают.

Прежде чем я дошел до перекрестка, Лойза позвонил еще у трех калиток. Появилось еще двое незнакомых мне мальчишек. Третьего, очевидно, не оказалось дома.

У дома перевозчика нам повстречался Грудек. Брюки у него были в муке, должно быть, он шел прямо с мельницы. Ребята остановили и его, что-то шептались. Грудек сначала отрицательно покачал головой, но Лойза схватил его за руку, и Грудек присоединился к их компании.

Я бросил через плечо:

— Пятеро на одного, да?

Грудек приказал ребятам остановиться, а сам неторопливо подошел ко мне. Подтянув пояс на брюках, он усмехнулся и сказал:

— Ты что-то сочиняешь! Просто мы хотим посмотреть, как ты умеешь ловить рыбу.

— А почему же ребята со мной не разговаривают?

— Сам знаешь, почему!

Я решил пойти на мировую и на глазах у мальчишек протянул Грудеку удочку:

— Хочешь поддержать ее?

— Э, нет! — покачал головой Грудек. — Мы сперва посмотрим, как ты ловишь рыбу. Так же, как собака, или похуже?

Он вернулся к остальным, и все пятеро пошли за мной, как судьи, которым предстояло вынести мне приговор.

Я был уверен, что покажу петипасским мальчишкам такую ловлю, какой они еще не видывали.

Наконец подошли к перевозу. Пан Роучек со своим паромом находился на другой стороне реки; надо было ждать, пока он вернется. Я стоял у причала, с нетерпением поглядывая на реку. И вдруг насторожился — мальчишки за моей спиной разжужжали, как шмели. Затем послышался писклявый голос Лойзы:

— Жолса, хочешь конфетку?

Я так и подскочил. Раз собака здесь, значит, и Анча неподалеку. Все-таки пришла! И, наверное, тоже идет к казинской скале. Я обернулся и увидел Руду. Он только что вышел из дома перевозчика и теперь направлялся к нам, поддавая на ходу камешек.

Лойза бросился ему навстречу и снова крикнул:

— Жолса, принеси камешек!

Потом немного отбежал, спрятался за спину Грудека и хотел было еще разок обозвать Руду, но Грудек не позволил. Он схватил Лойзу за локоть и тихо предупредил:

— С этим ни слова, ясно?

Я взглянул на остальных мальчишек. Все они смотрели кто куда, только не на Руду.

Было ясно, что петипасские ребята исключили Руду из своей компании. В нашем классе поступают

так же. Никто не имеет права разговаривать с провинившимся.

Руда, видно, растерялся. Он стоял на одном месте и пяткой забивал камень в песок.

Между тем паром возвратился. Пан Роучек привязал его канатом к двум столбикам, снял проплетавшую майку и прополоскал ее в воде у берега. Потом закинул майку себе на спину, чтобы было прохладней.

— Здорово сегодня припекает, Тоник! А вода-то в реке прибавляется! Ты за карпами?

Мне захотелось показать, что я тоже кое в чем разбираюсь, и с видом знатока я заявил:

— Вода сегодня мутная, рыба хорошо пойдет на червя.

— Пожалуй, и усач может попасться, — заметил пан Роучек. — А где ты собираешься ловить?

— Под казинской скалой. Да только вот не знаю, как туда идти.

Перевозчик посмотрел на петипасских ребят:

— А разве эти молодцы не могут тебя проводить? Или наш Руда?

Мальчишки затихли. Руда молча завязывал шнурки у тапочек.

— Вот оно что! Выходит, вся компания в ссоре, — усмехнулся перевозчик. — Ну, тогда смотри. Отсюда ты пойдешь вниз по реке, пока не увидишь самую последнюю скалу — она стоит на другом берегу. Это и есть Казин. Читать умеешь?

— Ну еще бы!

— Вот на ней ты и прочтешь это название.

«А ведь хорошо, — подумал я, — если бы везде названия писались прямо на скалах, на холмах, на горах. Вот было бы легко учить географию!»

Я кивнул перевозчику и направился вниз по реке. На некотором расстоянии за мной по-прежнему шагали петипасские мальчишки. Позади всех плелся одинокий Руда.

Берег, по которому мы шли, был на вид какой-то пустынный. Росли тут лишь чертополох да гусиная травка. Всюду валялись бутылочные осколки.

Гораздо интереснее было на другом берегу. Там вдоль реки тянулись отвесные скалы — полезешь на такую скалу, живо сорвешься. Местами они поросли лесом, а там, где не могли удержаться большие деревья, росли только маленькие березки. Этим все нипочем, цепляются корнями за каждую трещину.

Но вот уже и на нашем берегу есть чем полюбоваться. На берегу — густая трава, вербы у самой воды, а гусей кругом просто видимо-невидимо.

Мы шли по узкой тропинке мимо деревянных домиков, окруженных садами. В садах было столько цветов, что им уже не хватало места за оградой — многие росли прямо у дороги.

Река, освещенная солнцем, сверкала, как золото. Но и без солнца она была бы не хуже. Любая рыба из тех, что я знаю, отлично жила бы в такой реке. Тут были и места с быстрым течением, которые любит усач, и омуты для карпов, и тихие заводи, где подстерегают добычу голавли. И лещи, и угри, и плотва — для всех тут было раздолье.

Я шел и любовался природой. И река, и сады, и скалы — все было здорово!

И вдруг я увидел Казин. Это оказалась желтая скала на другом берегу реки. Большими белыми буквами на ней было написано: «Казин».

Я перебежал реку по узкому деревянному мостику. В будке на другом берегу сидел дед и брал монеты за переход. Увидев мою удочку, он спрятал руки в карманы и замотал головой:

— С рыбаков не беру!

Ничего не взял он и с петипасских ребят. Один только Руда должен был заплатить.

Вдоль берега прямо от будки тянулась дорога, усаженная вербами и другими деревьями. Эта аллея довела нас до самой скалы. Подходящего местечка и

тут не оказалось, и мы двинулись в обход. Но теперь уже не по дороге, а по тропинке, высеченной прямо в скале. Тропинка забирала все выше и выше, и вскоре река оказалась где-то под нами. Я вспомнил слова петипасского учителя: «Смотри, Тонда, не свались с нашего Казина!»

Потом начался спуск, и через две минуты мы вышли на зеленую лужайку с другой стороны скалы. На этой лужайке с трудом разместились бы два рыбака.

Вокруг росли густые вербы. Река здесь была тихая и глубокая. Только за вербами слышался легкий шум — там в Бороунку впадал какой-то ручей.

Я уселся на траву и стал налаживать удочку. Петипасские мальчишки расположились на склоне, как раз за моей спиной. Руда обошел их и улегся животом прямо на камни. Я так волновался, что даже руки у меня дрожали. Сначала я вынул из коробки крючок — тот самый, что нашел однажды у Влтавы под Голешовицким мостом. Это был на редкость счастливый крючок. В другой коробке у меня лежало свинцовое грузило. Этим грузилом я пользовался уже два года, и ни разу оно меня не подводило. Потом я достал из жестянки червяка. Насадил его на крючок особым способом — так меня когда-то учил один старый рыбац.

Мальчишки внимательно следили за мной. Руда лежал в сторонке и громко посвистывал — дескать, мне до вас и дела нет.

Я взмахнул удочкой и скороговоркой пробормотал свое заветное заклинание:

— Река, река, дай мне рыбу!

Зажав удочку двумя камнями, я уселся рядом. А теперь пусть только попробует поживиться моим червяком большой карп из-под скалы! Я покажу ему, какой я рыбак! И мальчишкам из Петипаса тоже.

И вдруг я вспомнил об Анче. Было четверть

третьего, а она еще не пришла. Я взбежал по склону и оглянулся по сторонам. Все мальчишки вытирали на меня глаза: что это я такое делаю?

— Это он высматривает, не плывет ли на его червя кит! — крикнул Руда.

А Индра Клоц тихо сказал мне:

— Клюет!

Я тут же бросился к удочке. Но поплавок уже успокоился. Я должен был думать только о рыбе, а думал об Анче. Почему она не пришла? Мне стало как-то грустно. А это самое скверное для рыболова, когда плохое настроение.

— Эй, приятель, куда же ты смотришь? Ведь снова клюет, — подтолкнул меня в спину Грудек.

Я рванул удочку, подсек, рыбы уже не было.

— Так она тебя и ждет! — засмеялся Руда.

Но остальные мальчишки даже не улыбнулись. Они собрались в кучку и стали о чем-то советовать. Потом от них отделился Грудек.

— Ну-ка, покажи леску! — сказал он, подходя ко мне.

Я протянул ему удочку. Грудек попробовал на палец крючок, взвесил на ладони грузило:

— Ребята, тут у него все в порядке!

Возвратил мне удочку и покачал головой:

— Что ж это ты? Рыба клюет, а ты ее даже подсечь не можешь.

— С собаками у него лучше получается! — пискнул Лойза Салих.

Грудек строго посмотрел на него.

И снова поплавок покачивается на воде. Примчались ласточки, покрутились над удочкой, подивились на жалкого рыболова и опять куда-то улетели.

Эх, если б здесь была Анча! Все пошло по-другому! Я бы подсек каждую рыбешку, которая только лизнула червяка. Но Анчи не было, и мне становилось все грустней и грустней. Какая ловля без настроения?

Плеснуло — и удочка соскочила в воду. Я схватил ее обеими руками и подсек так быстро, что леска вылетела из воды. Грузило просвистело в воздухе. Все присели. А Руда выкрикнул:

— Славный тополь ты поймал!

Это была сущая правда: крючок засел высоко в ветвях. Лойза Салих должен был лезть за ним на дерево.

От обиды слезы выступили у меня на глазах. Что может быть хуже для рыболова, чем такая неудача! А дальше? Что я стану делать, когда ребята начнут надо мной смеяться? Но они молча посматривали друг на друга. Только Лойза Салих, подавая мне крючок, заметил:

— Понимаешь ли, у нас рыба водится в речке...

Мне оставалось только вздохнуть:

— Сам не пойму, что это сегодня со мною...

Про себя я подумал: «А не лучше ли удрать и спрятаться в вербах?..» Чего еще ждут эти ребята из Петипас? Ну какие еще несчастья могут свалиться на голову плохого рыболова? Я и вправду продемонстрировал рыбную ловлю, которую им вряд ли приходилось видеть. Эти мальчишки из Петипас до смерти не забудут, как я удил рыбу под казинской скалой. И, вспомнив, обязательно посмеются. Пять мальчишек из Петипас будут смеяться надо мной всю жизнь! Нет, какое там пять! Сегодня же вечером надо мной будут потешаться все петипасские ребята. И Анча тоже.

Я обернулся. Ребята сидели на склоне, советовались, поглядывали в мою сторону. Несколько раз они посмотрели и на Руду. Потом я услышал, как Лойза Салих пискнул:

— Я ему скажу про это...

Я услышал, как зашуршала трава у меня за спиной. Кто-то похлопал меня по плечу. Но я склонился над удочкой и даже не обернулся.

— Отстань, Лойза!

— Никакой я не Лойза, — засмеялся за моей спиной Грудек.

— И я не Лойза! — добавил Индра Клоц.

— Мы хотим сказать тебе, какой ты рыболов.

— Можете оставить это при себе.

— Ты что, злишься? — спросил Грудек.

— Тонда, чего они от тебя хотят? — крикнул Руда.

Но мальчишки не обратили на него никакого внимания. Только Лойза невнятно огрызнулся в ответ. А Грудек и Индра уселись за моей спиной на траве. Им плевать было, что я нарочно смотрю только прямо перед собой на реку. Индра медленно начал:

— Понимаешь, кто злится или волнуется, у того все получается кое-как.

Грудек подхватил:

— Знаешь старого Людвика?

Ха! Смешно! Я ведь живу у Людвиков!

— Я? Как же я могу его не знать?

— А вот и не знаешь! Во всяком случае, не знаешь, что прошлым летом он тоже тополь поймал.

Я от удивления чуть не столкнул в воду свою удочку.

— Не может быть!

— Тонда, не верь им! — крикнул Руда.

— Нет, это правда! — Индра сказал, как отрезал.

— Крючок он так и оставил на ветке.

Я вспомнил про карпа, которого пан Людвик поймал вчера, и с сомнением покачал головой.

— Удивляешься, конечно? — Грудек ткнул меня локтем в бок.

— А зачем вы мне про это рассказываете?

— А чтобы ты нам поверил. Мы все решили, что ты отличный рыболов.

Я так обозлился, что едва процедил сквозь зубы:

— Сам знаю, какой яловец, особенно по части собак!

Грудек сверкнул глазами в сторону Руды.

— Про собак забудь! Что мы, не знаем, как это все произошло? Хороший ты рыболов, вот и все!

— Это сразу видно, — пискнул со склона Лойза Салих, — хотя бы по тому, как ты держишь удочку.

— И как закидываешь!

— Да и вообще! — подтвердили остальные мальчишки.

Я наклонился к Грудеку:

— Может, вы меня жалеете?

Грудек посмотрел на ребят.

— Мы просто хотим быть справедливыми. — Грудек оглянулся на ребят, и все закивали головами.

Но мне все еще не верилось.

— Хотите посмеяться надо мной? Врете вы всё!

И тут я получил от Грудека такой удар, что мигом очутился на руках у Индры.

— Такими словами не бросайся, понятно?

Левой рукой он стукнул, а правую подал. Я пожал ее. Индра протянул мне левую, потому что я еще продолжал сидеть на его правой руке. Я поднялся и пожал руку Лойзе Салиху и двум другим ребятам.

Одного звали Карел, другого — Вашек.

Руда посматривал на меня и хмурился.

Потом Грудек посоветовал мне забрасывать поближе к скале, а сам увел ребят на дорогу.

— Не будем тебе больше мешать. Какая это ловля, если пятеро над душой стоят!

Он побежал к мостику, остальные следом. Обходя казинскую скалу, каждый плюнул в воду: пожелал мне удачной ловли.

Из всех бесчисленных неприятностей, которые отравляли мне жизнь в Петипасах, оставалось еще четыре. Первая пустяковая — надо было все же

поймать рыбу. Вторая уже посерьезней: необходимо помириться с паном Людвигом. Разделаться с третьей было совсем сложно: Анча не должна думать, что я трус. А вот четвертая! Я даже не знал, как к ней подступиться: мне очень хотелось, чтобы Руда Драбек стал хорошим парнем, с которым можно дружить.

Я решил, что сперва поймаю рыбу. Насадил на крючок нового червя, забросил удочку поближе к скале, как советовал Грудек.

Солнце уже не палило. Было тихо-тихо. Даже слышно, как распрямляется трава, на которой мину-ту назад сидели ребята. Откуда-то прилетела стрекоза. Замерла над удочкой. «Если стрекоза сядет на удочку, значит, до вечера поймаю большую рыбу», — загадал я.

Но всему помешал Руда. Тихонько подошел сзади и как ударит по удочке! Стрекоза испугалась и улетела. Руда повалился около меня на траву.

— Скучища, правда?..

Я покрутил катушку спиннинга, чтобы выправить поплавок.

— Хороший друг, ничего не скажешь, — продолжал Руда. — Уже успел подружиться... с этими...

— А тебе-то что?

— А мне-то наплевать! Эти петипасские мальчишки мне абсолютно не нужны. Ясно?

Он перевернулся на спину, положил руки под голову и сделал вид, будто разговаривает с ребятами из нашего класса.

— Эх, ребята! Если б вы только его видели, заплакали бы от жалости. Человек окончательно опетипасился. После каникул в Прагу его не ждите. Построит он себе на Казине дворец и станет владыкой петипасским.

Я только бросил коротко:

— Опять бубнишь?

— Кормиться будет рыбной ловлей, — не уни-

мался Руда. — Ведь он великий рыболов! Рыбам от него нет спасенья, даже если им вздумается забраться на дерево.

Руда знал, чем меня уесть. Я оставил удочки.

— Может, ты мне покажешь, как ловить рыбу?

— Скажи это тем пятерым, которые тебя тут учили.

Он закрыл глаза, притворился спящим. Но через минуту начал снова:

— А что тебе, собственно, нужно от этих ребят?

Мне показалось странным, что он все время говорит о ребятах из Петипас.

— И чего они хотят от тебя? Я с ними ругаюсь вот уже три года, каждые каникулы... — Руда что-то подсчитал на пальцах. — Нет, уже четыре года. И они со мной тоже.

Леска дрогнула. Я хотел прикрикнуть на Руду, чтоб помолчал, но он был сегодня какой-то не такой, грустный какой-то. Поэтому я только тихонько показал на поплавок.

Отломив ветку вербы, Руда принялся ее жевать. Скривился, будто она очень горькая. А может быть, его что-то мучило?

— Я же знаю, Руда, тебе неприятно, что ребята с тобой не дружат, — сказал я.

Он вскочил с земли, встал передо мной и захохотал:

— Глупости! И как только тебе такое в голову пришло?

Ударив себя в грудь кулаком, он продолжал:

— Я Руда Драбек! Ясно? Даже если десять тысяч ребят не захотят со мной разговаривать, мне все равно!

Я понял, что Руда притворяется, и Руда понял, что я понял, но засмеялся еще громче:

— Если не веришь, я и с тобой могу не разговаривать. Я вообще могу ни с кем не водиться.

Насвистывая, он расхаживал по берегу.

— Помнишь, как Генерал влепил мне единицу за стихотворение? А знаешь, почему? Потому что я в тот день решил, что не буду с ним разговаривать. А уж если я не захочу, то не буду говорить даже с Генералом!

Я не понимал, к чему он клонит.

— Имей в виду, я всегда делаю только то, что хочу. И пусть все оставят меня в покое. И ты тоже! А в первую очередь эти петипасские!

Все это звучало как-то странно. Но я думал о другом: может, сходить к ручью за пиявкой и попытаться поймать на нее сома? Руда взял меня за руку:

— Тонда, обожди минутку.

— У меня нет времени. Мне нужно достать пиявку, пока не стемнело.

Он схватил меня за другую руку:

— Кто для тебя важнее — пиявка или я? Если пиявка, то иди.

— Что ты плетешь, Руда?

Руда замотал головой так, что волосы упали ему на лоб. Он так всегда делал, когда его что-нибудь тревожило.

— Ну, поскорей! Чего тебе надо?

Руда начал грызть ногти. Похоже, что он хотел рассказать какую-то тайну, но колебался. Вдруг он повернулся ко мне спиной:

— Нет, лучше завтра расскажу.

Странно, очень странно. Я хлопнул Руду по спине:

— Ладно, завтра так завтра!

Он плюнул на ладонь и пригладил волосы, а я побежал к ручью. Нашел мелкое место со спокойной водой. Песок блестел, как золотой. Я лег на живот, приготовил носовой платок и стал выслеживать пиявку. По воде бегали водомерки, по дну ползали улитки. И ни одной пиявки. Большой овод покружил около меня, я отогнал его мокрым платком.

И вдруг — страшный вопль! Он доносился с того самого места между вербочками, где я только что ловил рыбу. Я вскочил так поспешно, что чуть не упал. А Руда за вербами продолжал кричать.

— Я тебе покажу! Ну, подожди, я тебе покажу!

Мысли одна другой страшнее проносились у меня в голове. А вдруг ребята из Петипас потихоньку вернулись и все навалились на Руду?

Я бежал, не разбирая дороги, продираясь через вербы, ветки хлестали меня по ногам. Наконец я остановился, прислушался. Голос Руды слышался совсем рядом.

— Не-ет! Теперь ты от меня не уйдешь!

Протиснувшись между вербами, я вывалился прямо на берег.

Трава вокруг была истоптана, как после страшного побоища. А посреди лужайки стоял Руда и вытирал рукой вспотевшее лицо.

— Что случилось? — крикнул я.

Руда замахал руками, как мельница крыльями:

— Я поймал рыбу!!!

14

— Какую рыбу?

— Боже мой, Тонда, какой ты бестолковый! Карпа. Но уж он мне показал!

Одна нога Руды была вымазана грязью выше колена, другая — вся мокрая.

— Ну и задал же он мне!

Руда дышал тяжело, как после большой драки, и никак не мог отцепить от трусов застрявший в них крючок. Я хотел ему помочь.

— Не подходи! Запутаешь леску!

И правда, от него во все стороны тянулись серебряные нити: от Руды на вербу, с вербы на Руду и еще крест-накрест между вербами.

— Послушай, что ты делал с леской?

— Это не я, это карп, — проговорил Руда сквозь зубы. Зубами он пытался вытянуть крючок из трупов.

— Твой карп летал по воздуху?

— Еще как! — спокойно ответил он, продолжая возиться с крючком.

Я осторожно прополз под петлями лески.

— Чем ты, собственно говоря, здесь занимался?

Руда наконец выдрал крючок и вместе с ним большой клочок из своих трупов.

— Ну, Тонда, вот это было дело!

Он пригладил волосы и пустился в объяснения.

— Только-только ты ушел к ручью за пивком, как вдруг поплавок дернулся. Я хотел тебя позвать, но поплавок заплесал, а ты был уже далеко, ну, а я-то был тут. Удочка так и запрыгала. Но вот она уже у меня в руках. Подсека-а-аю, и тут засвистело так, будто пилой проехали!

— Ты придержал катушку?

Руда замахал руками.

— Я держал, что мог! Снова подсек, и снова засвистело. Три раза я подсекал, и три раза он уходил прямо из-под рук!

Я схватил его за плечи:

— А катушка? Катушка спиннинга? Что ж ты ее не придерживал?

— Я про нее забыл. Думал только о карпе! А как ты догадался? Я вообще бросил удочку...

— Бросил удочку? Тоже мне рыболов!

Руда посмотрел на меня с укоризной:

— Что ты кричишь? Без удочки у меня получилось гораздо лучше. Если б ты только видел! Леска летала по воздуху, карп тоже. Теперь твоя удочка, Тонда, годится и для летающих рыб. Потом он упал в траву около самого берега. Я за ним. Ты когда-нибудь ловил карпа?

Я объяснил ему, что ни один рыбак не полезет

за рыбой в воду, если она весит меньше восьми килограммов.

— Да? А ну-ка, расскажи мне, как это я должен был его взвесить? — фыркнул Руда.

Я объяснил ему, что вес рыбы узнают по тому, как натягивается леска.

— Так мой тянул на все сто! — заявил Руда.

Я подозрительно взглянул на него.

— А каких он размеров, твой карп?

— А я, думаешь, помню?.. Он теперь на берегу. Я знаю только одно: поймать карпа в воде куда тяжелее, чем схватиться с медведем. Медведь хоть не скользкий. Под конец я все-таки схватил его, но он вырвался из рук и упал прямо на берег.

Руда быстро снял намокшую майку и стал ее выжимать.

— Но он и потом не оставил меня в покое. Ему все хотелось обратно в реку. Тогда я его пристукнул.

Я с завистью смотрел на Руду, как он спокойно вытирает руки о траву.

Я просидел у реки столько времени и не поймал даже уклейки, а Руда подцепил карпа за несколько минут. И надо же — как раз в тот момент, когда я побежал за пивавкой!

— Да не огорчайся ты! — утешал он меня. — Половину я отдам тебе.

Но я ответил, что не могу взять рыбу, которую поймал кто-то другой. Руда обиженно посмотрел на меня.

— Если бы тебе предложил полрыбы Лойза Салих, ты бы взял? Лучше скажи правду: не хочешь со мной дружить, вот и все!

Я оставался единственным парнем в Петипасах, который еще разговаривал с Рудой. Я прямо не знаю, что он сделал бы, если бы и я перестал разговаривать с ним.

— Ладно. Где он, твой карп?

— Я его спрятал, чтоб был свежий.

Он наклонился к какой-то ямке. Осторожно отгреб траву, которой она была прикрыта, поднялся и, гордо выпятив грудь, двинулся ко мне:

— Ну, что скажешь?

Я заглянул в ямку. Там лежал карп. Вернее, даже не карп.

Это был малюсенький карпик, почти малек.

— Ну, что?

У меня прямо кровь бросилась в голову. Я закричал:

— Да ведь это недомерок!

— Вот здорово! — обрадовался Руда. — Я так и знал, что это какой-то редкий вид. — Он нагнулся и положил карпа на ладонь. — Смотри, какая у него большая пасть!

От злости я совсем потерял голову и стал ругаться такими словами, за которые мне всегда попадало от матери.

— Это у тебя большая пасть! Раскричался о каком-то карпе, а на деле черт знает что!.. Ведь это недомерок, понимаешь? Не-до-ме-рок! Его нельзя ловить. Он же еще малыш.

Руда разжал пальцы, и карпик упал на траву. Руда спокойно вытер ладонь о трусы.

— Ну и что? Теперь я и сам вижу, что это обычный недомерок. Подумаешь, удивил!

Мне просто до слез было жалко карпика. Старик, который когда-то учил меня рыбачить, часто повторял:

«У рыбаков, Тонда, существует такой закон: если поймал недомерка, немедленно брось его обратно в реку. Иначе ты опозоришь и себя и свою удочку на веки веков».

— Я оживлю его, — решительно заявил Руда. — Он у меня еще поплавает...

Руда поднял карпика и побежал с ним к реке. Погрузил его в воду и стал ждать, когда он поплывет. Но я знал, что из этой затеи ничего не выйдет.

Через минуту Руда вернулся и положил рыбку обратно в ямку.

Я смотрел на карпика, и на душе у меня становилось все печальнее. Меня охватил страшный гнев — выходит, опять неприятность, и опять из-за Руды! Хватит. Пора наконец рассчитаться с ним! Я снял тапочки, чтобы удобнее было стоять на скользкой траве, стянул майку и отшвырнул ее в сторону.

— Руда, придется мне тебя отколотить!

Он сразу прищурил глаза:

— А за что?

Пальцами ног я вцепился в траву, чтобы стоять прочно, как скала.

— Лучше не суйся, Тонда, — предупредил Руда. — Тебе никогда со мной не справиться. Ясно?

Он подошел ко мне поближе и сразу оказался на полголовы выше меня.

Сердце у меня похолодело.

Руда показал пальцем на ямку:

— Уж не хочешь ли ты драться со мной из-за этой рыбешки?

— Да! Вот именно! Из-за этой рыбешки! И вообще за все, ясно?

Я бросился на Руду. Но он умел драться куда лучше, чем я. Он захватил меня в пояс, а подбородком уперся в то место под горлом, где больнее всего. Потом оторвал меня от земли, приподнял вверх и стал примериваться, куда бы меня бросить.

В другое время я бы взмолился о пощаде, но сегодня об этом не могло быть и речи. Руда сжимал меня все сильнее. Мне уже нечем было дышать. Но я все-таки держался. Сердце дико стучало, в глазах потемнело. В ушах начался какой-то странный звон. И вдруг — словно голос Анчи:

«Тонда, я держу за тебя палец!»

Тут я рванулся с такой яростью, что Руда сразу отскочил.

— Что это с тобой? — спросил он оторопело.

Теперь мы стояли друг против друга и громко-громко дышали. Внезапно Руда взглянул на казинскую скалу и завопил:

— Беги!

А сам бросился к ручью, перепрыгнул через него и скрылся среди деревьев. Из-за скалы показались петипасский учитель и с ним... наш Генерал! Когда они вышли на лужайку, я стоял там один возле ямки с карпиком.

— Да это, никак, Антонин Гоудек? — спросил удивленно Генерал.

— Да, — только и вымолвил я.

Генерал нес на плече две удочки. И одна была у петипасского учителя.

Генерал выглядел совершенно неузнаваемо. Вместо черного пиджака на нем была непромокаемая куртка. На ногах — резиновые рыбацкие сапоги. На голову он нацепил платок с четырьмя узелками. И все-таки это был Генерал! Он снял с плеча удочки и оперся на них.

— Это, Карел, мой ученик, — объяснил он петипасскому учителю.

Тот усмехнулся — дескать, уже знакомы. Но мне было вовсе не до смеха. Я знал, что с нашим Генералом шутки плохи. Он и здесь не простит никакого, даже самого маленького проступка. Здороваясь с ними, я поклонился и при этом нарочно перешагнул через ямку, где лежал карпик. И даже руки слегка растопырил, чтобы совсем заслонить эту ямку. У меня было только одно желание — поскорей бы ушел Генерал! Но он, видно, никуда не спешил, спокойно прищурил глаза и принялся внимательно меня разглядывать. Наверное, ему показалось странным, отчего это у меня такое красное лицо и растрепанная голова. Я стал обеими руками приглаживать волосы и вдруг услышал:

— А между прочим, Гоудек, как ты здесь

очутился? Ведь ты говорил, что поедешь на какую-то мельницу.

Я облегченно вздохнул. Значит, Генерал ни о чем не догадался. И петипасский учитель тоже — он спокойно оглядывался по сторонам и обмахивал лицо соломенной шляпой. Я рассказал Генералу, почему не поехал на Лазецкую мельницу: Ирка Корбик заболел скарлатиной.

— Ах, вот оно что! — протянул Генерал. — Поэтому ты отдыхаешь здесь! И тоже ловишь рыбу. Выходит, мы с тобой коллеги.

В другое время меня бы, наверное, обрадовали эти слова — сам Генерал назвал меня коллегой! Но сейчас я думал совсем о другом. Когда встречаются два рыбака, они прежде всего спрашивают друг друга об улове. А чем я могу похвастаться?

Вдруг Генерал шагнул вперед и быстро наклонился:

— Это что такое?

В руках у него была моя леска. Он держал ее не понимая, где у нее конец, а где начало. И в тот же момент петипасский учитель поднял с травы мою удочку. От этого движения леска, которую Руда замотал вокруг вербочек, дрогнула и заблестела на солнце. Учитель сразу заметил ее.

— Этот парень, должно быть, ловил здесь кита! — сказал он насмешливо.

Генерал нахмурился:

— А ну-ка, Тоник, расскажи, что здесь произошло!

— Ничего особенного, — ответил я, стараясь не волноваться.

— А что ты прячешь за спиной?

Он слегка отодвинул меня, заглянул в ямку и потянулся за карпиком:

— Свежий. Как он туда попал?

Не успел я ответить, как загремел голос петипасского учителя:

— Недомерок?! Это ты его поймал?

Я отрицательно замотал головой.

— Не смей врать!

Вот тут я сразу почувствовал, с кем имею дело. Теперь передо мной стоял не рыболов, а строгий-престрогий учитель.

— А знаешь, кто ты после этого? Ты просто выд-ра! Это она без разбора хватает любую рыбешку!

Генерал не кричал. Он вытащил карпика из ямки и держал его на ладони прямо перед моими глазами.

— Вот это, Тоник, меня огорчает куда больше, чем самый скверный ответ на уроке.

— Но ведь это не я его поймал! Честное слово!

Петипасский учитель сердито стукнул удочкой о землю:

— Тогда кто же? Не сам же он выскочил на берег?

— Руда.

— Ах, Руда? А может быть, Станда, Гонза или Ирка? Кто угодно, только не Тонда!

Генерал похлопал его по плечу:

— Подожди, Карел, не горячись!

— А я не могу спокойно смотреть на такие штучки, — проворчал петипасский учитель.

Он взял у Генерала рыбку, отошел к реке и бросил ее в воду.

Генерал сел на траву:

— Садись-ка, Тоник, и расскажи все, как было, но только чистую правду!

— Я пошел за пивкой, а Руда Драбек остался здесь. Он поймал этого карпика. Потом он увидел вас и удрал. Я не хотел говорить вам об этом — ведь Руда ловил на мою удочку.

Только я это сказал, как Генерал поднялся с травы, весь красный от возмущения.

— В следующий раз придумай что-нибудь по-остроумнее!

Да, много скверных минут пришлось мне пережить в Петипасах, но эта минута была самой горькой. Я говорил чистую правду, а Генерал почему-то не верил мне.

— Не притворяйся невинным младенцем! Оказывается, ты не только выдра — ты еще и лгун!

Я скрипнул зубами и закричал:

— Думайте что хотите, а я говорю вам правду!

— Молчи! Лучше не продолжай, — тихо сказал Генерал. — При чем тут Руда Драбек, когда он проводит каникулы в Гуменном?

— Вот и неправда! Он здесь!

Но Генерал мне уже ни в чем не верил:

— Ты лгун и к тому же порядочный трус!

Я чуть не заревел от обиды. В тот же миг закачались ветки деревьев за спиной Генерала и на берег выскочила Анча. И тут же зацепилась за мою леску. Но она даже не обратила на это внимания. За Анчей выскочил Пецка. Он вертел хвостом и лаял так громко, что в ушах звенело. Щеки у Анчи горели. Она подбежала прямо к Генералу:

— Неправда, Тонда вовсе не трус!

В эту минуту я был готов ради Анчи на все!

Она перебросила косы за спину и спросила:

— Значит, вы его учитель?

Генерал удивленно кивнул.

Тогда Анча показала на петипасского учителя:

— А это вот наш учитель. Спросите его, врала я когда-нибудь?

— Девчонка она озорная, но врать ни за что не станет, — подтвердил петипасский учитель.

— Вот видите! — обрадовалась Анча. — А теперь я расскажу вам, как все это было.

Она повела рукой, словно хозяйка, приглашающая гостей к столу. Генерал и петипасский учитель опустили на траву. Пецка уселся на колени к Генералу. Анча тоже присела и стала рассказывать:

— Я видела все своими глазами. Мне, правда,

немного мешали ветки. Пришла я сюда только в четыре часа, раньше никак не могла — убирала комнату. Здесь я увидела одного Руда. Мне не хотелось встречаться с ним, вот я и спряталась за вербами.

— Короче, Анча, — перебил ее учитель.

Анча кивнула, вскочила с земли и показала на меня пальцем:

— Смотрите! Это он только сейчас такой смирный, а посмотрели бы вы на него немного раньше! Сейчас я вам покажу! — И в ту же секунду она оказалась возле ямки, где недавно лежал карпик. Фыркнула носом, покачалась на носках, ну, прямо, как Руда, и произнесла его голосом: — «Он у меня в ямке. Вот посмотри! Ну, что скажешь?» — Потом она повернулась на пятках.

И вот уже рядом с Рудой стоял я и кричал:

«Ведь это же недомерок! Понимаешь? Не-до-мерок!»

И вот уже снова рядом был Руда:

«Ну и что? Теперь я и сам вижу, что это недомерок! Подумаешь!»

Анча снова перевернулась, расставила ноги, словно собираясь драться, и сказала моим голосом:

— «Руда, я должен тебя избить!» — Тут она остановилась, одернула платье, и снова перед нами была Анча. — Ну, вот они и подрались! А потом Руда увидел вас и убежал.

Генерал и петипасский учитель стали выяснять, какой же это Руда, — тот, который каждое лето ездит в Петипасы, или это Руда Драбек из класса Генерала. А может, это и вправду один и тот же Руда? Спорили они долго. Наконец Генерал кивнул головой:

— Теперь мне все абсолютно ясно! Беру, Тоник, свои слова обратно!

Анча радостно толкнула меня в спину:

— Вот видишь! Теперь ты уже не выдра, не лгун и не трус!

Я был страшно рад, что все кончилось так благополучно. Взял жестянку с червями и протянул ее учителям:

— Возьмите ее себе, я удить сегодня все равно уже не буду. А если хотите, сбегая за пиявками. Они тут рядом, у ручья.

— Пошли все вместе, — решил Генерал.

За одну минуту я наловил девять пиявок. Генерал и петипасский учитель разделили их между собой и отправились куда-то вверх по реке.

Возвращаясь обратно на лужайку, я всю дорогу придумывал речь, которую скажу Анче.

Между тем она не сидела без дела. Еще издали я увидел, как она ползает на коленях по траве и распутывает узлы, которые сделал Руда на моей леске. Пецка сидел рядышком. Я сел возле Пецки. Осторожно взял леску у Анчи из рук и стал вспоминать первое слово из приготовленной речи.

Анча, улыбаясь, поглядывала на меня. Потом подняла с земли майку и подала ее мне:

— Оденься, а то замерзнешь!

Я знал: нужно срочно что-то сказать ей, иначе мы никогда не помиримся. Я взял Пецку на руки и громко шепнул ему в ухо:

— Пецка, скажи Анче, как я рад, что она больше не считает меня трусом.

Анча отобрала у меня Пецку и шепнула ему в другое ухо:

— Пецка, скажи Тонде, что я его друг.

15

На другой день было воскресенье. Пани Людвигова надела новый фартук. Потом вытащила из шкафа праздничный костюм пана Людовика и почистила его. В кухне на лавке уже стояли начищенные ботинки. На носках у них играли солнечные блики.

— Никому не разрешает к ним притронуться, —

сказала мне пани Людвикова. — Сам всегда их чистит. Ну, а ты как, уже умылся?

Я показал ухо — там еще не успела высохнуть вода. Пани Людвикова положила щетку в ящик, открыла дверь и крикнула:

— Когда же ты придешь переодеваться?

— Сейчас, мать, сейчас! — отозвался откуда-то сверху пан Людвик.

Пани Людвикова присела на стул у печки и сложила руки на коленях.

— Вот так уже тридцать лет, Тоник. Каждое воскресенье я достаю Людвику выходной костюм, потом он берется за что-нибудь, а вечером неодетый костюм убирается в шкаф.

Наверху что-то загромыхало.

— Проклятая пакля! — испугалась пани Людвикова. — Еще покалечится из-за нее! Ну-ка, беги на чердак и помоги ему. Ты скорее разберешься в этом хламе!

На чердак вела винтовая лестница. В два счета я был наверху. Пан Людвик стоял над огромным ящиком в темном углу чердака и что-то в нем переворачивал. Вокруг него поднималась пыль и кружилась в столбе яркого света, проникавшего сюда через круглое окошко.

И мне снова показалось, будто пан Людвик капитан пиратов и разыскивает клад в трюме захваченного корабля. Я даже разозлился на себя: «Никакой пан Людвик не капитан! И вовсе не клад он ищет, а просто кусок пакли».

— Мне кажется, здесь легче найти клад, чем эту проклятую паклю, — проворчал в эту минуту пан Людвик.

Я перескочил через балку и остановился у ящика:

— Я помогу вам!

Пан Людвик вытер ладонью пыль с бровей.

— Оказывается, ты еще жив, Тоник?

Мне стало ужасно стыдно — ведь я даже не поблагодарил его за вчерашних червей. Пан Людвик пригладил рукой волосы. Между пальцами у него запуталась длинная паутина. Осторожно он отнес ее к окну и пустил по ветру. Возвращаясь назад, глянул в старое зеркало, которое стояло на балке:

— Господи, да ведь я настоящий пират!

Я подошел к нему и тронул за рубашку:

— Неправда! Вы не пират! И вовсе не надо вам быть пиратом!

Он наклонился ко мне и радостно усмехнулся:

— Правда не надо?

Я кивнул головой.

— А может, тебе это вовсе не нравится, Тоник?

Он взял меня за подбородок и заглянул в глаза.

Я уже было открыл рот, но пан Людвик перебил меня:

— Только, Тоник, не лги!

— Конечно, мне это не очень нравится. Да и любой мальчишка на моем месте сказал бы то же самое. Но я вас и так люблю. Честное слово!

Он отпустил меня и тут же охнул: все мое лицо оказалось измазанным пылью и сажей, как у настоящего пирата.

— Вот это будет сюрприз для нашей хозяйшки. Она нас живо умоет, — посмеивался в кулак пан Людвик.

И мы снова принялись разыскивать паклю, — сегодня пан Людвик собирался прошпаклевать лодку. Мы обшарили весь чердак, обнаружили массу всяких вещей, даже старые кегли, и тут же немного поиграли в них, но пакли нигде не было. Наконец пан Людвик сказал:

— Ничего не поделаешь, придется одолжить у Роучека.

По лестнице мы спустились на цыпочках, чтобы нас не заметила пани Людвигова. Пробрались через малинник к колонке и там потихоньку умылись.

Я спросил пана Людвика, почему он даже в воскресный день не надевает праздничный костюм. Вместо ответа он послал меня на грядки сорвать пару редисок, а сам ушел в дом.

Через минуту он появился в дверях, одетый в праздничный костюм. Ботинки его сияли. Следом за ним выбежала пани Людвикова:

— Боже мой, что же это происходит сегодня?

Пан Людвик закружил ее по двору.

— Сегодня, мать, у нас с Тоником большой праздник.

— С ума сошел, отпусти меня! — сердилась пани Людвикова.

Я бросился к клумбе, вырвал цветок, хотя это строго воспрещалось, и сунул его в петлицу костюма пана Людвика.

Потом мы отправились к пану Роучеку за паклей. По дороге пан Людвик рассказал мне, зачем ему нужна сегодня лодка. Петипасский учитель хотел отправиться вечером на рыбалку с каким-то паном из Праги.

— Это же Генерал!

Пан Людвик нахмурился:

— Стоп, Тоник! То у тебя были моряки и пираты, а теперь появились какие-то генералы.

Я объяснил ему, что Генерал — это наш классный руководитель. Пан Людвик успокоился и пообещал, что позволит мне разогреть на огне деготь, когда он будет чинить лодку.

По дороге к пану Роучеку мы то и дело останавливались. Сперва мы подошли к какому-то забору, и пан Людвик свистнул. Из будки, что стояла во дворе у дома, выглянула огромная собака, замахала хвостом и побежала к забору. В зубах она принесла щенка, а потом еще одного, потом еще и еще. Четырех щенят принесла. Положила их на траву, просунула нос между досками и зажмурила глаза.

— Все хвастаешь, Стелла? — сказал пан Людвик и погладил собаку по голове.

После этого мы пошли дальше. И тут я увидел, что у пана Людвика полным-полно знакомых. С каждым встречным он перебрасывался словечком. Каждый малыш получал от него какой-нибудь подарок, какую-нибудь безделицу. А когда мы проходили около огромной яблони, одиноко стоявшей у дороги, он заботливо погладил ее.

— Эх, милая! Никак, у тебя засыхает верхушка? Надо об этом сказать нашему мудрецу. — Так он называл петипасского учителя.

Не забывал он и про дома:

— И о чем только этот Клишек думает? Трех черепащ еще с осени не хватает.

Потом мы поднялись на какой-то холм и оттуда смотрели вниз на Петипасы.

— Ну, что ты теперь скажешь, Тоник? — спросил меня пан Людвик.

— Скажу, что Петипасы самое красивое место в мире.

Я и не заметил, как мы подошли к дому Роучека. Перевозчик сидел на лавке и хлебной коркой подбирал со сковородки яичницу. Каждый кусок он запивал чем-то из жбана. Увидев гостей, Роучек немного подвинулся и указал нам место возле себя:

— Садись, садись, Людвик. Наконец-то ты к нам пожаловал! Пришел поговорить?

Пан Людвик смахнул носовым платком пыль с лавки, расстегнул праздничный пиджак — все-таки солнце припекало довольно сильно — и сел.

— Я, собственно, за паклей. Мне надо для лодки.

Перевозчик ухватил меня за майку и притянул к себе:

— Ну, а ты что скажешь, рыболов? Чем кончилось твое знакомство с нашей Бероункой?

Он хлебнул из жбана и рассмеялся, будто вспомнил что-то веселое.

— Наш Руда тоже отменный рыболов! Вчера вечером является в чешуе по самые уши, рыбой от него несет за версту. Я говорю ему: «Ты что, руками ловил?»

Внезапно пан Роучек перестал смеяться и задумчиво погладил колено.

— Не могу понять этого мальчишку! Представь себе, Людвик, что после моих слов Рудольф вдруг разревелся!

— А ты что? — спросил пан Людвик.

— Что я? — развел руками перевозчик. — Посмотрел, посмотрел, да и погнал его в постель.

Пан Роучек снова принялся за еду. Выел из хлеба серединку и коркой подцепил яичницу со сковородки. Переворачивая кусок во рту, он бубнил:

— Прямо в горло не лезет! А ведь все этот противный мальчишка! Жена ему целое утро готовила — вчера-то он не ужинал, — а он даже не прикоснулся. Вот я и доедаю.

Он отодвинул сковородку и поднялся с лавки.

— Так, значит, тебе нужна пакля, да?

Он посмотрел на берег, не ждет ли его кто-нибудь у перевоза, и направился к сараю около дома. Пан Людвик подождал, пока перевозчик отойдет подальше, и кивнул мне, указывая на дверь дома:

— Ну-ка, Тоник, сбегай к Руде!

А перевозчик уже кричал из сарая:

— Эй, Людвик, тебе какой кусок — побольше или поменьше? Иди сюда.

Я стоял на пороге дома, не решаясь зайти внутрь — вдруг я застану Руду плачущим. Что мне делать тогда? А главное, что тогда делать Руде? Он всю жизнь боялся бы, что я выдам его ребятам из нашего класса. Но почему он плакал? Я вообразил себя на месте Руды и стал его передразнивать, фыркнул носом:

— «Ладно! Пусть никто со мной не дружит! Мне и одному неплохо, ясно?»

Затем я прищурился:

— «И пусть меня все оставят в покое! Все! И петипасские мальчишки, и та девчонка с косичками и Тонда Гоудек тоже!» — Покачался на носках. — «Я ведь не кто-нибудь, я Руда Драбек!» — И тут я понял, как скверно себя чувствуешь, когда все от тебя отвернулись... Теперь ясно, отчего разревелся Руда Драбек. Но что теперь делать мне? Так и не разговаривать с ним до самой смерти?

Не успел я ответить на этот вопрос, как в дверях сарая показался пан Людвик. Я вбежал в дом.

Руда жил в дальней комнате. Туда надо было идти через кухню. В кухне никого не было. Из горшка на плите шел пар. Двери в комнату Руды были открыты. Посредине комнаты стоял стол, за ним неподвижно сидел Руда и смотрел через окно в сад. Стул был повернут спинкой к дверям. Я постучал пальцем по сковородке, что висела около плиты, но он даже не шелохнулся. Я не решался подойти к нему. В этот момент Руда произнес:

— Лещ — двадцать пять.

А потом:

— Линь — двадцать пять.

Он глубоко вздохнул, пригладил волосы и снова забормотал:

— Карп — тридцать пять. Карп — тридцать пять!

Потом откинулся на стуле и посмотрел в потолок, будто что-то припоминая.

— Форель озерная... форель озерная — сорок пять сантиметров...

Невольно у меня вырвалось:

— Это уж совсем ни к чему! Озерную форель в Бероунке не поймаете!

Руда так и подскочил. Потом быстро спрятал в ящик какую-то бумагу и задвинул его.

— Чего тебе?

— Ничего.

— Тогда отправляйся отсюда!

Он встал из-за стола, подошел к окну и начал насвистывать.

Я стоял в дверях и страшно злился на себя. Зачем только я пошел к нему? Еще подумает, что я за ним бегаю!

Руда перестал свистеть, сел на окно и заболтал ногами. Потом прислонился затылком к стене, подставил лицо солнцу и закрыл глаза.

В комнате было прохладно, но я прямо вспотел от злости. Руда не обращал на меня никакого внимания. Глаза у него были закрыты, он загорал. Я уже хотел пойти спросить пана Роучека — может, ему показалось вчера вечером, что Руда плакал, но в этот миг Руда открыл глаза и препротивнейшим голосом спросил:

— Ты еще здесь? Чего тебе, собственно, от меня нужно?

Ох, как мне хотелось выскочить из этого дома и хлопнуть дверью! Но вдруг я придумал:

— Ничего мне от тебя не нужно. Это ты хотел мне что-то сказать.

— Я? — удивился Руда.

— Да, ты! Помнишь, вчера у реки ты собирался о чем-то мне рассказать.

Руда быстро заморгал глазами и забормотал:

— Не может быть! Это тебе показалось.

— Ничего мне не показалось! Будешь говорить или нет?

— Не буду! Я бы сказал тебе одну вещь, если б ты... в общем, не скажу!

— Ладно, тогда скажу я. Вчера вечером ты ревел, потому что с тобой никто не водится.

В эту минуту в саду слышалось тявканье, и в окне показался нос Пецки. Он посмотрел на Руду и тихонько заворчал. Около Пецки стояла Анча.

Меня так и кольнуло: вдруг Анча подумает, что я бегаю за Рудой?

— Мы с паном Людвиком пришли за паклей, — быстро сказал я.

Анча тоже не хотела показать, что она пришла за Рудой. Взяв Пецку на руки, она потрепала его за ухо.

— А у меня удрал Пецка. Бегаёт сюда ворчать на Роучекову кошку.

Она опустила Пецку на траву, перегнулась через окно и внимательно посмотрела на нас:

— Опять что-нибудь натворили? Почему у вас такой вид?

— Да это просто так, — заморгал Руда.

Анча строго поглядела на него:

— Жалко, что мне нельзя с тобой разговаривать! Ведь ты опять врешь!

Руда махнул рукой и поплелся на кухню. Но, прежде чем закрыть за собой двери, он тихо попросил меня:

— Тонда, если ты мне хоть немного друг, то помолчи.

Я подошел к окну и сказал Анче:

— Понимаешь, тут все дело в одной тайне. Только ты не должна ее знать.

Она отступила на шаг от окна.

— Ах, так? Значит, ты не доверяешь мне, своему другу? — обернулась к Пецке и позвала его: — Идем!

И тут я не выдержал:

— Подожди, я должен сначала подумать.

Слезы выступили у Анчи на глазах.

— Теперь уж нечего думать! Ты просто опять трусил!

Тогда я понял, что придется ей все рассказать. Я вскочил на окно и мгновенно очутился в саду рядом с Анчей. Она тут же вытерла слезы и откинула косу за ухо, чтобы я мог шепнуть ей тайну.

И вдруг я увидел Лойзу Салиха. Он стоял за оградой и смотрел прямо на нас. Я прикрикнул на него:

— Тебе что здесь нужно?

— Анча плакала! — пискнул Лойза. — Я все скажу ребятам!

И тут я испугался, что ребята начнут потом спрашивать у Анчи, о чем это мы разговаривали. Если она расскажет мальчишкам, что Руда ревел, они до конца каникул не дадут ему проходу.

А Лойза продолжал вопить за оградой:

— И как вы шептались, тоже расскажу!

— Не обращай на него внимания, — сказала мне Анча и потише добавила: — Ну, рассказывай, Тонда!

Я умоляюще взглянул на нее:

— Анча, я не могу! Не имею права!

Анча даже не стала со мной спорить. Она свистнула Пецке и бросилась к калитке. Там ее подждал Лойза Салих. Анча оттолкнула его в сторону, перепрыгнула через канаву и бросилась прочь по дороге.

Я долго смотрел ей вслед. Когда я повернул голову, около меня стоял пан Людвик:

— Ну что, Тоник, пойдем домой?

— Я не пойду!

Пан Людвик пощупал паклю, которую взял у Роучека, сдавил ее между пальцами.

— Немного влажная! Такая не годится для шпаклевки. Придешь домой, разбросашь ее по двору на солнышке.

Он сунул паклю мне в руки, почистил свой праздничный костюм и ушел. Закрывая за собой калитку, он оглянулся на меня. Я смотрел, как он шагает по дороге — вразвалку, словно настоящий моряк.

16

Домой мне идти не хотелось, но оставаться у Роучека я тоже не мог. Поэтому я решил пойти куда-нибудь в укромное местечко, где можно все спокойно обдумать.

Я знал одно такое местечко — как раз у самой мельницы. Там росли кусты черной бузины. Под самым большим кустом был небольшой зеленый тайник, вроде пещерки, скрытый густыми ветвями. В нем всегда царили полумрак и тишина.

Я выгнал из-под куста кур — они ходили сюда прятаться от солнца, — а сам уселся в ямку, которую они вырыли в глине. Спину приятно холодила стена мельницы. Я вдыхал резкий запах бузины и размышлял о своих новых невзгодах. Анча мне больше не друг. А все из-за этого Руды с его тайной!

Я решил не вылезать из пещеры до тех пор, пока не придумаю, как помириться с Анчей.

Долго сидел я под кустами. Мельница неторопливо шумела за спиной, а кругом была такая тишина, какая бывает только в полдень. Я закрыл глаза и начал придумывать сказку:

«Ходит Анча по всей деревне, ищет Тонду. Сейчас она осматривает каждый уголок возле дома Роучека. Зовет потихоньку, чтобы услышал только я: «Тонда, где ты? Я снова твой друг!»

Я сосчитал до ста.

«А теперь Анча бежит по дороге, которая ведет на мельницу. Заглядывает под каждый куст. Прежде чем я досчитаю до пятидесяти, она уже будет здесь. Станет перед тайником на коленки, раздвинет ветки и улыбнется мне».

Я сосчитал до пятидесяти и открыл глаза. В пещеру действительно кто-то полз на четвереньках. От радости я затаил дыхание. Но тут же плюнул с досады. Это был Лойза Салих.

Одной рукой он придерживал ветки бузины над головой, другой отгонял курицу, которая пыталась залезть под куст. Меня он не видел.

— Ты здесь? — раздался его писклявый голос.

Я сидел тихо, как мышь.

— Все равно я знаю, что ты здесь, — снова подал голос Лойза.

— А тебе какое дело?

— Вылезай отсюда!

— Когда захочу, тогда и вылезу!

Лойза сел на корточки и отряхнул пыль с колен.

— Советую тебе вылезти!

Меня страшно разозлило, что какой-то петипасский малыш вздумал меня поучать. Я сорвал ветку бузины и спокойно стал обрывать с нее листья. Пусть Лойза видит, что я на него ноль внимания.

— Я тебя не слушаю, Лойза.

Лойза пожал плечами:

— Мне, конечно, все равно, но в этой куриной яме живут шмели.

Шмелей мы проходили по биологии. Они нападают не только на кур, но и на людей.

Я выскочил из укрытия. Лойза отряхнул мне сзади пыль с трусов, но, когда я поблагодарил его, он сказал:

— Зря стараешься, все равно я твой враг!

Тогда я спросил, зачем же он предупредил меня о шмелях.

— Потому что я хотел кое о чем с тобой поговорить, а шмели могли напасть и на меня.

Он уселся на плоский камень у края дороги, а я остался стоять. Мне вовсе не хотелось разговаривать с Лойзой. Да и вообще ни с кем не хотелось разговаривать. Я все время думал об Анче.

Лойза потерял терпение и крикнул:

— Ты что, не понял меня? Отныне ты мой враг!

— Ты уже три раза это повторил. Ну, а дальше?

Лойза нахмурился:

— А знаешь, почему ты мой враг? Потому что Анча плакала!

— А тебе-то что? Смотри, как бы ты сейчас не разревелся!

Лойза даже не посмотрел на кулак, который я ему показывал. Щеки у него горели, а голос от волнения сделался совсем тонким.

— Анча наша, ясно?

— Как это — ваша? Анча — Ладиновиц, а ты — Лойза Салих!

Но Лойза не слушал меня.

— Пусть только кто-нибудь попробует тронуть нашу Анчу! А из-за тебя она плакала. Я сам видел!

Ну что мне делать с этим Лойзой? Говорить с малышом о серьезных вещах — хуже некуда. Чтобы как-то осадить его, я спросил:

— А ты знаешь, как вычислить площадь треугольника?

Он вытаращил на меня глаза.

— Ну, вот и не суйся в дела, которые не понимаешь!

— Ладно, — сказал Лойза, — но почему же она плакала?

Я понял, что с ним не договориться, повернулся к нему спиной и пустился прочь. У самого конца мельничной стены я оглянулся. Странное дело! Сзади никого не было. Тогда я спрятался за углом мельницы и стал подкарауливать Лойзу. Но он как сквозь землю провалился.

Я побрел домой, но у трех каштанов меня ждал сюрприз. Из-за деревьев выскочил Лойза и стал у меня на пути:

— А вот и я!

Я так и ахнул. Как это мог он попасть от мельницы к липам, а я и не заметил? Он насмешливо поклонился мне и снова исчез за деревьями.

Вплоть до нашей улицы я шел, оглядываясь по сторонам, — высматривал Лойзу. Я обегал каждое дерево и кричал:

— Вижу, вижу!

Но Лойзы нигде не было видно. Я подошел к железной калитке, что вела в наш сад. Хотел взяться за ручку, но в тот момент калитка сама открылась. Из-за кирпичного столбика выскочил Лойза:

— А вот и я!

Я разозлился не на шутку.

— Ты что, вздумал со мной играть?

Но вид у Лойзы был серьезный.

— Никакая это не игра, — сказал он. — Это чтобы ты знал, что я твой враг.

Он погрозил мне пальцем, будто я не был на голову выше его.

— Запомни: я буду следить за тобой, и ты никуда от меня не скроешься. Я буду мстить тебе. Я узнаю все твои тайны. И всем расскажу о них.

Я сказал, что он пискля и трус. Он грозно потребовал:

— А ну, повтори еще раз!

Я повторил и добавил, что он шпион. Лойза не совсем хорошо понял это слово. Я объяснил ему. Он вскочил с травы и крикнул:

— А ты предатель!

Теперь уже не понял я, при чем тут предатель. Тогда он мне объяснил:

— Ты настоящий предатель! Из-за тебя плакала Анча.

В эту минуту двери нашего дома распахнулись, и в них показался пан Людвик. В одной руке у него была ложка, в другой — кусок хлеба.

— Эй вы, что тут происходит?

— Ничего! — пискнул Лойза, запустил руку под майку и пошел к пану Людвику: — Я просто принес вам паклю, которую забыл Тонда.

Он подал пану Людвику паклю и побежал к калитке. Когда он пробежал мимо меня, то крикнул:

— Предатель!

17

Во время обеда случилось еще одно несчастье. Я как раз доедал суп, когда кто-то проехался палкой по нашему забору и прокричал:

— Предатель! Предатель!..

По голосу я узнал Индру Клоца.

Итак, оставалось только сделать вывод, что Лойза Салих уже обошел всех петипасских ребят и, вероятно, уговорил их, чтобы они бросили дружить со мной: ведь из-за меня плакала Анча.

Я отодвинул тарелку:

— Мне что-то совсем не хочется есть.

— Ты не заболел, Тоник? — спросила пани Людвикова, сняла с буфета жестяную банку и высыпала себе на ладонь какие-то корешки. — И вообще, ты мне нынче не нравишься. Сварю-ка я тебе одной травки. Очень помогает от желудка!

Она взяла ведро и пошла к колонке за водой.

Пан Людвик отложил газету:

— Тоник, у тебя действительно болит живот?

Я опустил глаза.

— Выглядишь ты недурно. Вот только глаза какие-то не такие. Почему?

Я мотал головой:

— А... просто так.

Под окном закрипел песок: пани Людвика возвращалась с водой. Пан Людвик высунулся из окна, принял у нее ведро.

— Послушай, мать, в прихожей на сундуке лежит пакля. Растрепи ее и раскидай во дворе на солнце. Да смотри, чтобы ветер не унес. Тоник придет сменить тебя.

Пани Людвика отошла от окна, а пан Людвик напился прямо из ведра и протянул его мне:

— Ф-фу!.. Это очень очищает мозги. Ну, так что там у вас с Анчей, Тоник?

Я чуть не выронил ведро, которое нес в угол, к дверям.

— Вы подслушали наш разговор в саду у Ручека?!

Пан Людвик вытер бороду.

— Кое-что я действительно слышал. Случайно, разумеется. А вообще, Тоник, не ссорься с Анчей, она хорошая девочка.

— Я и сам не хочу, — вздохнул я. — Но что делать? Не получается.

Я уселся рядом с паном Людвиком на кушетку и рассказал ему все с самого начала. Он выслушал меня, а потом стукнул кулаками по столу:

— Запутанная история, черт побери!

Мне сразу стало веселее. Все-таки приятней переживать вместе с кем-нибудь, а не в одиночку. А еще я немножко гордился, что у меня все так запутано. Даже пан Людвик не знал, что посоветовать. Он подпер подбородок руками и задумался:

— Как быть? Как теперь быть?..

Время от времени мы отпивали воды из ведра — очень очищает мозги. Но почему-то нам это не помогало.

— Ничего не скажешь, трудная задача, — вздохнул пан Людвик. — Но выход мы должны найти.

Он выдвинул ящик стола, достал лист бумаги, карандаш. И вот что записал:

«1. Как сделать, чтобы Анча снова подружилась с Тондой?

2. Как сделать, чтобы ребята стали водиться с Тондой?

3. Как сделать, чтобы Анча и ребята снова подружились с Рудой?»

Пан Людвик положил карандаш на стол:

— Ну, теперь все записано на бумаге. Однако помогло ли это нам?..

И снова долгие размышления.

— Пан Людвик! А может, мы хотим слишком много за один раз?

Пан Людвик постучал пальцами по столу.

— Пожалуй, ты прав, Тоник. Тогда давай подумаем, кто из вас переживает больше всех.

— Больше всех Анча. А после нее, наверное, я.

Пан Людвик обвел карандашом первую строчку.

— Хорошо, Тоник, рассмотрим все по порядку.

Мы склонились с паном Людвиком над бумагой. По очереди прочитали первую строчку. Потом еще раз. Потом еще и еще. Я — тонким голосом, а пан Людвик — басом. Это было похоже на песенку про белого бычка:

— «Как сделать, чтобы Анча снова подружилась с Тондой?..»

Иногда нам приходили в голову разные идеи, но все какие-то неподходящие. Например, Людвик:

— А что, если рассказать Анче, как этот Драбек плакал? А?

— Этого я сделать не могу — это предательство.

И снова мы читали вслух одно и то же, и снова идеи, но неудачные.

И вдруг пану Людвику пришла в голову отличнейшая идея:

— А что, если эту тайну расскажет Анче сам Руда?

Я очень обрадовался, но ненадолго. Да и сам пан Людвик безнадежно махнул рукой:

— Куда там! Судя по тому, что я знаю об этом твоём Руде, он никогда сам не сознается.

Нам стало жарко. Теперь даже плохие идеи не лезли в голову.

Пан Людвик сложил бумагу и сунул ее в записную книжку, а книжку спрятал в задний карман брюк.

Со двора пани Людвикова торопила меня: скоро ли я приду, чтобы присмотреть за паклей?

Мы договорились с паном Людвиком возобновить наше совещание, и я побежал во двор.

Я сторожил паклю. Она лежала на куске газеты, солнце сушило ее, и ветер ее трепал. Я присел за крольчатником, там было тенисто и прохладно. Пахло клевером — пани Людвикова только что покормила им кроликов. По каменной ограде прогуливался большой кот. Он жмурился от солнца. И тут мне страшно захотелось спать.

Около моей головы кружился и жужжал шмель. Из крольчатника несло теплом, кролики стучали по полу лапами, будто в барабан били. Потом в эти звуки вплелась тихая музыка, и вот я уже иду с Анчей под окном Птачковых — у них всегда играет радио. Вот мы взялись за руки, начали танцевать. А по радио кто-то объявил: «Тонда танцует со своей подругой Анчей».

И тут все вдруг прекратилось, передо мной стоял Руда.

— Я его разыскиваю по всей деревне, а он спит как ни в чем не бывало!

Мне не хотелось расставаться с моим сном, но Руда продолжал меня трясти:

— Ты слышишь, что я говорю?

Я закивал головой и наконец проснулся.

Руда был красный от солнца и тяжело дышал.

— Я с ума схожу от переживаний, а он тут спокойно спит! Ты кому-нибудь что-нибудь сказал?

Я следил за полетом шмеля, пока он не перелетел через забор.

— Ты что-нибудь рассказал Лойзе Салиху? Я своими глазами видел вас вместе.

— Ничего.

Я еще не совсем проснулся. Это злило Руду.

— А ну-ка, не клюй носом, гляди на меня. И Анче ты ничего не сказал?

— Ну нет же!

— А старому Людвигу? Вы с ним, кажется, большие друзья!

— Ему можно было и не рассказывать. Он сам все узнал от Роучека.

— Все-все?

— Да, Роучек ему все выложил.

Руда беспомощно развел руками:

— Так я и знал! А теперь Людвик расскажет ребятам из Петипас.

— Как же! Больше ему делать нечего!

— Ты его еще не знаешь. Он очень добрый! Как узнает, что кто-нибудь из ребят плакал, сразу идет его утешать. И подговаривает ребят и девчонок, чтобы они с ним играли, чтоб они его не обижали. Так-то!

Я хотел успокоить Руду:

— Ну, к тебе-то он никого не станет посылать!

Руда вырвал пучок травы, что росла у забора.

— А зачем он сегодня приходил к нам домой?

И тут я вспомнил:

— Руда, а ведь это он послал меня сегодня к тебе!

— Начинается! — крикнул Руда. Он раскидал траву по всему двору и оглянулся, как затравленный. — Подумать только — меня придет жалеть какой-то Лойза Салих!

Руда схватился за голову и направился к бочке под водостоком. Набрал воду в ладони и вылил себе на голову.

— Нет, дружище, я просто с ума сойду. Ясно?

Вода текла ему за майку, но он не обращал на это никакого внимания. И вдруг сказал каким-то странным голосом:

— Нет, я не Руда Драбек. Я жалкий плакса, которого каждый может пожалеть.

Он ходил по двору и подбивал ногой зеленые яблоки, которые закатились сюда из сада.

И в этот момент мне пришла в голову идея. Лучшая идея в мире. Такая идея, что сердце запрыгало у меня в груди.

— Руда, а я что знаю!

Он даже и не посмотрел на меня.

— Что?

— Знаю, что надо сделать, чтобы ребята ничего не узнали!

Руда недоверчиво посмотрел на меня. Остановился:

— Ну-ка, ну-ка!

Медленно подошел, уселся рядом:

— Говори, только быстро!

— Расскажи все Анче!

Руда ударил кулаком по моему колену:

— Тонда, ты рехнулся! Что от этого изменится?

Я стукнул кулаком по его колену:

— Все изменится, Руда. Если ты расскажешь Анче про то, что ты плакал, мы попросим Людвика, чтобы он ничего не говорил ребятам.

Руда покачал головой:

— Анча девчонка. Ей только скажи — через пять минут все Петипасы узнают. А Людвик тоже тебя не очень-то послушает.

— Анча совсем не такая. И пан Людвик тоже хороший.

С минуту Руда над чем-то размышлял, а потом спросил:

— А почему, собственно, Анче?

Я должен был что-то ответить, но тут у меня совалось:

— Да потому, что ты дурак!

Руда с минуту помолчал.

— Э, нет! Не такой уж я дурак. Я-то знаю, ты хочешь помириться с Анчей, вот и все.

Я ткнул его кулаком в бок:

— А кто тебе сказал, что мы с ней поругались?

И тут Руда, вместо того чтобы ткнуть меня в ответ, вдруг крепко взял меня за руку.

— Она на тебя потому и разозлилась, что ты не выдал ей мою тайну. Да?

Я кивнул.

Руда наморщил нос.

— Тебе это очень-очень неприятно?

Было так тихо, что мы слышали, как самый маленький крольчонок чешет лапкой за ухом.

— Тогда я все расскажу Анче.

В эту минуту я понял, что Руда стал моим другом. Самым лучшим на свете. Единственным.

18

— Так-то вы смотрите за моей паклей!..

Мы и не заметили, как пан Людвик вышел во двор. В одной руке он держал старую сумку с инструментами, в другой покачивалась жестянка с дегтем.

Паклю далеко не унесло. Ее только сдуло с газеты. Руда бросился собирать ее, а я подошел к пану Людвику:

— Руда все сам расскажет Анче!

— Вот это хорошо! — вздохнул облегченно пан Людвик и шепнул: — Молодец, Тоник! Как тебе удалось его уговорить?

— Просто он меня пожалел.

— Никогда не знаешь, чего ожидать от этого Руды.

— У него к вам просьба.

— Ко мне?

Я должен был говорить очень быстро, потому что Руда был уже в трех шагах от нас.

— Он вас просит, чтобы вы ничего не говорили петипасским ребятам.

Пан Людвик положил сумку с инструментами на землю и протянул мне руку:

— Ни слова, Тоник.

Руда слышал эти слова. Он взял сумку, положил в нее паклю.

— Можно я понесу?

Я взял жестянку с дегтем, пан Людвик сорвал цветок, чтобы не идти с пустыми руками, и мы все вместе отправились к реке.

По пути я договорился с Рудой, что он зайдет к Анче сегодня же вечером.

Полдня мы чинили лодку. Пан Людвик конопатил щели, Руда собирал на берегу хворост, а я мешал над огнем деготь. В эти минуты река казалась мне особенно красивой. Синяя, как небо, она слегка волновалась под ветром. И Руда сказал, что приятно работать у реки. Я был рад, что река нравится не только мне, но и моему другу.

Мне казалось, что я только сегодня впервые встретился с Рудой. И мы будто немножко стыдились, что мы друзья. По очереди придумывали, как бы сделать друг другу что-нибудь приятное. Увидев на берегу между камнями хороший кусок дерева для костра, я стал бросать туда камешки, пока Руда не посмотрел; он был, конечно, рад, что нашел это бревно сам. А Руда все время боялся, как бы я не замазался дегтем. Он даже изобрел для меня специальные рукавицы. Сделал их из бумажных пакетиков, которые кто-то выбросил на берегу под вербами.

Пришел взглянуть на нас и перевозчик Роучек. Он принялся шпаклевать лодку с другого конца.

Руки у него были сильные, мышцы так и играли. Я засучил рукава, Руда тоже. Но Руда притворился, будто не видит, какие у меня слабые мышцы, и быстро опустил рукава. И я снова подумал, что отныне он самый лучший мой друг.

И, только когда я оглянулся в сторону Петипас, мне стало немножко грустно. Наверное, Лойза Салих как раз обходит ребят и уговаривает их мстить мне.

Временами я посматривал на берег. Далеко-далеко виднелись кроны трех лип и верхушка шлагбаума, который сторожит отец Анчи. Жаль, что ее домик нельзя разглядеть, если даже влезть на вершину ольхи...

Мои мысли летели к Анче.

«Анча, ну Анча, — мысленно внушал я ей, — ну, пожалуйста, никуда не уходи, будь вечером дома. К вам придет Руда, он расскажет тебе свою тайну».

После полудня я заметил петипасских ребят. Они купались в Бероунке. На другом берегу, далеко от нас. Лойзы Салиха и среди них не было. А вдруг он следит за мной, как обещал! Для проверки я несколько раз крикнул:

— А я тебя вижу!..

Руда страшно удивился. Но я не хотел напоминать ему о петипасских ребятах, о том, что он с ними в ссоре.

Поэтому я сказал, что такими словами начинается одна песенка — Руда ее, наверное, не знает.

Солнце уже не палило. Приближался вечер. На реке появились первые рыболовы. Пан Людвик отложил топор, погладил днище лодки:

— Хорошо!

Пан Роучек помог оттащить ее на ночь под ольху.

По дороге домой я трижды переспросил пана Людвика, правда ли, что Генерал завтра поедет с на-

ми на рыбалку. И пан Людвик трижды ответил: да, Генерал поедет. И с ним — петипасский учитель. Значит, Генерал поплывет на лодке, которую я помогал чинить.

Едва Руда услышал, что с нами будет петипасский учитель, он извлек из кармана какую-то бумагу и стал внимательно ее изучать. Мы уже мпновали спускающуюся к воде лестницу, где женщины полоскали белье, а Руда все повторял размеры разных рыб. Потом я проверял, твердо ли он усвоил.

Когда мы расставались, я ему напомнил:

— После ужина, не забудь!

— Ясно! — последовал ответ Руды.

19

Я поужинал и стал ждать Руду. Несколько раз я выбегал на дорогу, но он все не шел и не шел. Я уже стал бояться: а вдруг Анча уйдет куда-нибудь? Тогда я решил посмотреть, дома ли она. Объяснив пани Людвиковой, что, если Руда явится, пусть сразу идет к трем липам, я побежал к домику возле железной дороги.

Я не хотел, чтобы Анча меня видела, и потому у трех лип сошел с дороги и направился к ее домику задворками, по межам. Так я добрался до ее забора, — вернее, это был не забор, а изгородь из колючих кустов боярышника.

Мне пришлось долго идти вдоль этой неприступной стены, пока я нашел место, откуда был виден весь сад. Зажмурив глаза, я стал на четвереньках продираться через кусты. И вздохнул облегченно: у задних дверей домика сидела Анча; Пецка расположился у нее на коленях, и Анча что-то ему рассказывала. Пецка не обратил на меня ни малейшего внимания, даже хвостом не шевельнул. Из этого я сделал вывод, что Анча говорит с ним о серьезных вещах.

Через несколько минут в саду появился отец Анчи с лейкой в руках. Он покачал головой и сказал:

— Анча, Анча, ты возишься с этим псом будто мать родная. Отпусти Пецку, пусть немного побегает.

Анча спустила таксу на землю. Пецка потянулся и принялся лакать воду из лужицы. А отец стал осматривать сад, раздумывая, откуда начать поливку.

— А почему ты не идешь за ребятами? Сидишь тут, как зачарованная принцесса.

— Они сегодня все придут к нам, — ответила Анча.

Я вздрогнул, оцарапал ногу о колючки, но даже не почувствовал боли. Теперь у меня в голове была только одна мысль: немедленно бежать к трем липам и предупредить Руду, чтобы он успел прийти к Анче прежде, чем здесь соберутся все ребята.

Выбравшись из зарослей боярышника, я бросился бежать. Я, кажется, никогда не бегал так быстро, но вдруг увидел такое, что перепугался до смерти... В нескольких шагах от конца забора из зарослей боярышника торчали ноги. Я чуть было не споткнулся, мне едва-едва удалось через них перескочить.

Я остановился. Вернулся к ногам. Осмотрел их. Они были обуты в тапочки, носков на них не было. В одном тапке был белый шнурок, в другом — черный.

— Руда, ты что тут делаешь?

Ноги дернулись и попытались исчезнуть в кустах. Но в этот миг в саду тявкнул Пецка. Потом еще раз. Казалось, он приближается.

Руда, пятясь, вылез из кустов боярышника.

— Осторожней, оцарапаешься, — сказал я.

Мы побежали на конец ржаного поля — здесь нас не могли увидеть из сада. Сели на межу.

Руда вытряхнул из волос несколько листьев боярышника.

— Ты меня искал?

Я не стал отрицать и спросил напрямик:

— Ты тоже хотел разведать, дома ли Анча?

Руда покачал головой. Я спросил погромче:

— Так что ж ты там, собственно, делал?

Руда опустил голову.

— Тонда, я хотел сначала проверить, смогу ли я ей все рассказать.

— Но ведь ты и так скажешь!

— Нет, Тонда, я не могу!

— Но ведь ты обещал!

— Да, обещал.

— Значит, ты должен это сделать!

Солнце село за петипасскую мельницу. Стало темнее.

— Ты должен, должен! И сейчас же! Сию минуту! — Я уже кричал на Руду.

Он отвернулся:

— Оставь меня в покое! Ничего-то ты не понимаешь.

— Тогда я с тобой не вожусь!

Я лег на траву и тоже повернулся к нему спиной. Через секунду я услышал, как шуршит трава.

— Тонда!..

— Я тебя не слышу.

— Тонда, это ты зря, я твой друг.

— Тогда иди к Анче.

— А ты пошел бы, если бы был на моем месте?

— А я бы не был на твоем месте.

— Ну, а все-таки! Если бы был?

— Тогда пошел бы.

Руда фыркнул носом, но совсем не так, как прежде.

— Вот и нет, ты бы не пошел. Я это понял, пока лежал в кустах. Я уже три раза совсем решился. Один раз даже дополз до той грядки, возле которой Анча сидела. И все три раза возвращался.

Я повернулся к Руде:

— Да ну!

— Я был там. Трижды. Видишь ли, я хотел тебя удивить. Хотел сначала рассказать Анче про мою тайну и только после этого прийти к тебе. Так, мол, и так, Тонда, все в порядке.

Я знал, что на этот раз Руда говорит правду. Он придвинулся ко мне вплотную.

— Удивительная все-таки вещь! Ну почему парень никогда не может сказать девчонке, что он плакал?

Я задумался.

— Верно! Маленький мальчик может, а вот большой — нет.

Руда вырвал пучок травы.

— Вот видишь! А мы-то уже большие.

Нет, я больше не злился на Руду. Я вдруг понял, что есть на свете вещи, которые невозможно сделать

даже ради дружбы. Но как же мне теперь быть? До конца каникул остается еще много дней, и каждый день я буду где-нибудь встречать Анчу, но не смогу даже словом с ней перемолвиться. И никогда не пойдут она со мной на рыбалку.

— Ясно, — проговорил Руда, как будто в ответ на мои мысли. — Снова переживаешь?

— Помолчи лучше! — попросил я его.

Я поднялся, Руда тоже, и мы потихоньку двинулись к шоссе.

Не знаю, о чем всю дорогу думал Руда, но, когда мы дошли до конца межи, он вдруг остановился и схватил меня за руку:

— Тонда, пойдем!

И повел меня в неизвестном направлении вдоль ржаного поля.

— Куда мы идем?

— Сейчас увидишь!

И вот снова изгородь из кустов боярышника. Сначала я ее не узнал, потому что мы подошли к ней со стороны станции. Дороги здесь не было, и кусты росли гораздо ниже и реже. Мы продирались через них так стремительно, чуть не вылетели прямо на клумбы.

— Стой! — прошептал Руда.

Я все еще не понимал, зачем он снова привел меня сюда. Я поглядывал на него краем глаза. Лицо у него было торжественное, и он ежеминутно одергивал трусы. Мне показалось, что Руда готовится к драке.

— Ложись!..

Мы подползли к первой клумбе, где росли два куста пионов, и спрятались за ними.

Отсюда нам был виден весь сад. С огорода доносился запах цветов, овощей и свежеполитой земли.

Перед нами посреди газона стояла лейка. За газоном белел домик. На лестнице перед дверью все еще сидела Анча. Ребята пока не пришли.

Я ткнул Руду в бок:

— Она все еще одна!

И тут меня осенило.

— Руда, неужели ты все-таки скажешь?!

Голос у него дрожал от волнения, когда он шепнул мне:

— Есть карандаш и бумага?

Я достал из кармана записную книжку и карандаш.

— А еще дай вон ту дощечку. Нет, ту, на которой написано, как называется этот пион.

Я выдернул из земли дощечку. Руда вытер ее о траву.

— Еще понадобится камешек.

Пока я искал под пионами камешек, Руда вырвал листок из записной книжки, подложил дощечку и стал что-то писать.

Дописал, сунул карандаш вместе с дощечкой мне в карман. Я чувствовал, что он и впрямь взволнован. Потом пододвинул мне бумагу. При этом он дышал так часто, как будто только что закончил тяжелую работу. Я прочел:

«Анча, это все неправда, что Тонда тебя предал, просто он не хотел сказать тебе про мою тайну, а я в субботу вечером плакал, а письмо сожги немедленно.

Руда».

Прочитав это, я и сам расстроился не на шутку.

Между тем Руда сложил записку, завернул в нее камешек и написал:

«Анче».

Потом добавил:

«Лично!»

Руда подтянулся на локтях, заглянул через клумбу в сад.

Анча все еще сидела на лестнице. На коленях у нее лежала книжка, но она не читала.

— Сейчас ничего не выйдет, — зашептал я Руде.

Темнело. Сад выглядел так, словно я смотрел на него через синее стекло. На путях загудел паровоз.

— Это четыреста семнадцатый, — шепнул Руда. — Значит, уже половина девятого.

Анча все еще смотрела в сад.

— Через минуту придут ребята, девчонки и тогда все! — проворчал Руда.

В этот момент Анча склонилась над книжкой.

— Руда, пора!

Записка взлетела высоко в воздух. На мгновение замерла, как бы выбирая, куда упасть, и быстро опустилась на газон.

Я вздохнул облегченно.

— Здорово!

Руда опрокинулся спиной на траву.

— Теперь пусть себе читает. Мне это абсолютно все равно.

Я наблюдал. Что будет дальше?

Записка лежала на газоне. Постепенно темнело, и она становилась все белее. Анча уселась поудобней на лестнице, но голову от книжки не подняла.

— Что она там делает? — спросил меня Руда.

— Читает книжку.

— Все еще читает?

В этот момент Анча захлопнула книжку. Записка белела на газоне.

— Встает!

— Ну вот, сейчас она будет надо мной смеяться! — пробормотал Руда.

Я еле сдерживался, чтобы не крикнуть:

«Анча, посмотри! Ведь записка лежит у тебя под ногами!»

Анча прислонилась к двери, завязала ленту в косе...

Все это я сообщил Руде. Он откатился от клумбы к изгороди.

— Тонда, у меня аж мороз по коже от всего этого! Ты наблюдай, наблюдай!

Прогремли еще два поезда. На небе растаяли светлые полосы, которые оставляет заходящее солнце. Вдруг на высоком столбе возле шлагбаума вспыхнул фонарь. Это послужило как бы сигналом для захватывающих событий.

Сзади, за домом, скрипнула калитка. Анча сбегала с лестницы и бросилась кому-то навстречу. И в этот момент Руда шепнул мне на ухо:

— Посмотри-ка, вон там шевелятся ветки! Наверняка это Пецка! Он нас выследил.

Дело принимало серьезный оборот. Если Пецка залает, все пропало. Я быстро принял решение:

— Руда, наблюдай за домом, а я пока буду гладить Пецку. Он меня любит!

Но, прежде чем я успел договорить, из-за угла дома показался Генерал. Анча вертелась около него и говорила:

— Папа ужинает, но я его сейчас позову.

Она забросила косы за спину и скрылась в доме. Генерал остановился на краю газона.

Мы забыли о Пецке и притихли, как воробьи, завидевшие ястреба. Нам казалось, что Генерал видит нас даже сквозь клумбу.

Генерал сделал еще шаг, нагнулся и внимательно посмотрел на газон. И тут я увидел в его правой руке фонарь.

Руда не был рыболовом. Он даже фыркнул, когда Генерал чиркнул спичкой и зажег свечку в фонаре.

— Что это он делает?

— Вот теперь мы пропали: он пришел искать червей!

Генерал нагнулся и стал потихоньку шарить в траве. Перед ним скользила маленькая лужица света. Все ближе к тому месту, где лежала записка Руды.

— Значит, двойка по поведению еще до начала учебного года, — меланхолично произнес Руда.

Генерал остановился. Фонарь закачался в его руке. Пятно света скользнуло вперед.

— Еще три шага...

И тут отец Анчи вышел из дверей и окликнул Генерала:

— Добрый вечер! Как дела, пан учитель? Сколько?

Генерал погасил фонарь.

— Они быстро ловятся.

— Лучше всего искать их после десяти. Анча, принеси стул, пусть пан учитель сядет.

Генерал поставил фонарь в угол у дверей.

— Ты славная и послушная девочка, Анча, но я еще должен зайти к Людвикам.

Он посмотрел вверх, на небо, где уже появилась первая звезда.

— Маленький дождик не помешал бы. А так, кто знает, вылезут ли сегодня черви.

Потом Генерал и Анчин отец рассуждали о разных рыбах, и с этими разговорами они дошли до калитки. Анча взяла стул и унесла его в дом.

В саду стало тихо...

И тут из зарослей боярышника выпрыгнул Лойза Салих. Он промелькнул мимо нас, перескочил через клумбу, схватил с газона записку и мигом выскочил из сада через дыру в заборе, о которой знал только он.

20

— В погоню! — крикнул Руда.

Минуту мы бегали около изгороди. Дыру, через которую Лойза удрал из сада, мы так и не нашли.

— Теперь нам его ни за что не догнать! Вот, значит, кто шевелился в кустах!

Руда лизнул ладонь, которую ободрал о колючий куст.

— Хотел бы я знать, что этот нюня здесь делал?

И я рассказал Руде, как Лойза следил за мной, как грозил, что расскажет все мои тайны петипасским ребятам. Руда слушал молча и только несколько раз руками всплеснул.

Мне было очень жалко его. Подумать только — завтра этот парень будет опозорен на весь мир! Он будет ходить один-одинешенек по улицам Петипас. Из-за каждого угла, из каждого окна, из-за каждого дерева, из-за каждой калитки к нему будет нестись:

«Руда — плакса!»

Маленькие дети, играя в песочек, будут напевать: «Руда — плакса...»

Я хлопнул Руду по плечу и твердо сказал:

— Но я никогда ни за что в мире не скажу тебе, что ты плакса!

Вместо того чтоб обрадоваться, Руда выдернул из земли морковку и начал ее грызть.

Я сказал ему, что так ведь можно и заболеть.

— Вот и хорошо! — откликнулся Руда. — По крайней мере, полежу в постели. А если болезнь будет заразная, никто не сможет ко мне прийти. Проболею до конца каникул, а там, смотришь, и домой.

— А что, если ты умрешь?

— Это теперь не имеет значения! — Руда бросил огрызок моркови через изгородь.

Мы сели на траву. Она была влажной от росы — приятно даже! Это немного охладило Руду.

Сидели мы долго. Руда молчал, я тоже. Просто не хотелось ни о чем говорить. Мы были похожи на двух бойцов, проигравших тяжелое сражение. И, прежде чем снова ринуться в битву, необходимо было отдохнуть.

Совсем стемнело. Небо сплошь покрылось звездами. Мы смотрели на них. В одиннадцатом классе мы будем изучать астрономию. Узнаем тайны звезд. А сегодня мы о них ничего не знаем...

— А звезды довольно далеко, — проговорил Руда.

Дохнул теплый ветерок.

— А после звезд — чего? — спросил я.

— Наверное, опять звезды.

— Ого, сколько звезд!

— Наверняка больше тысячи!

— Я думаю, несколько тысяч.

— Много тысяч!

— А на них тоже живут люди?

— Я не знаю.

— А вот одиннадцатиклассники знают.

Руда все смотрел в небо.

— Ну и ладно! Мы тоже скоро узнаем.

— Скоро! Через пять лет!

— Через пять лет... — тихо сказал Руда; звезды пробудили в нас какие-то странные мысли. — Может, через пять лет мы вспомним, как проводили каникулы в Петипасах, и я скажу тебе: «А помнишь, Тонда, как смеялись надо мной ребята из-за того, что я однажды заплакал?»

— А я отвечу: «Да, да, Рудольф, припоминаю что-то в этом роде».

— Я плакса?

— Нет, конечно. Ведь с тех пор ты ни разу больше не плакал.

— Разумеется, — вздохнул облегченно Руда и, довольный, завалился на траву.

Затем мы должны были громко откашляться и высморкаться, чтобы прогнать мысли, навеянные звездным небом.

И вдруг у калитки сада послышался смех Анчи. А потом и другие голоса.

Руда прижался к траве, потянул меня за локоть.

— Внимание! Явились ребята и девочки.

Дорожка, ведущая от калитки к дому, была в тени, и я не мог разглядеть, кто пришел.

В это время зажегся свет в одном из окон, из него выглянул отец Анчи. В руках у него был Пецка. Такса весело затыкала, ребята столпились у окна. Теперь я мог их разглядеть. Я узнал Грудека, Индру Клоца, а из девочек — только Анчу и Итку Малотову. Лойзы Салиха нигде не было видно.

Ребята дразнили Пецку, но он, казалось, не очень-то обращал на них внимания. Вдруг он выскользнул из рук Анчиного отца на землю и скрылся в темноте. Тявкнул несколько раз и прибежал назад. Отец высунулся из окна и спросил:

— Кто там?

Кто-то из ребят зажег ручной фонарик и осветил кусты за домом. Из них вылез Лойза Салих.

— Эй, ты, куда тебя несет? — крикнул на него Грудек.

— Куда всех, туда и меня! — пискнул Лойза и присоединился к остальным.

Мы с Рудой приподнялись на локтях, чтобы лучше видеть.

Анча отдала Пецку отцу. Он ушел в другую комнату — свет в окне погас.

Газон блестел, как серебро, в лучах фонаря над шлагбаумом. Девчонки и ребята уселись на траву в кружок. Только Лойза Салих не сел. Он ходил от одного к другому и что-то нашептывал своим тонким голоском.

Сначала мы с Рудой не поняли. Нам показалось, что он повторяет начало какой-то песенки. Но, когда он подошел к Анче — она сидела ближе всех к нам, — услышали, как он тихо пропел ей на ухо:

— А у меня что-то есть!

— Что? — тихо спросила Анча.

Лойза погладил ладонью карман своей куртки.

— У него там моя записка! — прошептал Руда.

Мы не дышали. Мы ждали: вот сейчас Лойза вытащит записку и отдаст ее Анче! Но он отошел и снова запел, но уже в ухо Итке Малотовой:

— А у меня что-то есть!

Анча и Итка посмотрели друг на друга и отвернулись от него: они были уже большие, а Лойза еще нет. И другие девчонки и ребята не обращали на него внимания.

Они совещались, какие песни петь сегодня.

— А у меня что-то есть! Грудек, а у меня что-то есть!

— Ну и оставь свое сокровище при себе. Сядь где-нибудь и не болтайся, — посоветовал ему Грудек. — Первую песню пусть выберет Здена.

Здена назвала песню, которую мы с Рудой не знали. Все запели.

Лойзе не сиделось. Он обежал вокруг ребят и девчонок и осторожно, издалека посмотрел на кусты пионов, где мы сначала лежали.

— Руда, он ищет нас!

— Ничего он не ищет. Он нас боится.

Лойза вернулся и сел в середину кружка.

Анча назвала другую песенку, ту, о садовой гвоздике.

Я был очень рад, что знаю ее. Мне показалось, что ее пели особенно хорошо. И как раз после слов «как же я тебя забуду, если это невозможно» Лойза вскочил на ноги и выкрикнул:

— А у меня что-то есть!

Песня оборвалась. Кто-то запустил в Лойзу тапочкой. Кто-то спросил:

— Отшлепать его, что ли?

Грудек поднялся на ноги:

— Ну, так в чем же все-таки дело?

— А вот... — пискнул Лойза.

Грудек осветил его фонариком, и все увидели, что Лойза держит в руках записку.

— Где ты ее взял? — спросил Грудек.

— На газоне! — снова пискнул Лойза.

Грудек наклонился над ним:

— И что же там написано?

У Лойзы от возбуждения даже голос пропал:

— Не знаю, там так нацарапано, что я ничего не понял.

— Еще бы! Ведь ты умеешь читать только печатные буквы. — Грудек взял письмо из рук Лойзы.

— Ну, читай же, читай! — нетерпеливо пискнул Лойза.

Грудек повертел письмо в руках.

— Ничего я читать не буду. Это письмо не мне.

Лойза захотел вырвать у Грудека записку. Все ребята вскочили с травы.

— Покажи-ка нам!

Но Грудек погасил фонарик; в саду стало совсем темно. Кто-то крикнул:

— Зажги!

— Это письмо Анче,—спокойно сказал Грудек.— На нем написано, что оно ей лично. Анча, где ты?

— Это письмо от Руды Драбека! Это он пишет нашей Анче! — пищал Лойза Салих.

И, только Лойза произнес последнее слово, все разом смолкли. Сделалось так тихо, что в ушах зазвенело.

Мы с Рудой уже не лежали за грядками—мы стояли и смотрели в темноту. Но вот блеснул фонарик Грудека, и мы увидели Анчу. Она стояла в тесном кругу девочек и ребят. В руке у нее была записка. Все смотрели только на записку и на Анчу.

— Она от Руды Драбека! — снова пискнул Лойза Салих. — Если она от Руды, ты должна ее прочесть.

Анча прижала письмо к груди.

— Если она действительно от того парня, лучше прочесть ее вслух, — сказал Индра Клоц. Эти слова прозвучали как приговор.

Грудек подал Анче фонарик.

Анча развернула листок. Прочитала записку. Скомкала ее в руке.

— Что он тебе пишет? — спросил Индра.

Анча спрятала руку за спину:

— Это тайна!

— Изменница! — заверещал Лойза Салих. — Я хотел тебя спасти, а ты этих ребят из Праги любишь больше нас!

— Неправда, — тихо сказала Анча.

— Нет, правда! У тебя уже с ними какие-то тайны!

— Анча, лучше прочти! — снова посоветовал Индра.

Анча повернулась к нему:

— Не прочту, Индра!

— Ребята, она нас предала! — крикнул Лойза.

Тут я увидел, как ребята потихоньку отходят от Анчи. Одни девчонки остались с ней. Они окружили ее и что-то шептали. Но Анча только качала головой.

Наконец Итка повернулась к ребятам:

— Зря мы ее уговариваем.

Теперь Анча осталась совсем одна.

Вид у нее был такой, словно она вот-вот расплчется.

В темноте блеснул свет фонарика. Это ребята хотели еще разок взглянуть на Анчу: может, передумала?

Но Анча стояла на том же месте и рвала письмо Руды на мелкие кусочки.

— Пошли, ребята,—сказал Грудек и погасил фонарик.

В ту же минуту Руда перескочил через грядку, пулей промчался мимо Анчи и врезался в стайку ребят. Он встал у них на дороге.

— Никакой здесь тайны нет, просто я ревел, потому что вы все от меня отвернулись! Вот! — крикнул Руда.

После этого он бросился обратно к дому, сел на ступеньку и стал изо всех сил колотить по ней камнем — только искры полетели.

Что тут началось! Крик, толкотня. Кто-то наступил мне на ногу. Луч фонарика прыгал с одного места на другое. Чей-то голос прозвучал прямо у моего уха:

— Это он нарочно!

Все столпились около Руды. Грудек направил на него свой фонарик, а я бегал от одного к другому и все повторял:

— Понял теперь, что там было написано?

Ребята даже растерялись от радости — значит, ни с кем не надо ссориться, значит, снова мир и дружба!

Руда сидел на ступеньке, низко опустив голову и зажав ладонями уши. Вдруг он быстро поднялся:

— Выходит, теперь я плакса?

Грудек хлопнул его по спине, да так, что Руда

икнул. Потом он схватил Руду за руку и втащил его в общий круг.

— Ну ладно, ладно! Не дури!

Его поддержали и остальные ребята. Снова поднялся крик, смех, толкотня. Кто-то запел, и вот уже мы все вместе сидим на траве. Справа от меня — Анча, слева — Лойза Салих. Я подмигнул ему. Он тоже ухмыльнулся и шепнул:

— Предатель!

А я в ответ:

— Шпион!

Но оба знали: теперь мы друзья...

Я улыбнулся Анче. Она вырвала пучок травы и бросила мне на голову.

Но оба знали, что это значит:

«Тонда, мы снова с тобой друзья!»

Недалеко сидели Грудек с Рудой. Они о чем-то спорили, хлопали один другого по колену — тоже закадычные друзья.

Наконец Индра Клоц сказал:

— Что будем петь дальше?

— Руда, назови третью песенку!

А я назвал четвертую.

Мы даже не заметили, как в сад вернулся Генерал. Внезапно он появился перед нами, в руках у него покачивался фонарь. Он дождался, пока мы допели, и весело обратился к нам:

— Если вы мне распугали всех червей, я завтра посажу вас на крючок!

Ребята стали собирать червяков, а девчонки распищались и убежали домой. Но Генерал сказал, что уже поздно, и отослал домой всех ребят, хотя им очень не хотелось уходить.

В саду с Генералом остался только Грудек — он был самым старшим из нас. Осталась еще Анча — как-никак, это был ее сад. Руде тоже разрешили остаться — по моей просьбе. Ну, и я, разумеется, остался — как рыболов.

Я набрал семнадцать червей, Руда — шесть, Анча — одного. Между прочим, я в жизни не видел такого великолепного, такого красивого червяка, как тот, которого нашла Анча.

Генерал и Грудек вместе набрали полную жестянку червей.

Мы простились с отцом Анчи, почесали Пецку за ухом и отправились по домам.

— Анча, спокойной ночи!

Генерал пошел вверх к школе — он гостил у петипасского учителя, — а Грудек, Руда и я, не торопясь, зашагали по шоссе.

Была ночь, по спать никому не хотелось. Руда и Грудек обсуждали, как они с завтрашнего дня начнут дрессировать Анчиного Пецку. Руда собирался съездить в Прагу за специальным руководством. Я шел по краю дороги, мне было весело. Сорвав в капаве цветок, я сунул его в карман.

Когда я остановился у своей калитки, Грудек и Руда этого даже не заметили. Они шли и разглагольствовали о том, как с помощью руководства вышколить всех собак в Петипасах.

Проскользнув через калитку в сад, я хотел обегать дом и пройти через веранду в свою комнату. Но тут я заметил, что окно в спальню открыто. Остановившись под ним, я тихо позвал:

— Пан Людвик!

В спальне никто не шелохнулся, и я позвал еще раз.

— Что случилось, Тоник? Людвик давно уже спит!

Это была пани Людвикова. Сначала я не знал, что сказать, но потом попросил ее:

— Пожалуйста, передайте утром пану Людвику, что он может зачеркнуть все три пункта. Сразу! Это очень важно.

— Какие пункты, Тоник?

— Он догадается!

...На другой день под вечер я сидел с Рудой у деревянного мостика неподалеку от перевоза. Руда помогал пану Роучеку собирать деньги, а я точил на бруске свои крючки и ежеминутно кричал Руде:

— Ну что, идут?

Руда посматривал на дорогу и каждый раз отрицательно качал головой.

Я взялся за свой любимый крючок с непонятной синей надписью. На него я собирался подцепить карпа для Анчи и потому точил его особенно тщательно.

Река пахла рекой — чудесный запах! В широком протоке у перевоза плеснулся угорь. Пан Роучек подмигнул мне:

— Этого я оставляю для тебя, Тонда!

— Не менее сорока пяти сантиметров, — отозвался Руда.

Ему теперь не надо было заглядывать в бумажку, чтобы определить размер любой рыбы. Он знал их на зубок, как заправский рыболов!

Возле первого столба мостика качались две лодки. В одной лежали моя удочка, жестянка с червями и ведро. Лодка еще пахла смолой — только вчера мы ее чинили. В ней поедут пан Людвик, Анча и я. Другая, которую нам одолжил пан Роучек, ждала Генерала, петипасского учителя и Руду. Волны плескались о днище. Когда же мы наконец отправимся? Скоро уже карпы поднимутся со дна и пойдут против течения к казинской скале. Положив в коробку последний крючок, я окликнул пана Роучека:

— А откуда карпы знают, что им надо быть под Казином именно в восемь?

Пан Роучек бросил горсть монет в жестянку и рассмеялся:

— У них желудок работает, как часы.

Он посмотрел на берег, передал жестянку с деньгами Руде и подошел ко мне:

— Так что, Тонда, сегодня у тебя ответственный экзамен — сдаешь на рыболова!

— Кто это вам сказал?

Пан Роучек почесал правой пяткой левую ногу и сел около меня на берегу:

— Никто. Я сам знаю. Имей в виду, с вами едет наш учитель и его приятель из Праги. И еще старый пан Людвик; этот вполне сойдет за председателя на любом экзамене. — Перевозчик смахнул капельки пота со лба и весело усмехнулся: — Я надеюсь, ты подготовился хорошо?

Он взял мою коробку с крючками и стал их разглядывать.

И тут мне пришла в голову страшная мысль: а вдруг я сегодня ничего не поймаю?

— Нынче утром Руда говорил мне, что ты обещал Анче хорошего карпа, — продолжал пан Роучек и высыпал крючки себе на ладонь. — И на какой из них ты собираешься его поймать?

Я показал ему крючок с таинственной надписью.

— А я бы, Тоник, с удовольствием подцепил его вот на этот!

Пан Роучек извлек из заднего кармана брюк старую записную книжку и открыл ее. Между листками лежал черный крючок.

Пан Роучек наклонил книжку, и крючок соскользнул на мою ладонь.

Я попытался возразить:

— Он, кажется, довольно ржавый?

— Тебе не нравится?

— А он не великоват?

— Хочешь или не хочешь? — спросил пан Роучек.

Чтобы не обидеть его, я положил крючок в коробку.

Перевозчик встал, потянулся, вернулся к парому и стал собирать деньги. Я остался один со своими заботами.

Прибежал Руда, оглядел меня внимательно и покачал головой:

— Опять тебя что-то мучает?

Теперь он снова стал моим лучшим другом, и потому я признался ему во всем.

Из деревни приплелся Лойза Салих. У него в руке была удочка. Он, как всегда, пискнул:

— Что это вы смотрите на воду? Уплыло что-нибудь?

Мы поделились с Лойзой нашими печальми, хотя он, конечно, еще не мог понять, что к чему. Лойза задумался. А через минуту заявил, что ему пришла в голову хорошая мысль.

— Вот что, Тонда, как поймашь карпа, сразу отдай его Анче, вот и все!

Ну что взять с такого малыша!

Потом пришел Грудек. Еще издалека он помахал нам удочкой.

— Вы тоже на рыбалку?

— Они тут переживают, сможет ли Тонда поймать карпа! — вместо приветствия сказал Лойза. — Он обещал Анче большого карпа.

Грудек попросил удочку и начал вместе с нами думать, как бы это устроить, чтобы я сегодня наверняка поймал настоящую рыбу.

Стемнело. Самое время для рыбалки. Вскоре все петипасские ребята уже сидели около нас, и все давали советы, предлагали крючки, тесто для наживки, мотыля и дождевых червей.

— Тонда, насади вот этого — не пожалеешь!..

Наконец Грудек сказал:

— С рыбой всегда неясно. Рыба она и есть рыба!

Ребята пообещали, что все будут держать палец мне на счастье. Приятно, когда о тебе так заботятся, правда?.. Только Индра Клоц спросил меня:

— Почему это ты должен поймать рыбу именно для Апчи?

Руда постучал пальцем себя по лбу и крикнул Индре:

— Почему? Почему? Потому что она наш друг. Ясно?

У мостика зазвенела цепь. Это пан Людвик отвязывал лодку. На берегу нас ждали Генерал и петипасский учитель. Они уже сложили удочки и кивнули нам с Рудой — мол, поторопитесь.

— Где будете ловить? — спросил Грудек.

— Под Казином!

— Ребята, пошли! — скомандовал Грудек и повел ребят по берегу к казинской скале.

Мы с Рудой побежали к мостику, и каждый сел в свою лодку.

— А где же Анча? — спросил я пана Людвика.

— Она ждет нас у ольхи, Тоник. Там ей ближе, — ответил пан Людвик.

Лодки плыли вниз по реке. Я сидел на носу, вдыхая запах смолы и свежей воды. С мостика нам махал перевозчик Роучек:

— Без рыбы лучше не возвращайтесь!

Мы плыли мимо высоких скал; за день они нагреваются, а вечером от них веет теплом. Березы, растущие на склонах, розовели от солнца, которое медленно опускалось за мельницу. Деревья словно замерли — ни одна ветка не шелохнется.

— Вот это погода! Как раз для рыбалки! — сказал пан Людвик и повернулся ко мне.

А у меня на душе было по-прежнему беспокойно. Чем больше я любовался рекой, тем больше волновался: а вдруг ничего не поймаю?

Вторая лодка плыла рядом с нашей. Генерал и петипасский учитель вспоминали прошлые свои рыбалки, разговаривали о рыбах. Едва они упоминали какую-нибудь рыбу, как раздавался голос Руды:

— Тридцать пять... Двадцать пять... Пятьдесят!..

Петипасский учитель то и дело поглядывал на него и утвердительно кивал головой.

Там, где на левом берегу реки стоят домики с садами, мы увидели петипасских ребят. Они шли гуськом по тропинке, высоко поднимая руки. Это они показывали, что держат мне палец на счастье.

У ольхи нас ждала Анча с Пецкой. Пан Людвик подъехал к берегу, и я помог Анче сесть в лодку. Пецка вскочил сам.

Теперь Петипасы казались мне самым красивым местом в мире. Наверное, нигде, никогда не было такой красивой реки, таких зеленых деревьев и такого розового горизонта. Даже тучи на небе были какими-то необыкновенными.

Все было бы хорошо, если б не мысль о карпе для Анчи. Но Анча ни о чем не догадывалась. Она сидела с Пецкой на задней лавке и рассматривала мою удочку.

Потом она завертела катушку, спиннинг затрепал, и Пецка на него залаял. Я подумал, что это не важная примета.

Пан Людвик повернулся ко мне:

— Тоник, бросай якорь!

Я бросил в реку камень на веревке, затем побегал к тому месту, где сидела Анча, и бросил второй. Пан Людвик сказал, что у меня получается, как у заправского рыбака.

Другую лодку остановил Руда.

Справа над нами поднималась казинская скала. Солнце освещало только ее вершину. Вода под скалой была черная и глубокая.

На другом берегу я увидел петипасских ребят. Они стояли среди высоких верб и забрасывали удочки.

— Ну, Тоник, начнем! — сказал пан Людвик и показал мне, где я должен сесть.

На другой лодке тоже готовились. Генерал хотел одолжить одну удочку Руде, но петипасский учитель сказал:

— Ему еще рановато!

Чтобы Руде не было скучно, петипасский учитель достал из своих вещей складной метр и подал его Руде.

— А что с ним делать? — шепнул мне Руда.

— Будешь измерять рыбу, понятно?

Я попросил Анчу подать мне коробку с крючками. Но сначала я прикрепил на леску поплавков и оловянное грузило, а потом уж привязал крючок. И наконец насадил на крючок червяка.

Пан Людвик, Генерал и петипасский учитель уже забросили свои удочки. Я торопливо бормотал про себя свое заклинание:

— Река, река, дай мне рыбу!

Грузило легко опустилось в воду. Я посмотрел на Анчу: не скажет ли она мне что-нибудь на счастье?

Она взяла лапу Пецки и помахала мне ею.

В тот же миг Генерал подсек леща.

— Для начала не так уж плохо, — похвалил петипасский учитель.

— Лещ, тридцать семь, наша лодка выигрывает! — заявил Руда и сунул рыбу в ведро.

— Ну, Тоник, теперь очередь за нами, — шепнул мне пан Людвик.

На левом берегу что-то плеснулось.

— Я тоже поймал! — послышался голос Грудека.

Я увидел, как все ребята сбегаются к нему.

— А ты, Тонда? — пропищал через реку Лойза Салих.

— Я еще нет!

— Насади тесто! — посоветовал через реку Индра. — Сегодня клюет на тесто!

— Тихо! — крикнул петипасский учитель, и на реке стало тихо-тихо, как в школе во время урока.

Я следил за поплавком так внимательно, что в глазах у меня рябило. Но он не шевелился.

Внезапно с другой лодки послышался голос петипасского учителя. Он звал Генерала:

— Карел!

Я повернулся. Петипасский учитель стоял в лодке, а его удочка согнулась до самой рукоятки. Много ему пришлось повозиться, прежде чем он вытащил рыбу из воды.

Руда гордо провозгласил:

— Карп, ровно пятьдесят!

Ребята стояли на берегу. Было уже темно, и они плохо видели нас. Однако они слышали, как что-то сильно плескалось по воде.

— Это твой, Тонда? — сложив ладони, крикнул Грудек.

Я не ответил.

— Лучше помолчи, — посоветовал Грудеку Индра Клоц.

Петипасский учитель даже не прикрикнул на них. Он был страшно доволен, что поймал такого карпа.

Пан Людвик положил руку мне на плечо:

— Не огорчайся так, Тонда. Мы еще им покажем!

Потом ко мне подошел Пецка. Опершись передними лапами на сиденье, он смотрел мне прямо в глаза и помахивал хвостом. Ему тоже хотелось меня утешить.

Становилось прохладно. Над рекой взошел месяц.

Все вокруг осветилось. И поплавки стало видно очень хорошо. Но мой все равно не шелохнулся.

Петипасские ребята продолжали стоять на берегу. Только Лойза ушел домой, мать увела его ужинать. Я слышал, как он говорил ей по дороге:

— Не могу я тебе дать руку. Я держу палец Тонде на счастье.

Анча тихо сидела на носу лодки. Пецка дремал, свернувшись у ее ног. Он не проснулся даже тогда, когда пан Людвик вытащил карпа. На два сантиметра больше, чем у учителя!

— Когда же у тебя клюнет, Тонда?

Это сказала Анча. Хорошо, что при свете месяца не видно, как человек краснеет...

— Ты слышишь меня, Тонда?

Я пробубнил:

— Анча, тихо, а то разбудишь Пецку.

— Он все равно не спит.

— Спугнешь рыбу.

Пан Людвик тихо засмеялся.

С другой лодки слышался голос Генерала:

— Какой прекрасный вечер!

Я бы тоже так думал, если б у меня был карп для Анчи.

— Тонда, ты не хочешь со мной разговаривать? — снова сказала Анча.

— Хочу. Вот поймаю рыбу, тогда... — Я шлепнул ладонью по воде.

— Тише, Тоник! — буркнул пан Людвик.

— Я бы тоже разозлилась, если б у меня не клевало, — вздохнув, сказала Анча.

И в эту минуту вся моя злость куда-то улетучилась. Я спокойно взял удочку, вытянул крючок из воды. Попросил Анчу, чтобы она сама выбрала мне самого хорошего червя. Отвязал свой крючок и дал его поддержать Анче.

— Ты что, уже собираешься, Тоник? — удивился пан Людвик.

— Хочу попробовать с грузилом потяжелее. Что скажете?

Пан Людвик кивнул:

— Можно. Вода сегодня тянет.

Но, прежде чем я заменил грузило, Анча выронила из рук крючок — мой лучший крючок! Напрасно искали мы его по всей лодке.

Но даже из-за этого я не мог сердиться на Анчу. Я только попросил, чтобы она подала мне какой-нибудь другой из коробок. И она выбрала крючок пана Роучека. Тот, черный и ржавый.

— Этот годится?

Я хотел было вернуть его Анче, но голос у нее был такой печальный, она так расстроилась, что потеряла мой самый любимый крючок...

Я хотел хоть немного ее утешить.

— Это отличный крючок.

— Как я рада! — засмеялась Анча и подала мне червяка.

Я насадил и забросил удочку.

— Карп, двадцать семь, недомерок! — раздался с другой лодки голос Руды.

И брошенный обратно в реку карп весело всплеснул воду.

Через минуту снова:

— Усач, девятнадцать, недомерок!

— Они там напали на рыбий детский сад, — усмехнулся пан Людвик.

— А не пора ли нам домой? — спросил Генерал. Месяц скрылся за тучкой.

— Пожалуй, Тоник, начинай сматывать.

Пан Людвик встал. В темноте зажужжали катушки трех спиннингов.

— Уже сматывают, — послышались голоса петипасских ребят. Они ждали нас на берегу.

Я оглянулся на Анчу:

— Ты теперь совсем не веришь, что я рыболов?

Анча не ответила. Она сидела на дне лодки, на коленях у нее лежал Пецка. Они спали.

Впрочем, теперь я и сам знал: никакой я не рыболов — Анча от скуки даже уснула.

Но вот что мне ответить ей, когда она проснется и спросит:

«Ну, Тонда, а где же обещанная рыба?»

Рыба, которую я должен для нее поймать, не могла быть обыкновенной рыбой. Ведь это первый подарок первому другу в Петипасах.

Пан Людвик тоже заметил, что Анча уснула.

— Тоник, поспеши со сборами, пока мы тут совсем не замерзли.

Я наклонился к удочке, но нарочно сунул руку в карман, чтобы не сразу браться за удочку. Мысленно я повторял:

«Еще минутку. Вот сейчас рыба подплывает к

червяку. Вот она открывает рот. Заглатывает червя. Значит, сейчас поплавок вздрогнет!»

Месяц выглянул из-за тучи. Поплавок неподвижно висел на леске.

Потихоньку я вынимал руку из кармана.

«Ну, теперь уже наверняка. Прежде чем я возьму удочку, на ней будет рыба!»

Поплавок слегка качнулся. Нет, это река играла с леской.

Пан Людвик вытягивал из воды якорный камень.

— Тоник, собрайся. Ты не уснул?

Я взял удочку. Леска натянулась. Так натянулась, что даже зазвенела. Я подсек, но крючок прочно застрял где-то на дне.

— Что ты там возишься, Тоник?

— Я, кажется, застрял.

— Вот те раз! — Пан Людвик окликнул вторую лодку.

— Отправляйтесь вперед! Тоник застрял. Мы вас догоним.

Я подсунул вторую руку под удище, леска тонко запела.

— Нет, это, наверное, коряга.

И тут я почувствовал, как удочка дернулась, будто на дне что-то закрутилось, завертелось—и с такой силой, что лодка закачалась. Пан Людвик бултыхнул якорь обратно в воду. Удочка чуть не вылетела у меня из рук. Конец ее заплясал вверх-вниз, а леска свистела так, словно вокруг нас комары летали.

Я только крикнул:

— Поймал!

Пан Людвик перескочил через два сиденья, опустился на корточки возле меня:

— Тяни!

Я тянул обеими руками. Но рыба будто приросла ко дну.

— Тяни, тяни! — кричал пан Людвик. — Это, наверное, угорь!

Я уперся ногой в край лодки, закрыл глаза и тянул. Рыба оторвалась от дна. Попад в поток, она металась влево и вправо.

— Смотри, не выпусти, Тоник!

Я прокрутил катушку разок, другой — больше не удалось.

Пан Людвик стоял возле меня и пристально следил за леской, которая металась из стороны в сторону.

Я сжал зубы.

— До чего ж здоровая!

Пан Людвик молотил кулаками по дну лодки.

— Если ослабишь хоть на секунду — поминай как звали!

Рыба начала уставать. Я это сразу почувствовал.

— Берп ее с лески!

Я отбросил удочку, схватил в руки леску. Правой, левой, правой, левой — попеременно. Вода около кормы пошла кругами. Пан Людвик скинул пиджак, приготовился.

И вот показался угорь. Промелькнул вдоль борта к носу. И тут пан Людвик набросил на него пиджак.

Сердце у меня оглушительно стучало, коленки тряслись. Пецка тывкал, а Руда на другой лодке размахивал руками, как ветряная мельница:

— Ребята! Угорь! Такой, что в штанину не поместится!

— Тонда, ты? — отозвались ребята.

Я ответил слабым голосом.

— Я-а-а...

— Ура! — заорали на берегу.

А Генерал проговорил:

— Тонда, садись — пять!

Пан Людвик засунул угря в мешок и крепко-накрепко его завязал. Я взял этот мешок и передал его Анче:

— Это тебе!

— А он не кусается? — спросила Анча...

Мы медленно плыли назад к перевозу. Казинская скала уже растаяла в темноте, а река перед нами казалась широкой серебряной дорогой.

Я сидел на носу, смотрел на пана Людвика. Когда он наклонялся и загребал, я видел за его спиной Анчу. Несколько раз она мне сказала:

— Я его крепко держу!

Около Анчи, задрав мордочку, сидел Пецка. На его влажном носу светился лунный блик.

В другой лодке на веслах сидел Руда. Петипасский учитель командовал:

— Раз-два-а!

— Здорово получается! — бурчал время от времени Генерал.

А по берегу к перевозу шли ребята. И всем встречным сообщали:

— Везут угря! Такого, что в штанину не поместится!

Месяц освещал нам дорогу. А завтра взойдет солнце, послезавтра опять и после-послезавтра снова. Еще много-много раз будет всходить солнце, прежде чем у меня кончатся каникулы.

Чудесные каникулы в Петипасах!

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

Для детей среднего школьного возраста в 1961 году изданы следующие книги современных иностранных авторов:

***Гринчирж С.* Происшествие кончилось в пятницу.**

Юмористическая приключенческая повесть, рассказывающая о необычайном происшествии пражских школьников и их знакомстве с таинственными открытиями современной техники.

Перевод с чешского

***Праттико Ф.* Перчинка.**

Повесть о беспризорном итальянском мальчике, по прозвищу Перчинка, который, поселившись в развалинах старого монастыря, знакомится с рабочим-коммунистом и потом сам становится борцом-патриотом.

Перевод с итальянского

***Принггоадисурьо Л.* Тати не отчаивается.**

Повесть знакомит с жизнью индонезийских ребят-школьников, их поведением, доставляющим много хлопот учителям и родителям.

Перевод с индонезийского

***Риццо Ф. А.* Среди лагун и болот По.**

Книга известного итальянского детского писателя о рыбаках и охотниках, их детях и друзьях.

Перевод с итальянского

***Ху Ци.* Дорога в снежных горах.**

Повесть о трех мальчиках-тибетцах, отправившихся в опасный путь по малохоженным тропинкам Тибетского нагорья искать дорогу-радугу, проложенную Освободительной армией, и об их приключениях.

Перевод с китайского

***Чельgren Ю.* Приключения в шхерах.**

Увлекательная повесть известного прогрессивного шведского писателя о приключениях мальчика на охоте, в лесу и на рыбной ловле.

Перевод со шведского.

Эти книги по мере выхода их в свет вы сможете приобрести в магазинах книоторга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов. Можно также заказать книги и через отдел «Книга — почтой», Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-б, магазин Москниготорга № 94.

Цена 35 коп.